

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

12. 2011

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

14.12.11

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Цена договорная

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

- Шамсудди МАКАЛОВ. *Встреча с Тасу*. Рассказ из цикла «Записки врача».....2
Мовла ГАЙРАХАНОВ. *Путь покаяния*. Рассказы.....14
Тауз ИСС. *Украденная Родина*. Главы из романа.....28

ПОЭЗИЯ

- Шамиль ХАДЖИМУРАТОВ. *В самолете «Москва-Берлин»*
Стихи и переводы.....26
Руслан МАГОМАЕВ. *Из юности*. Стихи.....38

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- Маргарита РОМАНОВА-АЛЕКСАНДРОВА.
Встреча с Ахматовой. Стихи.....45

ДЕБЮТ

- Малика НАХАЕВА. *Даймохк билхира*. Стихаш.....13
Малика ЕЖИЕВА. *Реквием кошкам Грозного*. Рассказы...40

ДРАМАТУРГИЯ

- Лейла ТАМАСХАНОВА. Мюсли. Пьеса. Перевод с
ингушского Алвади ШАЙХИЕВА.....47

ИСТОРИЯ

- Малика ГОРТИКОВА. *Свет деяний меценатов Чечни*...54

ПАМЯТЬ

- Светлана АЙСХАНОВА. *Наставник своего времени*.
К 104-летию со дня рождения
Шамсуддина Айсханова.....66
Абу ИСМАИЛОВ. *Смерть поэта*.....69

ПУБЛИЦИСТИКА

- Хамзат УМХАЕВ. *«Историческое» мифотворчество*...75

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- Сулиман МУСАЕВ. *Письмена*.....89

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Сацита ИСРАИЛОВА. *Искусство через призму времени*...89

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ...90

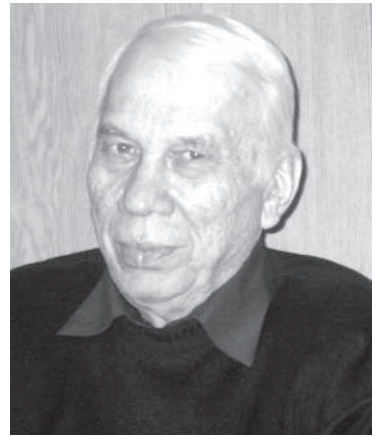
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2011 ГОД.....91

Шамсудди Макалов

Встреча с Тасу

Рассказ из цикла «Записки врача»

*Я из повиновения вышел.
За флажки – жажда жизни сильней.
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей.
В. Высоцкий*

Каждое утро снежный покров все ниже опускался по горным склонам. Наконец, в начале декабря выпал первый пушистый снег.

Но он недолго радовал ребятишек – растаял через день. В Урд-Юрте я не видел большие сугробы, как у нас в Сибири, не беспокоили холодные порывы ветра. Кругом было спокойно. Даже дети редко катались на коньках и лыжах. Зима была мягкая, теплая. Настоящая южная зима. Наша мудрость: мороз до снега – добрая озимь к весне, или зима крепкая – весна дружная – была не очень созвучна здешнему климату.

Было декабрьское субботнее утро. Синоптики предсказывали ясную погоду. Да и небо было безоблачное, чистое. Я решил после утреннего обхода навестить тяжелого онкологического больного, которого привезли домой после очередного облучения. Хутор Цехой, где жил больной, находился в верстах восьми от Урд-Юрта. Машины не было. Аюб в тот день стоял на ремонте. Идти надо было пешком, поэтому я решил заодно поохотиться. Я вообще любил ходить пешком – это сохраняет физическую бодрость, настроение.

Завершив утренний обход и выпив в кабинете Зухры чай с кизилковым вареньем, я стал спешно собираться.

– Эй, Гилани! Ты чего так спешишь? – насторожилась тетя Хеди. Она думала, что после обыска КГБ и изолятора я сбегу, но, увидев мое охотничье снаряжение, успокоилась, пожелала счастливого пути, не забыв завернуть мне на дорогу сухой паек. Она уже привыкла к моему увлечению и не старалась меня удерживать дома.

Охотой я увлекался еще в Сибири. Любил ходить с ружьем по тайге. Неплохо знал жизнь леса и хитрого зверя. А здесь на дощатой стене моего сарая висели несколько шкур лисиц и зайцев. На охоту с собой я брал своего Абрека. Ухаживал за ним прилежно. Кормил заботливо и сытно. И на сей раз, хорошенько накормив, нежно погладил по шерсти. Он благодарно лизнул мне руку и, заигрывая, вильнул хвостом. Чтоб добраться до хутора, мне надо было перейти через небольшой приток Аргуна и на той стороне подняться вверх по вьющейся тропе и идти далеко вглубь лесистых гор. А идти по дороге было гораздо дальше. Я был в сапогах. Ружье торчало у меня за спиной. Вокруг лежал тонкий, как иней, слой снега. Абрек забегал вперед: ведь ему было радостно оттого, что шел рядом со мной на привычное дело. День, как и ожидалось, был ясным. Снежные вершины блестели на солнце. Я шел по узкой горной тропе, которая то поднималась по отвесным скалам, то спускалась вниз. С обеих сторон тянулись невысокие кусты боярышника и терновника. Встречались рощицы кизила и орешника. На темно-синем небе отпечатывались голые ветки чинара и дубов. Когда тропинка выскакивала на поляны, мы с Абреком отдыхали, прислушивались. Где-то далеко внизу глухо шумел Аргун, зажатый высокими замками скал в темном ущелье. Верхушки скал, несмотря на ясный день, были обмотаны туманной завесой, как правдоверные чалмой.

Когда мы подошли к почерневшим кустам облепихи и ежевики, неожиданно

выскочил из-под кустов заяц и побежал вверх по тропе, но Абрек и я были начеку – и заяц оказался нашей легкой добычей. Абрек, от радости повизгивая, прыгал вокруг него.

А косулю я заметил издалека. Правда, раньше меня заметил ее Абрек, которого пришлось придержать. Он рвался из ошейника. Косуля бродила по лесу и пощипывала траву. Я с Абреком осторожно шел за ней. Идти пришлось довольно долго. Смог два раза щелкнуть фотоаппаратом. Спустился за ней в очень глубокий, усыпанный густым кустарником овраг, смотрел, как она припала к звонкому ручейку. Напившись воды, она побежала вниз по ручью. Но вдруг остановилась, подняла голову, наострила уши. Я понял: что-то напугало ее. И она замерла, озираясь вокруг. И только она хотела сделать прыжок куда-то в сторону, раздался выстрел, за ним другой, и затрещали ветки. Прыжок у косули не получился. Она упала и жалобно заблеяла. Я стал растерянно оглядываться вокруг. И тут я заметил, как ловкими скачками к ней подбежал человек в зимней шапке и, вытащив кинжал, перерезал ей горло. На взгорке, наблюдая за происходящим сверху, держа Абрека крепко за ошейник, я стоял около большого дуба, который находился метрах в десяти-двадцати от этого места.

Незнакомец быстро разрезал живот косули и выпотрошил внутренности. Пока он с косулей за спиной поднимался по крутой тропе в нашу сторону, я внимательно, широко открытыми глазами смотрел на него. Это был смуглый, коренастый человек. Лицо было покрыто густой черной с проседью щетиной, а живые глаза сверкали, как у загнанного матерого волка. За спиной свисала голова косули. В правой руке он сжимал карабин.

Мне казалось, что я где-то видел этого горбоносого, с густыми черными бровями человека. Но где? Где? Этого я не мог вспомнить. Тут мой Абрек залаял на него, что с ним бывало довольно редко.

– Абрек! Абрек! – прикрикнул я. – Молчать!

Мужчина вздрогнул и, повернувшись на возглас, быстро нырнул в кусты под скалой. «Браконьер», – подумал я.

И тут же услышал, как щелкнул затвор карабина.

В сердцах обругав Абрека и быстро собравшись духом, я крикнул:

– Эй, не стреляй! Я тоже охотник. Не бойся, – и на всякий случай спрятался за дуб.

Прошло какое-то время, и я услышал:

– Хей, хьо мила ву? (Эй, ты кто?)

– Со лор ву. Гилани ву¹, – ответил я по-чеченски.

– Ты с кем? – спросил он уже по-русски.

– Я один, с собакой.

– Ты меня знаешь?

– Нет.

– Зачем кричал «абрек, абрек»?

– Так зовут мою собаку. Такая кличка.

– Ты кто? Как тебя зовут?

– Я врач. Гилани из Урд-юрта.

– Тьфу ты, дурак, – тихо, но внятно выругался он. – А я думал... и чуть не застрелил... Бог дал мне выдержки. Я тебя знаю. Ты лекарь.

– А вы кто? Охотник? Лесник? Как зовут?

– Ружье бросай, выходи, – крикнул он.

Я сначала выглянул, а потом осторожно вышел из-за дуба и направился к нему. Он тоже вышел мне навстречу, но на всякий случай держал меня на прицеле.

Он пытливо своим стальным взглядом глядел то на меня, то на собаку, которую я держал за ошейник. Мужчина был в сером плаще и в хромовых офицерских сапогах. В руках был карабин, а на шее висел полевой бинокль.

– Лекарь, ты как сюда попал? По своей ли воле? – спросил он, подозрительно

¹ Я врач. Гилани.

рассматривая меня.

– Откуда вы знаете меня? И мне кажется, что я где-то встречался с вами. Вы были у меня на приеме? Приходили в больницу? – всматривался я в его лицо.

– Что ты! Нет... Ты следил за мной?

– Что вы говорите?! Я не шпион какой-то. Я шел на вызов в Цехой, но, заметив косулю, решил пойти за ней следом, но вы ее...

– Значит, я опередил, ну, извини, – прервал он меня, – тогда разделим пополам. Согласен? – и показал винтовкой на лежащую рядом тушу.

– Нет, что вы! Я вовсе не хотел ее убивать... А вы кто? Как вас зовут? – спросил я снова, видя, что он уклоняется от ответа.

– Ты мне нравишься. Ты мужчина. Я слышал твое выступление на собрании. Они думали, что тебя кто-то вводит специально в заблуждение, что это результат чьей-то провокации, что ты попал под дурное влияние. Молодец. И за Марху спасибо.

– А ты знал ее?

– Я? Знал? Что ты, лекарь? Еще как знал! О Аллах! Почему я не оказался тогда рядом... Валлахи! Я убил бы их всех на месте. Ха-ай, суки! Гады! – зло сплюнул он. – Она жертва этих извергов. Еще наговаривали на нее, что она блудница. Что она такая грязная. Брехня, клевета! Она просто ухаживала за мной, месила мне чурек. Жалко, лекарь. Очень жалко ее. Говорят, что она в тюрьменной больнице. Я знал ее отца и мужа...

– Я ее случайно с Совпад встретил в старой мечети. Марха мне показалась умной и порядочной женщиной, но она нуждается в серьезном лечении.

И тут же вспомнил старую мечеть. И снова, как в зеркале, увидел все, что тогда случилось. Неприятно было все это вспоминать.

– О мир, сколько в тебе лжи и коварства! Пусть это будет сложно, но Бог не мой и я не Божий, если я не доберусь до ее мучителей! Все они должны своей кровью ответить за все. Я, лекарь, не отступлюсь, бороться не перестану до последнего. В том моя вера и моя совесть! Они у меня поплатятся за все! Палец мой всегда на спусковом крючке. Я с каждым днем озлобляюсь все больше и больше. Я их на куски разнесу... – он был в порыве гнева. Лицо перекошилось от злости. Его мохнатые черные брови хмурились. И я невольно думал: «Какой он злой и мстительный человек».

– А твой завхоз, – продолжал он, – воришка и негодяй, пусть из матери жену сделает, устроил мне с органами две коварные засады, зная, что я очень привязан к родному селу. Последний раз я через семь заборов перепрыгнул, чтобы уйти. Власть поднял против меня. Они купили его своими подачками. Если я ему прощу – всю жизнь буду женский платок на голове носить. Это он пристрастил этого придурка Батала к наркотикам и приставил ко мне. И тебя, говорят, изводит он, работать не дает. А селу от него просто спасения нет. Тыфу, подлец! – сплюнул он. – Гнать тебе его надо. Я знал его отца. Неплохой был мужик, а сын дрянь человек получился. От его грязного языка плакали многие. В час опасности смело можешь положиться на меня. Я хорошо знаю этих шакалов, в обиду тебя не дам, – он высоко поднял голову и с вызовом оглядел окрестность.

Здесь он был в своей родной стихии.

– Баркалла, – сказал я, – пока сам постою за себя... Так вы...

– Пстой! Выслушай меня. Хоть ты из Сибири, но стал мне уже ближе, чем некоторые мои земляки, которые в темноте блуждают. После всего этого у меня нет оснований не доверять тебе. Я – Тасу. Ты прости, я иногда бываю очень сердитый и злой. А когда я злой, то становлюсь похожим на волка. Дело естественное – где волчьи законы, там надо быть волком. Ты, лекарь, человек уже ученый, должен понимать все, как надо.

Если б Тасу в этот момент мог заглянуть в мою душу, он бы непременно удивился. Он бы обнаружил там все сразу: и радость, и удивление, и страх, и смутение. Этот малорослый человек казался мне великаном, нартом. Предо мной был настоящий абрек. Последний из могикан. Я с большим любопытством

разглядывал его. Впрочем, его возраст выдавало только лицо, тронутое россыпью морщин. Он мне напоминал старого многоопытного борца: узкая талия, широкая грудь, длинные руки. И телом он был еще крепок. Я отметил про себя, что движения его легки и непринужденны. Это был мужественный горец, похожий на орла, у которого отняли свободу, но не смогли до сих пор отнять мечту подняться в небесную синеву.

– Много слышал о вас. Вот, оказывается, вы какой. Никогда не мог представить, что встречу с вами. Выходит, это вы сидели у дверей...

– Ый-й, черт возьми, узнал все-таки! Разрази меня гром, не ожидал!

«Он прямо какой-то оборотень!» – подумал я, а вслух сказал:

– Но вы были тогда и с большими усами, и с бородой, и еще с медалью на груди...

– А-а-а, шайтан! Мне ли быть простаком? Приходится, лекарь, гримировать себя, как артисту, и прибегать к разным мелким хитростям. Сколько раз хотели заманить в ловушку. Так и не удалось им – исчез бы без суда и следствия. Милости и пощады от этой власти не жди. У нее нет правосудия. Ты видел хоть раз, как идет суд? Совсем как в театре. Каждый играет свою роль. А роль преступника, конечно, играет обвиняемый.

Он посмотрел вокруг, блуждая суровым взглядом. Я прекрасно понимал, что происходит в его душе.

– О вас ходит столько легенд, слухов, как о человеке, безумно храбром и дерзком, как Зелимхан. Я хотел хоть раз вас увидеть. И вот неожиданно... Даже не верится, что я нахожусь рядом с неуловимым Тасу! Вы несете свое бремя, не падая духом, не теряя достоинства и не отчаиваясь.

– Я за славой не гонюсь, лекарь. И до Зелимхана мне далеко. Я просто выполняю обет, данный мной когда-то в далекой Сибири. Сам знаешь, как это бывает, когда несчастье постучится в дверь. Я же тоже мечтал когда-то мирно жить, как все люди. Мечтал о семье, о покое, о счастье. А видишь, что получилось: вынужден был стать абреком. Так, видно, угодно было Всевышнему. На все, лекарь, Его воля, все, что заложено в человеке, должно найти свое воплощение и свершение... Теперь только природа дает мне приют и покой. Только горы мне друзья... Я люблю эти горы. И Тасу в горах дома. Я помню об их прошлом, мне дорого их будущее. А настоящее, как видишь, невыносимо. А когда-то, лекарь, я был мирный человек.

– Тасу, вы сказали, что исполняете обет, данный вами когда-то в далекой Сибири. Ведь я тоже из Сибири, и мною тоже дан обет... Расскажите, если не секрет, где вы были в Сибири и какой обет дали.

Тасу сначала окинул взором местность, а потом некоторое время молча смотрел на меня и, наконец, вздохнул и промолвил:

– Лекарь, ты тоже дал обет? Значит, у нас с тобой родство душ.

– Я дал обет найти свою кровь. Узы родства. Это привело меня сюда, на Кавказ.

– Вот об этом, лекарь, я давно хотел с тобой поговорить. До меня доходили обывательские слухи, но сначала, – понизил он голос, – нам лучше все же убраться отсюда в более укромное место. Не приведи Аллах, какая сумятица нынче в районе. На каждом углу либо КГБ, милиция, либо доносчик.

– А куда? – полюбопытствовал я.

– Нельзя здесь больше оставаться. Ты будешь моим гостем сегодня. Я хочу знать о тебе все, – Тасу на секунду замолчал, а потом спросил: – Или ты меня боишься? А? – он выжидательно с прищуром глаз посмотрел на меня. – Не надо бояться, лекарь, – просто и серьезно сказал он, – знай: я безвинных не трогаю. Я требую ответа и сжожу счеты только с теми, кто приносит мне вред. А тебя я считаю кунаком...

«Я играю в опасную игру. Весьма опасную. К чему подвергать свою жизнь опасности? Он ведь матерый волк», – подумал я. Но я вошел во вкус. Трудно было предположить, когда я остановлюсь.

– За тобой слово, лекарь.

– Я не боюсь, – ответил я. – Я вам верю. Верю в вашу порядочность. У вас, слышал, справедливый характер. Только вот...

– Что?

– Вызов у меня в Цехое.

– В Цехое?

– Да.

– Срочный?

– Да особой срочности нет. Болеет давно.

– Отложить до завтрашнего дня можно?

– Думаю, что да... И куда вы меня поведете?

Я посмотрел на солнце. Короткий день начал клониться к вечеру.

Из близкого ущелья потянулся туман и начал дуть холодный ветер.

– Лекарь, – сказал Тасу после минутного молчания, – я тебя уважаю и доверяю. Да продлит Аллах твою жизнь! Прошу на меня не обижаться. Взять с собой тебя я смогу только при одном условии...

– Вы хотите, чтобы я дал слово? Чтобы поклялся?

– Это само собой.

– Что еще, Тасу? Говорите.

Потирая подбородок, Тасу, наконец, медленно произнес:

– Для этого тебе придется дать себе завязать глаза и снять повязку только тогда, когда я скажу тебе... И собаку придется пока оставить вон там, – он показал на маленькую избенку среди орешника, которую, к своему стыду, я только заметил, – в период сенокоса в этой лачуге стойбище косарей. Сейчас она пуста. За предосторожность прошу извинить. Эта давняя привычка. Мне нельзя быть беспечным. Моя жизнь требует зоркого глаза и чутья. Доверчивость – родная сестра глупости.

Я кивнул головой, прекрасно понимая мотивацию поведения Тасу.

– Мне крайне неприятно это делать, но ты должен понять мое положение. Тебе же не хочется накликасть на меня беду?

– Нет, конечно, – согласился я. – И много у вас этих обиталищ?

Он бросил на меня взгляд с хитринкой и ответил:

– Много улыдешь знать – скоро состаришься. Так, по-моему, говорят, – и, сдержанно улыбнувшись, тут же добавил: – Их у меня хватает. Если б я их постоянно не менял – давно конец был бы. У меня даже в Абхазии когда-то был тайник. Слышал про озеро Рица? Грузинский знаю не хуже русского. Горька моя жизнь, но куда денешься. Я уже не показываюсь в селе после этого собрания, чтобы не приносить из-за себя неприятности. Везде ищейки майора. Впрочем, ты знаешь все это не хуже меня... Ты согласен на мои условия? Ну? – потребовал он. От его серых пронизательных глаз не ускользало ничего.

Я согласно кивнул.

Мне хотелось узнать, почему судьба занесла его на север, узнать о его житейских реалиях, услышать сплетения необычных событий, в которых я видел сочетания и фольклорных, сказочных мотивов. Я не мог упустить такой случай. Он мог больше не повториться. Момент был очень удачный.

Когда, устроив и накормив собаку, я вернулся назад, Тасу тщательно завязал мне глаза и попросил, чтобы я ни в коем случае не пытался без разрешения снять повязку. Затем, забрав к себе мое ружье, взял меня под правую руку и повел с собой.

Мы шли медленно. Так как мы двигались в полосе горного леса, ветки секли по лицу и рукам. Я спотыкался, падал, вставал и все же не сожалел о своей затее – хотел во что бы то ни стало побывать в гостях у Тасу.

– Устал? – спросил Тасу.

– Не очень, – ответил я.

– Все равно давай привал делать. Немножко перекусим.

Я передал ему сумку, а он выпотрошил свою. Я чувствовал, что мы находимся в узком проеме между двумя скалами. Развязывать мне глаза он не стал, а только разрешил сесть на камень. И я почувствовал, что ноги и руки гудят и все

до единого мускулы на теле просят пощады. Он дал мне в руки кусок вяленой говядины и чурек и сказал:

– Ты кушай, а я буду пока делать намаз.

Было в горах необыкновенно тихо. Стояла гнетущая тишина.

– Бисмиллахи р-рахмани р-рахим, аль-хамду лиллахи... – доносились до меня отрывки молитвы Тасу.

Через некоторое время мы двинулись дальше.

В одном месте Тасу остановился, перевел дыхание и сказал:

– Смотри, лекарь, здесь очень узко. Пропасть. Будь осторожен, и двигаться надо боком.

Он свободной рукой подхватил сумку из моих рук.

– Не бойтесь за меня, Тасу. Я не из робкого десятка.

А если сказать откровенно, идти было трудно.

Я истекал потом, но не подавал виду. Чувствовал себя так, будто иду через пропасть по тонкой жердочке.

Это место я прошел, следуя совету Тасу, обнимая отвесную скалу.

Затем мы спускались, поднимались, опять шли и, наконец, остановились.

– Мы пришли? – спросил я.

Я еле стоял на ногах от усталости.

– Стой здесь, – ответил Тасу. – Скоро закончатся твои мучения.

Я слышал, как он с силой отодвинул какой-то камень. Затем он вновь взял меня под руку и попросил нагнуться – я понял, что начинаем входить в пещеру.

Вслед за Тасу я скользнул в отверстие, задевая его стены плечами.

Я шел за Тасу, согнувшись в три погибели. Я поминутно спотыкался о камни, проваливался в ямы, ударялся о выступы стен. Наши шаги эхом отзывались под сводами подземного хода. Но чем дальше мы уходили вглубь, пещера расширялась, и мне казалось, что мы спускаемся в пещеру Али-Бабы, а Тасу впереди шепчет магические слова.

– Стой, – сказал Тасу, – пришли. Теперь ты можешь снять повязку.

Я, понятно, не заставил просить себя дважды. Я снял повязку и увидел перед собой большой выступ, который загораживал проход, оставляя только узенькую щель. Когда мы влезли в нее, я увидел подземное жилище Тасу. Конечно, в нем не было чудес из «Тысячи и одной ночи». Это было почти круглое помещение, на стенах висели звериные шкуры и старый ковер, который давно потерял свои краски, как будто пыль впитывалась в него и постепенно превратила рисунок, когда-то, может быть, прекрасный, в расплывчатые грязные пятна. Пол был покрыт войлоком, на котором лежала большая шкура медведя и маленькие подушки из замусоленного ситца. В углублении около стены стоял небольшой дубовый сундук с большим замком, а рядом с ним старый комод. Над ними было развешено оружие: винтовка с оптическим прицелом, обрез, кинжал в серебряных ножнах и шашка. У входа, в углу, стояли кумган и медный тазик. Там же лежала еще какая-то убогая посуда. Вешалку заменяли ветвистые оленьи рога. Воздух был довольно сух и свеж. Он проникал вместе со светом из сделанных в разных местах отверстий. И дымоход очага тоже был выведен куда-то наружу. На крючьях, прибитых к потолку, висели большие куски вяленого мяса. Вдоль стены, напротив очага, находились удобные нары со спальными принадлежностями. Около нар стоял низкий столик и такие же низкие стульчики. Сухие дрова были уложены поленницей. Я посмотрел на потолок. Каменные своды пещеры низко нависали надо мной, будто крылья огромной птицы, бросившейся за добычей...

– Как себя чувствуешь, лекарь? Сильно поранился? – спросил Тасу, видя, что я прихрамываю на левую ногу.

– Ерунда! – ответил я. – Натер мозоль.

– Извини еще раз за предосторожности, с которыми я вел тебя сюда. Никто не должен знать тайну этого места.

– Что вы, Тасу, я не могу пожаловаться. Здесь так интересно.

Я с похвалой отозвался о его скромном приюте, о его медвежьей шкуре и сел на небольшое, но толстое бревно у очага.

– А теперь хорошо прислушайся, лекарь, – сказал Тасу, стоя около меня.

Было слышно легкое журчанье ручья.

– Здесь где-то вода? – спросил я, удивленно разглядывая обитель.

– Это родник, – ответил Тасу, снимая с себя оружие. Только пистолет он засунул за пояс.

– Можно посмотреть, если не секрет?

– Тебе можно, лекарь, – сказал с улыбкой хозяин и, приподняв шкуру, пошел впереди меня.

– Ого! Вот это здорово! – с восторгом сказал я.

– Можешь не только посмотреть, а даже умыться с дороги. Смотри, какая вода! – Тасу был весьма любезен.

Я увидел гранитную стену, из-под которой почти бесшумно вырывалась небольшая подземная речушка, аккуратно обложенная тесаными камнями. Здесь же была устроена маленькая запруда, на дне которой виднелись чистые камешки. Сюда проникало больше дневного света, чем в комнату. Я посмотрел вверх и увидел над собой сверкающие квасцовые своды.

– Признаться, не ожидал этого, – сказал я с возрастающим восхищением.

– Летом здесь очень хорошо. Прохладно. Обдаёт свежестью. Вода такая холодная, что ломит зубы. А это моя ванная, – показал он, улыбаясь, на запруду. – Если доживу до лета, обязательно приглашу тебя.

– Спасибо, – сказал я. – Это ваша работа?

– Что ты! Нет, конечно. Это место когда-то принадлежало одному моему другу-абреку. Куддуз его звали. Смелый был человек. Чекисты убили его, укрываясь, как трусы, за спинами больных женщин и детей. И откуда, ты думаешь, были доставлены эти больные? Из твоей больницы, лекарь. А Куддуз тогда укрывался на кладбище в склепе святого. Он погиб только из-за жалости к женщинам и детям. Меня тогда неотложное дело занесло в Дагестан. Никому не дали землей засыпать этого бесстрашного человека. И мне это удалось сделать лишь спустя неделю, ночью. В каменной земле, меж скал, упокоился он. Такая участь ждёт и меня, но эта мысль не тяготит меня. Абреки, лекарь, редко умирают своей смертью. Из всех вот я один остался. Я вспоминаю тех, кто больше меня, может быть, жаждал жизни, превосходил мужеством, стойкостью и прочими достоинствами, но Аллах забрал их к себе, возжелав более меня. Я молю Аллаха, чтобы дал мне силы, когда подойдет срок, достойно предстать перед ним. И знай, что деяния наши будут понятны только через много, много лет. А почему я до сих пор жив, сам не знаю. Плоть у меня точно заговоренная. И вот уже столько лет, как только захожу сюда, сразу вспоминаю Куддуза. Он был тогда еще молодой, упрямый: что скажет, с того не сойдет. Когда у нас затеяли эту коллективизацию, когда придумали всех со всеми равнять – имущих с неимущими, вот тогда и ушел Куддуз со своим отцом сюда. Давно это было. Не от хорошей жизни, лекарь, они здесь прятались под землей, словно кроты. Вот здесь, в этом жилище, они укрывались от власти.

К горечи, звучавшей в его голосе, слегка примешивалась злость.

– Давно погиб Куддуз? – спросил я.

– Через некоторое время после выселения, – ответил Тасу, задумчиво посмотрев на меня.

– Надо сказать, что он нашел хорошее место, – заметил я.

– Ты раньше видел такие места?

– Нет, – ответил я. – Только в сказке читал. С местом вам повезло. Здесь сам черт вас не найдет. Всего хорошего вашей обители.

– С добром живи, – ответил он.

Вот так, оказывается, и жил Тасу: в глуши горных долин, вблизи родного села. Вечерело. У нас в убежище стало почти темно. Тасу достал из ниши в стене фонарь и зажег его. У меня в сумке было две свечи, одну из которых Тасу тут же зажег, и в помещении стало светло. Пока Тасу свеживал косялку,

я медленно приходил в себя. Протирая ушибленные места йодом, приводил в порядок свою амуницию, свои мысли и чувства. Затем, умывшись и натянув чувяки Тасу, я затопил камин. Сухие дрова, потрескивая, горели, как порох. Набрал холодной ключевой воды, Тасу поставил варить большую кастрюлю свежего мяса, а часть разрезал на куски и сел жарить шашлык. Приятно было сидеть у исходящих жаром углей. Пар из кастрюли и щекочущий ноздри запах жарившегося на костре мяса усилили чувство голода.

Когда шашлыки были готовы, Тасу придвинул ближе к очагу свой небольшой столик и сказал:

– Пока мясо варится, попробуем шашлык. Кушай, пока не остыл. Чувствуй себя свободно. Что нужно – проси. Пшеничного хлеба, правда, нет, но есть из кукурузной муки.

– Что и надо, Тасу, я люблю кукурузные лепешки, – произнес я, держа в руках вертел, с которого еще падали капли жира.

Тасу сначала подошел к кастрюле, которая, не выдерживая натиска огня, кипела и переливалась через край, приподнял крышку, а затем взял из комода сискал и овечью брынзу.

Мы сели рядом. Я был голоден и не деликатничал. Тасу дружелюбно подкладывал мне лучшие куски жареного мяса. Мы ели молча. Я знал, что неприлично разговаривать за трапезой. Правда, Тасу спросил:

– Как шашлык?

– Спасибо, очень вкусно, – ответил я.

– Жаль, что пришел, когда у меня кончились продукты, к следующему твоему приходу всего будет вдоволь.

– Тогда вы меня не оттянете за уши от обеда, – пошутил я.

– Но мясо в моем котле всегда варится, – сказал Тасу и положил рядом полотенце для рук.

Я радовался тому, что гордый и независимый Тасу так любезен и предупредителен со мной. Он обращался ко мне в основном на русском языке, хотя к тому времени я неплохо уже понимал чеченскую речь. Обычно, если кто-то из присутствующих другой национальности, чеченцы переходят на общепонятный русский язык.

Я смотрел на Тасу. Человек, наполненный такими качествами, как у него, на чеченском языке именовался «кьонах».

Все поведенческие идеалы, сосредоточенные в этом человеке, давали, на мой взгляд, право называть его этим словом наравне со славным Бейбулатом, Ади Сурхо, Мадин Джаммирзой и другими.

Это был кьонах, сильным духом и телом, ставший изгоем на своей родной земле, который по-своему протестовал против произвола и беззакония. Встать на путь абречества его вынудила, прежде всего, несправедливость советской власти. Конечно, я в нем не видел человека, чуждого корысти и мирских грехов. Живя много лет такой жизнью, он совершил немало ошибок, как добра, так и зла. И чего он добивался, в конце концов? Об этом я его не спрашивал. Да и что он мог ответить? У него была трагичная судьба, как и судьба его народа. Я видел: Тасу отнюдь не был глупец, чужим умом, видно, никогда не жил. И коль уж решился встать на этот путь – значит, перед тем все обдумал и взвесил.

Когда с шашлыком было покончено, мы выпили бульон, после чего Тасу поднял руки и провел по лицу:

– Алхамдулилла-а-а! Хвала Аллаху!

То же самое повторил и я.

Затем Тасу вытер полотенцем вспотевший лоб и сказал:

– Теперь можно и поговорить, пока варится мясо.

И Тасу начал мне задавать вопросы.

– Ты знаком с Петимат из Басоя? – спросил он.

– Конечно. Она наша санитарка. И я уже дважды успел быть ее гостем.

– И как она к тебе относится?

– Очень хорошо.

– Не буду скрывать – она моя родственница. Ее вырастили родственники по материнской линии.

– Родственница? Вот тебе раз! – с удивлением сказал я. – Она меня недавно спрашивала про Бабий Яр. Она выполняла ваше задание?

– И что ты ей ответил, лекарь?

Тасу, не отрываясь, с волнением смотрел на меня. Он даже приложил руку к груди, будто старался унять биение сердца.

– Сказал, что там меня содержали в детском приемнике.

– Ты уверен?

– Да, уверен. Я наводил справку до приезда сюда и подробно передал состоявшийся с бывшей нянечкой, Досей, разговор.

– Тебя принесли туда солдаты?

– Она так сказала. Я, конечно, не помню.

– А что ты сам помнишь, лекарь? Вспомни, ведь детская память бывает цепкая, как обезьяна.

– Ну что помню? – начал я рассказывать про то небольшое, что помнил.

– Стой, ты помнишь пожар? – обрадовался Тасу.

– И еще след от ожога на левой ноге, – добавил я.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать шесть.

– Остопирулла! – только и сумел от удивления и радости выговорить Тасу.

– Что с вами, Тасу? – спросил я.

Тасу молча продолжал всматриваться в меня. Свет радости лучился из его глаз.

– Гилани, знай, что тебя действительно зовут Гилани, – сказал, наконец Тасу, – ты мой племянник, а я твой двоюродный дядя. Ты сейчас самый близкий мне человек по крови. Была одна Петимат, а теперь и ты. Слава Аллаху, да будет твой приход счастливым! Вот это встреча! Не ждал, не гадал! Тебя сегодня послал сюда сам Аллах. Счастливое знамение не только для меня, но и для тебя тоже. Как я рад, что ты нашелся!

Я так и застыл на месте с открытым ртом. Тасу обнял меня. Его шершавая, крепкая рука мягко гладила мою спину. Я чувствовал тепло его рук. Сердце радостно затрепетало. Радость и удивление смешались в душе.

– Я ваш племянник? Неужели это правда? Неужели, наконец, дома? Я не верю своим ушам.

И я, не выдержав, заплакал, как ребенок, и в беззвучном рыдании припал к его плечу.

– Прекрати, – приказал Тасу. – Не мужское это дело. Мужчине, понимаешь ли, не идут слезы. Ты должен быть сильным, как твой отец. А отца твоего звали Абу. У меня где-то есть его фотография. Я найду и покажу тебе. Ты похож на отца – и по росту, и по телосложению. Теперь я думаю, что я не так уж несчастлив, если мне удалось увидеть тебя, сына своего брата. Знай, что Абу для меня был ближе родного брата. Теперь и ты не один. У тебя есть я, а ты – у меня. И я всем готов делиться с тобой. Так что, не горюй.

– Да не оставит вас благополучие, дядя! Спасибо за теплые слова. Главное, теперь никто не скажет – ни роду, ни племени. Вы очень порадовали меня. Теперь я себя чувствую полноценным человеком.

– Ай, молодец! Ты порадовал меня вдвойне, Гилани, втройне!

Тасу с радостным удивлением, как редкую находку, разглядывал меня. Он сделался значительно бодрее, чем был. Он встал. Сделал несколько резких движений руками, поизгибался в пояснице. Затем надел лохматую шапку, заломил ее к затылку и, вытянув руки в сторону, бойко заплясал лезгинку:

– Орс! Орс! Орс-тох! – три раза выстрелил из парабеллума вверх, от чего посыпались со свода крупинки кварца.

– Не плакать, а радоваться надо, мой мальчик. Мы еще отметим это дело,

организуем настоящий той², – сказал, улыбаясь, Тасу и сел на нары.

– Дядя, я рад за вас. Вы еще совсем молодой. И танцуете, кстати, хорошо.

Теперь, узнав, что довожусь Тасу племянником, я говорил с ним, как и положено, с должным почтением. Называл его дядей.

– Какой там! – махнул Тасу рукой, глубоко вздохнув. – Эх, не довелось тебе видеть меня раньше! Эх, где мои двадцать лет?! Завидую я тебе, эх, быть бы мне таким молодым, как ты!

Он встал, приблизился к очагу и опустил на низенькую скамейку. В очаге бездымным пламенем горели поленья.

– А теперь садись поближе и слушай меня внимательно, – сказал Тасу.

Я сел рядом с ним на бревно и сказал:

– Дядя, готов вас слушать до утра.

Мне не терпелось узнать, в какие передряги они попадали с моим отцом и что случилось, наконец.

– Так вот, мой мальчик, – заговорил Тасу, – ты должен знать, что чеченское общество составляет сто тридцать пять тайпов. Три четверти из них объединены в тукхумы, иначе говоря, в союзы. Так вот, мы с тобой относимся к тайпу гIаттой, входящему в союз шуотой. Хотя я, видит Аллах, не сторонник того, чтобы нас делили на тейпы, классы, общины и прочее. Это только ослабляет единство нашего народа. Ты должен знать, что наши предки прибегали к различиям только в том случае, когда дело доходило до брачного союза, примерялись к корням: кто, откуда, из какой семьи. И это только потому, что каждый чеченец дорожил честью даже перед собственным братом, отцом. Таковы наши традиции, тщательно оберегаемые и чтимые. Для нашего народа характерна бескорыстная помощь соседям, соучастие. Только в Чечне духовно сломленный, павший духом, Шамиль становится властителем Дагестана и Чечни. Именно здесь, у нас, он стал тем Шамилем, о котором знает история. Он хорошо знал благородный, свободолюбивый дух нашего народа, хотя говорят, что он был не в меру суров и жесток с чеченцами. Мы всегда отличались терпением, дружелюбием и добропорядочностью. И тебе советую любить и уважать своих односельчан и помогать им, чем можешь. Иначе позор. В Коране сказано: брат брату должен помогать. К тому же у нас с тобой близких родственников и не осталось. И еще тебе скажу: клянусь чтанным мною Кораном, ты можешь гордиться своим отцом. У него были такие же мозолистые руки, как у любого горца. Да простит его Аллах! Я тебе потом расскажу о нем и твоей матери. Это длинная история.

Тасу замолчал. Он на какое-то время пристально вглядывался в огонь в камине, словно видел свое прошлое в пляшущих языках пламени. Затем взял свою трубку и, набив ее табаком, прикурил от горящего уголька. И, наконец, закручивая сизые кольца дыма, сказал:

– Посолить надо. Не люблю преснятину.

И вдруг мы услышали какие-то неясные шорохи, что мгновенно прервало полет наших мыслей.

Тасу поднялся, прислушался. Из груди у него вырвался невнятный звук – то ли вздох, то ли ругань.

Когда Тасу вручил мне молча семизарядный револьвер, меня охватила нервная дрожь. Я судорожно сглотнул слюну. Мне еще никогда не приходилось попадать в подобную передрягу.

Тасу тем временем взял фонарик и карабин. И тихими, кошачьими шагами направился к выходу.

Я осторожно двинулся за ним. Не успели мы пройти и полпути, как заметили тень, которая кралась в нашу сторону.

Тасу сделал мне знак остановиться, а сам пошел навстречу.

Через некоторое время я услышал его голос:

– Ух, шайтан!

– Что там? – спросил я.

---

² Той (чеч.) – праздник-угощение.

- Твоя собака. Черт бы ее побрал! Кто-то выпустил ее.
- Не может быть...
- Еще как может быть! – взорвался Тасу.
- Она напугала нас, но не причинит зла, – сказал я.

Тасу ничего не оставалось, как молча проглотить свою злость. Он посмотрел на меня и только покачал головой.

- Абрек, – позвал я.

Собака, услышав мой голос, стремглав бросилась ко мне и ткнулась мордой в мою руку.

– Умная собака, раз нашла тебя, – сказал Тасу. – Лично я не люблю собак. Никогда не забуду, как огромная овчарка, размером в хорошего теленка, мчалась за мной. Это было чудовище, а не собака. Я ее застрелил, когда уже упал от усталости...

- Дядя, вы думали, что нас выследили?

– Да, мой мальчик, мне приходится предполагать худшее. Я больше боялся за тебя. Я не имею права тебя подставлять... Отведи собаку вон в тот угол, – показал он, – там место для пищевых отходов. Накорми ее, если она оправдывает хлеб, который ест. А вообще, я в детстве получал удовольствие от собачьих драк и петушиных боев... Детство... детство... Неповторимое время!

Тасу ушел, оставив мне фонарик. Видимо, не одна картина ожила перед его мысленным взором. И когда я, накормив собаку, вернулся назад, Тасу, постелив прямо на пол старую скатерть, поставил перед нами полную кастрюлю мяса и две деревянные чашки для бульона.

Я сел, как и он, скрестив под собой ноги.

– Бери, Гилани, не стесняйся, – сказал он, выкладывая мне на скатерть лучшие куски. Сам он ел не спеша, макая куски мяса в чесночный соус, запивая горячим бульоном. Я был удивлен, когда в конце трапезы около меня появилась запеченная голова козули.

- Деликатес, – сказал Тасу.

Когда с ужином было покончено, Тасу вытер о скатерть сальные руки и прошептал благодарность Аллаху за ниспосланную еду.

Затем он, посмотрев на свои карманные часы на цепочке, сказал:

– Мой мальчик, ты меня извини. Не обижайся. Мне надо пойти в одно место. Это неотложное дело, иначе я тебя одного не оставил бы. Один человек еще рано утром срочный хабар прислал. Надо идти.

- Вы надолго, дядя?

– Я на пару часов. Потом будем много говорить. А пока отдыхай. За печкой следи. Только смотри – выходить отсюда нельзя. Места здесь очень глухие, дорогу все равно не найдешь.

– Дядя, я могу обидеться, – сказал я. – Я всю жизнь ждал этой встречи. И не надо во мне сомневаться.

– Ладно, ладно, мой мальчик, я тебе верю. Смотрю на тебя и не могу наглядеться, – с умиrotворенной улыбкой произнес Тасу.

Тасу зря беспокоился. Мне надо было еще многое узнать.

Уходить отсюда до утра я и не думал, и предупредить меня было ненужно.

Тасу быстро оделся. Взял свой карабин и скрылся, слегка согнувшись под низким пещерным сводом.

Нахаева Малика**Даймохк билхира**

(1944 шо)

Дарц хыйзо и 1уьйре йийцира дайша, –
 Шед етгаш лаьхкина даьхнех тардина,
 Дег1 дохдан бедарех катоба ца дутьуш,
 «Шалонаш» совцуче гулдира дигна.

Ва шийлачу вагонашна г1е лобхкуш,
 Зударийн ва берийн маьхьарий оьхуш,
 Ва дьугу меттигаш йийца ца туьгуш,
 Юьйлаелира тов узаршца «шалонаш».

Олхазарш ва гора «шалонца» уьдуш,
 Хетара олхазарш делхарца уьду.
 Ж1аблеш ва уг1ура, 1обхура даьхни,
 Дийнна халкъ Даймахках, ц1ера даьккхи.

Вай къаной ойланаш г1елъяла йоблча,
 Вай наной орцанах дог дилла боьлча,
 Ва нехан сатедеш къонахий г1овтту:
 «Цигахь а Дела Ву, ма дуоха», – бохуш.

Добналла, стогалла, нохчалла ларйина,
 Хийрачу мехкашкахь хьошаллаш тийсина,
 Хийла да Сибрехан лаьттахь д1аверзина,
 Вайн Делан лаамца биснарш ц1а бирзира.

Нана

Эзар стоьмех мерза стом а,
 Эзар кхачанах мерза кхача,
 Эзар цамгарна дика лор а –
 Нана, хьо бен караяц суна.

Дуьненна, эхартана хьехамча,
 Олучух, хьарамчух со ларьян,
 Нийсачу новкъа со нисьян –
 Нана, хьо бен караяц суна.

Ког-куьг хьайчул долуш хаза,
 Либиен мотт хьайчул болуш мерза,
 Куьцаш товш а, хьекъална к1орга –
 Нана, хьо бен караяц суна.

Мовла Гайраханов**Рассказы****Путь покаяния**

Ноябрьское солнце рассеивало утренний туман и стогнало росу с пробивающихся сквозь сгнившие стволы сорняков зеленых трав.

Травы тянулись к солнцу и питались силой его теплых лучей. Среди опавшей желтой листвы они искали дорогу к теплу и свету, надеясь пробиться к солнцу и окрепнуть. В теплых объятиях солнечных лучей они не хотели видеть очевидное.

Иллюзии, которые дарило солнце, должны были исчезнуть через несколько дней. Очень скоро хмурые облака накроют небо своим свинцовым покрывалом и прольются затажным холодным дождем, который сменится мокрым снегом. Трава согнется под гнетом проливных дождей. Так и не окрепнув, она начнет гнить и желтеть, сливаясь с унылым пейзажем размытой дождями земли.

Так и человек, живет мечтами и надеждами, забыв, что все в этом мире конечно. Старость и болезни, как нескончаемый осенний дождь, нагрянут неожиданно скоро, заставляя сгибаться под своим гнетом...

В этот необычайно солнечный ноябрьский день я иду по проселочной дороге. Лесная полоса, словно живая стена, проходит между двух вспаханных полей. Желто-красные листья деревьев стараются из последних сил зацепиться за родные ветви. Однако легкие порывы осеннего ветра срывают их, и листва с тихим шелестом опускается на землю. Кажется, деревья с неохотой расстаются со своей кроной, оголяя беззащитные ветви, но эта жертва не напрасна. Листва питает корни, и весной деревья вновь покроются зелеными одеждами.

Так и люди, уходя в безвестность, оставляют новым поколениям свои познания и опыт. Каждое последующее поколение получает больше знаний, но становится ли оно от этого мудрее?

Мудрость нельзя получить в наследство. Словно редкое растение, этот дар Божий необходимо взращивать, питая добротой и любовью...

От вспаханной земли исходит запах, который невозможно объяснить. Земля пахнет жизнью и мудростью, мудростью, пьянящей разум.

Ромашки, зацепившись на обочине проселочной дороги рядом с пашней, будто проводят между мудростью и жизнью.

Дорога – это жизнь. Дорога – это две колеи, утрамбованные колесами машин и тракторов. Иногда по ней пройдет пастух, подгоняющий коров, иногда проедет трактор, недовольно урча и испуская из своих ноздрей черный дым. Днем солнце питает траву, пробившуюся на дороге, ночью луна отображается в лужах, то здесь, то там наполнивших колею.

Вспаханная земля молчалива и мудра. Она хранит в себе жизнь, словно мать ребенка в утробе. Пройдет много месяцев, пока эта жизнь проявит себя. Осенние ливни сменяются зимними вьюгами. Холодный мрак покрывает землю снежным одеялом.

Иногда зайчишка-трусишка перебежит белое поле от одной лесной полосы до другой. Хитрый лис пройдет следом в надежде на добычу. Но все это никак не потревожит землю, она будет бережно хранить жизнь, которую ей доверили.

И только весеннему солнцу доверит она свое дитя – жизнь, возвращенную для жизни.

Как часто мы живем, не понимая смысла своей жизни. Каждое живое существо, каждый листик, каждая травинка знают свое предназначение. Они не стремятся идти поперек своей судьбе. Даже их гибель – служение жизни, и только человек не хочет понимать смысла своего бытия и смерти, ища ненужной славы, уничтожая жизни себе подобных.

В отличие от других существ, человеку дан разум. В какие только лабиринты заблуждений не заводят людей их собственные мысли?!

Ведь даже последний шелест опадающей листвы – словно молитва покаяния.

Листва шуршит под моими ногами. Она словно просит меня, неразумного, не отбрасывать ее далеко от дерева-матери, но даже если я это сделаю, она совершенно безропотно примет все как знак судьбы и отдаст свои целебные силы тому клочку земли, на котором окажется.

Взобравшись на пригорок, я вглядываюсь в раскинувшуюся передо мной даль. Распаханное поле дышит спокойствием, дорога петляет бесконечной лентой и исчезает где-то за горизонтом. Моя жизнь – как эта дорога, не знает прямых путей, петляя между совестью и необходимостью.

Для меня очень важно мнение других – тех, кто еще сам в себе не разобрался. Мнение других – это необходимость придерживаться общепринятых правил. Они не всегда соответствуют требованиям совести, вот и приходится метаться между тем и этим, прокладывая кривую дорожку жизни.

Мое настоящее – этот пригорок, отделенный от пашни дорогой. Я – затерянный в океане жизни и времени путник. Какая сила и зачем занесла меня в этот час на это место?

Мое будущее – это темная завеса для меня. Мой разум и опыт подсказывают, что зеленым травам и бело-желтым ромашкам осталось жить всего лишь несколько дней. И это дает мне право чувствовать себя провидцем.

Может быть, цветы и травы знают об этом лучше меня. Может быть, они искренне наслаждаются днями и часами, отпущенными им судьбой. Может быть, этот последний миг жизни – самый лучший для них. Может быть, они знают, что ждет меня в будущем, или есть ли оно у меня вообще?

Откуда мне дано знать об этом?!

Внутри меня живет моя тоска, которая будоражит душу, когда мой взор устремляется в ночное небо, к неведомым, но до боли близким мне звездам.

Иногда требования плоти заглушают голос моей совести, и тогда вновь рождается тоска, бесконечная, как это звездное небо. Откуда она? Кто вселил ее в меня? Будет ли она во мне, когда не будет меня?

Моему разуму трудно свыкнуться с тем, что меня не будет. Этот мир был до меня, будет он и после. Пашни будут дышать спокойствием, дороги пролягут другой петлей, травы вновь потянутся к теплым лучам солнца. Это все будет, только не будет меня!

Зачем я был? Зачем я перестану быть? Откуда я пришел и куда уйду? Увы, ответов на эти вопросы у меня нет.

Я вглядываюсь в зеленую траву, в желто-красный ковер опавших листьев, в полуголые ветви деревьев, в синюю даль неба. Чем они мудрее меня?

Я молча внимаю безмолвному ответу. Они умеют говорить без слов! Они умеют слушать и слышать чувства друг друга и понимать их. Они готовы говорить со мной, лишь бы я был способен понять и принять истину.

Внимая голосу тишины, я понимаю – очень часто мои слова пусты и бесполезны. Более того, они вредны. Увы, я не умею пользоваться Божьим даром речи!

Что я жду от этой жизни? Чего я ищу? Мои надежды и мечты – это суета, которая сгниет под напором осенних дождей моего бытия.

Эту тайну мне открыла травинка, тянущаяся к ноябрьскому солнцу. Я – как она, она – как я. У нас схожие судьбы, но с нее не спросят за пустые слова, у нее их не было. Ее жизнь была гимном самой жизни, моя – ее позором.

Однако надежду мне дарит опадающая листва. Ее шелест – это молитва покаяния. Она предлагает ее мне. Последний полет листвы – это путь покаяния. За ней – спасение! Когда-то листья вглядывались сверху вниз на землю, но пришло время спуститься на нее. Злой ветер будет разбрасывать листья, кружа их в своем водовороте. Однако в унылом вое ветра всегда будет слышен шелест листьев – последняя молитва покаяния, ведущая к спасению!

Правда солдата

Маленький домик в череде других таких же на окраине Грозного отличался от всех остальных дощечкой, прикрепленной к двери с надписью «Здесь живет ветеран Великой Отечественной войны».

К сожалению, с каждым днем таких дощечек у нас остается все меньше и меньше.

Поэтому волонтеры из региональной молодежной организации «Патриот» решили для себя, что будет справедливым, если они посетят каждый дом в республике, где живут солдаты – победители фашизма. Ведь правда войны не только в том, что пишется в книгах и мемуарах военных начальников. У каждого солдата на войне была своя правда, выстраданная и оплаченная собственной кровью, своим потом, своей болью, правда, рожденная на холмах братских могил, на пепелищах сожженных сел и деревень.

Ведь война для солдата – это не только бои и сражения, бомбежки и обстрелы, атаки и отражения натиска противника. Война для солдата – это тяжелый труд, когда он в любую погоду вынужден копать окопы, тащить через поля и болота тяжелые орудия, целыми сутками оставаться без еды и питья, ночевать в обнимку с бурей в холодную зимнюю стужу...

Кто может рассказать про цену Победы лучше солдата, прошедшего через все муки и тяготы войны?

Мы приехали в гости к ветерану войны Бауди Чадиеву, чтобы услышать правду из первых уст. Хотя годы берут свое, мы увидели старика-горца, чье сердце еще полно любви к своему Отечеству и своему народу. Но более всего поражает в стариках-чеченцах их любовь к своим матерям. При встрече с другими ветеранами войны мне приходилось наблюдать, как их голоса начинали дрожать только тогда, когда они вспоминали своих матерей.

То же самое произошло и при встрече с Бауди, старика охватило сильное волнение, когда он вспомнил, как уходил добровольцем на войну.

Их маленькое горное село Харсеной всполошилось, когда до горных ущелий дошла весть о том, что фашисты вероломно напали на Советский Союз и страна несет тяжелые потери в начавшейся войне. Вся молодежь рвалась на фронт, и, наконец, их порыв был услышан, из аульчана начала формироваться команда добровольцев. Когда в сельсовет приехала группа военных и уже было записано свыше 60-ти добровольцев, Бауди сделал шаг в их сторону. Нежная рука матери постаралась удержать его, ухватившись за его локоть, но Бауди убрал руку матери и встал в ряды добровольцев. Прошло около 70-ти лет с тех пор, но он и по сей день не может себе простить ту «обиду», нанесенную матери. Он говорит о матери с глубокой нежностью, и его глаза наполняются слезами. Сколько он доставил страданий той, чьи молитвы уберегли его от смерти, и он прошел солдатом всю войну, оставляя в братских могилах от Кавказа до Чехии своих соратников.

Ратное дело было хорошо знакомо Бауди Чадиеву. Он уже успел отслужить три года в рядах Красной Армии. В составе советских войск он прошел Финскую кампанию, занимал западную Белоруссию, и хорошо помнит про выселение поляков, с некоторыми из которых ему потом довелось свидеться на бескрайних просторах Казахстана уже будучи выселенцем.

В 1942 году новобранцев перебросили в район Краснодара. Враг рвался на Кавказ. Немец был хорошо вооружен и успел познать вкус победы, советские же войска были вынуждены отступать перед сильным натиском противника.

Плохо вооруженных и необученных добровольцев бросили против врага, который танками и артиллерией раскромсал оборону вооруженных винтовками красноармейцев. Однако и сами немцы были немало удивлены мужеству чеченских конников, с саблями наголо несущихся навстречу танковой армаде.

Потеря своих товарищей в первых боях только обозлила воинов. Их разбросали в новые войсковые части, имеющие боевой опыт и достаточно хорошее вооружение. Так Бауди стал артиллеристом.

Его 12-тонная пушка прошла на плечах солдат боевой путь от Кавказа до Европы. Иногда бои были столь интенсивны, что приходилось таскать 40-килограммовые снаряды и заряжать пушку до потери сознания. Каждый удачный выстрел приближал миг Победы, каждый удачный залп спасал жизни своих солдат, поднимающихся в атаку...

Если солдат-пехотинец копал окоп только для себя, то артиллеристу приходилось сначала обезопасить свою пушку, и только затем копать блиндажи для укрытия...

Однажды немец засек координаты батареи и открыл интенсивный огонь по ней. Губительный огонь вражеских батарей сносил все в округе. Была дана команда покинуть позиции и укрыться в блиндажах, однако место расположения вражеских пушек стало известно и нашим солдатам, и Бауди не был намерен уступать в начавшейся дуэли. Вместе с ним остался и наводчик. Хотя силы были несоразмерны, им удавалось наносить сокрушительные удары по врагу. Вражеским огнем были снесены прицел и защитный бронешит, искореженные пушки валялись рядом, снесенные ужасным смерчем, но смертельная дуэль продолжалась, пока враг не был уничтожен. За этот бой наводчик был награжден орденом, а он сам – медалью «За отвагу», хотя ранее командир грозился отдать его под трибунал за неисполнение приказа покинуть позиции.

Увы, боевые награды бойца-артиллериста стали добычей мародеров во время недавней войны. Остались только благодарности Верховного главнокомандующего И.В. Сталина, которых Бауди заслужил более десятка.

Такая воля и солдатская «злость», которые зачастую становились причиной малых побед, приведших в итоге к большой Победе, импонировали командирам и сослуживцам Бауди.

Однажды артиллеристы и танкисты расположились в одном городке, готовясь к очередной атаке на немецкие рубежи. Командиром танкового батальона оказался чеченец из Шали, который очень обрадовался встрече с земляком. Он предложил Бауди перейти к нему, и тот согласился, хотя за долгие годы войны уже прикипел душой к своему оружию и боевым товарищам.

Однако предложение комбата-чеченца ввергло в ярость командиров-артиллеристов. Они наотрез отказались отпускать своего опытного бойца, не раз показывавшего свое мужество, умение и смекалку в тяжелых боях.

Офицер-чеченец отступил от своих намерений, увидев, насколько необходим его земляк артиллеристам. Они тепло попрощались друг с другом. Танкист повел свой батальон на Запад. Артиллеристы точными залпами начали очищать дороги перед ними от врагов...

Бауди в своем рассказе вспоминал о деталях, не принятых открыто обсуждать, но хорошо известных тем, кто соприкасался с войной.

Переходя границу Бессарабии, некоторые солдаты начали мародерствовать и насильничать, однако командование быстро прекратило это безобразие в первый же день.

Перед войсковым строем было расстреляно одиннадцать «отличившихся» вояк. С этого дня мирное население Молдавии могло чувствовать себя в безопасности, потому что решительные действия командования отбили среди войска желание грабить.

К сожалению, мы все стали свидетелями того, что современная российская армия не могла похвастаться таким руководством. Увы, в ней оказалось мало честных и порядочных отцов-командиров, преданных своему Отечеству.

Бессарабия запомнилась Бауди еще тем, что там они впервые досыта наелись. Кому-то эта деталь может показаться незначительной, но ратный труд войны, отягченный голодом, был для солдат очень тяжек.

Бауди в составе Советской Армии освобождал Польшу, Румынию, Чехию.

Однажды во время затишья между боями к нему пришел земляк из соседней части. Артиллеристы как раз варили бульон из свежего мяса. Земляк был чем-то сильно озабочен, Бауди подумал, что он голоден, и накормил его досыта. Тот попросил выпить что-нибудь покрепче, и эта просьба была удовлетворена.

Затем земляк подал Бауди письмецо-треугольник, трехугольную бумажку, как он выразился, прочитав которую, он узнал о высылке чеченского народа.

Солдат вспомнил предвоенную Польшу, страдания и муки поляков, которых разлучали с Родиной.

Бауди не смог сдержать свой гнев, его ярость вырывалась наружу, он начал проклинать советскую власть, подвергшую такому тяжкому испытанию весь чеченский род от мала до велика.

К счастью для него, начальник особого отдела, находившийся там же, не дал хода этому делу, которое по тем временам грозило солдату в лучшем случае лагерями, в худшем – расстрелом. Более того, ни один находившийся там солдат не обмолвился об этом случае, чтобы не подвергнуть опасности своего боевого товарища.

Наоборот, с этого дня бойцы и командиры стали бережнее относиться к Бауди, понимая, с каким тяжким грузом на сердце ему приходится воевать.

Война для бойцов артдивизиона закончилась в Чехии. Артиллеристы впервые стреляли болванками в воздух, салютуя Победе, добытой в страшной и тяжелой войне против сильного врага.

В 1946 году начальство предложило Бауди вернуться к своей семье, в Казахстан. Его часть собиралась перебазироваться к границе с Японией, и поэтому чеченец отказывался от демобилизации. Боевым командирам было нелегко расставаться со своим бойцом, но они тоже были людьми подневольными и исполняли приказ, даже если он им не был по нраву.

Увешанный боевыми наградами боец двинулся на Восток, навстречу своей каторге, «заслуженной» за четыре года непрерывных боев, за испитую до дна чашу страданий и мук, за пролитую кровь, за до победного конца исполненный солдатский долг.

На одной из железнодорожных станций в Румынии Бауди встретил двух солдат-чеченцев. У них оказалась схожая с ним судьба, они также направлялись в Алма-Ату, где военной комендатуре предоставлялось право определять их дальнейшую судьбу.

Фронтовики прибыли в Алма-Ату, но, когда в поисках комендатуры Бауди обратился к женщине в военной форме, та отсоветовала ему обращаться к коменданту.

Если для чиновников Бауди был просто выселенцем, то для нее он оставался братом по оружию, вместе со всеми рисковавшим собственной жизнью за Родину.

«Всех обращающихся в комендатуру чеченцев отправляют на насильственные работы, будет лучше, если ты найдешь своих земляков и через них узнаешь о судьбе своих близких», – посоветовала она. Бауди последовал этому совету и не ошибся. В Алма-Ате он нашел своих односельчан и родственников, которые помогли ему найти семью.

Из 60-ти харсеновцев, отправившихся на войну, домой вернулось только четверо, но это не спасло ни Чечню, ни Харсеной от злой судьбы. Солдат до конца испил чашу страданий, выпавшую на долю его многострадального народа.

Сегодня Бауди Чадиев живет на окраине Грозного, но ему и по сей день снится Харсеной, громады скал, нависшие над ущельями, узкие тропы, ведущие от одного дома к другому.

Во сне приходит отец, который сидит на камне возле сакли и перебирает четки, мать, которая возится возле очага, чтобы приготовить вкусное мясо для сына, возвращающегося из армии.

Чтобы задышать полной грудью, Бауди не хватает чистого горного воздуха, утолить жар в груди способна только вода из прозрачных ручьев, змейкой скользящих по древним скалам, хранящим свою тайну о народе, который когда-то жил здесь по законам гор.

Тяжелые недуги терзают ослабевшую плоть ветерана, но его родственники никогда не слышали от него ни одной жалобы. Он всегда остается стойким

солдатом. В этом и есть правда старого фронтовика, который добывал Победу над фашизмом не только мужеством, но и терпением, и стойкостью.

Рождение смерти

Этот мир всегда пугал меня своей непредсказуемостью и агрессивностью. Он выталкивал из своего пространства слабых и немощных, унижал и топтал сирых и убогих. В этом мире всегда первым было слово, за которым следовало действие. И только Тот, кто сотворил этот мир, посылал в него Слово доброе, проповедовал милосердие и терпение. Люди по-своему трактовали даже это Священное Слово и, прикрываясь им, творили мерзость и бесчестие на земле.

Я давно живу на этой земле и никак не могу разобраться в людях, и люди не могут понять меня. Спустя сорок лет своего существования я начинаю осознавать, что ничего не смыслю в этом мире. Он становится все агрессивнее и беспощаднее.

Жизнь – самая большая ценность. Человек может иметь богатства, власть, славу, здоровье, знания, терять и приобретать их вновь. Все в этом мире преходяще, и только жизнь теряется раз и навсегда.

Люди, часто не задумываясь, отбирают у других самое ценное, то, на что не имеют никакого права, – их жизнь. Многие идут к своему богатству, славе через чужие жизни и теряют все накопленное в день, когда их жизнь забирает Тот, кто имеет на это право, Тот, кто ее подарил...

В пору, когда голову начинает покрывать седина и душа начинает терзаться сомнениями относительно праведности пройденного пути, вольно или невольно начинаешь задумываться над тем, что ждет тебя за чертой этой жизни.

Время скоротечно, еще недавно ты жил в мире детства. Эта яркая и короткая пора навсегда закрепится в твоей памяти. Вся остальная жизнь – это борьба за выживание, не всегда честная, не всегда праведная. Это борьба с другими и борьба с самим собой, и порой самому себе непонятно, какая из них тяжелей.

Далекое детство, родители куда-то отлучились, оставив тебя одного на чужой улице. Ты, опрятный мальчишка, которого все любят и ласкают. Откуда-то появляется стайка пацанов, загорелых, грязных и шальных. Они начинают приставать к тебе, толкаться, и только страх быть увиденными взрослыми заставляя их сдерживать свою агрессию. Они ненавидят тебя за то, что ты маменькин сыночек. Ты стоишь посреди улицы, испуганный, не понимая, за что на тебя налетела ребятня. Они готовы растоптать тебя в грязь, на их злых лицах нет следов любви, они ненавидят тебя за ту ласку, которую им недодали. Эта ненависть сыграет с ними злую шутку, некоторых из них она загонит в могилу, другие в свои сорок лет превратятся в стариков. Ненависть не прощает своих рабов, она одинаково беспощадна как в отношении тех, к кому она проявляется, так и в отношении тех, кто ее проявляет.

Этот первый урок жизни я запомнил хорошо, и этот мир в тот день лишился моего полного доверия. Жизнь каждый день преподает мне урок выживания, и только два человека всегда и безоговорочно готовы принять на себя все удары судьбы, моей нелегкой судьбы, вдобавок к своим, более тяжким ударам. Это мои родители, которые болеют вместе со мной, страдают вместе со мной и всегда стараются делать это вместо меня. Я благодарен Творцу за то, что Он послал мне в этом мире таких покровителей. Я искренне молюсь за них и прошу Аллаха, чтобы Он был милостив и милосерден к ним.

В шестнадцать лет я оказываюсь в чужом городе, студентом вуза. Моя мечта сбылась, я учусь в институте, после окончания которого собираюсь изменить наш мир к лучшему. Мне почему-то кажется, что если стану милиционером, то смогу это сделать.

Жизнь в общаге – не мед, но это неведомая, другая жизнь, в которой ты можешь себе позволить многое. Вседозволенность губит наши души, но мы этого, увы, не замечаем. Борьба с собой проиграна вчистую, и только в

глубине твоего сердца живет лучик света, вечный огонь, призывающий к справедливости.

Город юности у меня всегда ассоциируется со снегом, белым снегом, который падает с неба большими снежинками, кружится в круговерти ветра, ложится на землю, чтобы вновь вздыбиться и закружиться в отчаянном танце. Яркие неоновые лампы высвечивают пушинки снега, крепкий мороз пробирается сквозь теплую одежду, однако молодость не замечает таких мелочей. Ты можешь часами гулять по ночному городу, который таит в себе много удовольствий и опасностей.

Запорощенный снегом белый мир вдруг заполняется красной краской, алая кровь стекает по лицу земляка и скрывается за мокрым воротником его бело-красной рубашки. Из проломленного черепа хлещет кровь, глубокая страшная рана на его голове нанесена из-за того, что он «черный».

«Черные» собираются для того, чтобы отомстить «не черным». Они избивают на улице прохожих...

Боль рождает боль, ненависть становится причиной ненависти.

Я не понимаю этот мир, этот мир не понимает меня.

В мою юность врывается повестка из военкомата. Этот клочок бумаги изменил мир вокруг меня. Яркие краски сменились на два цвета – белый и черный. Служба в армии разделила этот мир на своих и чужих. В этом мире нужно бороться за свое место под солнцем, за свой кусок хлеба и за свое «Я». Твое место зависит от силы твоего духа и кулаков. Этот мир не знает пошады и сострадания. Я не боюсь боли, я всегда боюсь позора поражения и унижений. Мне предстоит поединок с врагом, который сильнее меня, на его стороне сила и опыт, на моей – невозможность проиграть. Сила и опыт берут верх, и враг почти торжествует победу. Я мысленно молюсь своему Творцу, и Он принимает мою молитву. Сильный удар кулаком в голову сваливает с ног моего противника, сознание покидает его тело. Недруги, готовые еще минуту назад растерзать меня, со страхом смотрят на поверженное тело. Я читаю в их глазах испуг и готовность подчиниться моей воле. В моей душе рождается презрение к ним, слабость вызывает пренебрежение к себе.

Я не понимаю этот мир, этот мир не понимает меня, но я уже начинаю жить по его законам.

Придет время, и мне будет стыдно за многие поступки, за презрение к слабости, за деление людей на «своих» и «чужих», за многое-многое другое.

Самое сильное испытание в этой жизни – испытание голодом. На улице «перестройка», у нас недоедание и голод. Кто-то ищет для себя пищу на стороне, кто-то утоляет свои потребности на помойках. Мы бьемся за каждую «горбушку» хлеба или кусочек сахара. В мой сон всегда врываются белый батон и большой кусок масла, однако мне все же приходится терпеть голод...

Теперь я понимаю, что это был самый счастливый период моей жизни, когда моя плоть терпела голод, холод, физические нагрузки.

Возвращение в гражданскую жизнь – это праздник. Однако армия убила мою мечту. Я понял, что человек в погонах не способен изменить жизнь в лучшую сторону. Он – подневольный, который исполняет чужую волю, и нет никакой разницы в том, добрая это воля или злая.

Я себе тогда дал зарок, что никогда больше не надену мундир с погонями.

Настоящая жизнь начинается только после армии, когда человек переосмысливает все свои ценности и узнает истинную цену своего «Я». Зачастую люди страдают завышенной самооценкой, армия все ставит на свои места.

После двух лет неволи хочется жить, молодость не ищет оправданий, она живет надеждами и ошибками.

В моей молодости рушилась страна, рушились хрупкие человеческие законы. Люди начали убивать друг друга за взгляд иной, за род другой, за власть, богатство и просто так.

Смерть рождает смерть, ненависть рождает ненависть.

На мою землю пришла война, люди легко убивают друг друга, и это вакханалия продолжается более десяти лет.

Я не понимаю этот мир, этот мир не понимает меня.

Я не ждал от этого мира ничего хорошего. Я провожал в мир иной своих друзей, знакомых, родственников и ждал своей очереди.

Я видел репетицию Судного дня, мир сотрясился под взрывами снарядов и бомб, земля дрожала и стонала от боли. Казалось, что это не прекратится никогда.

Все в этом мире преходяще... Мне пришлось надеть мундир с погонами. Никогда нельзя говорить «никогда». В судьбах людей часто бывает нечто такое, что от них не зависит. Иногда не ты выбираешь судьбу, а судьба выбирает тебя.

У меня не было молодости, она растворилась в незавидной доле моего народа, превратилась в пыль и прах, и даже собственная память не любит возвращаться туда, где исчезла моя молодость.

Я ненавижу оружие. Однако люди убивают друг друга не только оружием, они успешно делают это и через наркотики. Я молил Всевышнего дать мне силу слова, чтобы высказать его и остановить эти убийства. Чтобы сказать свое слово, мне пришлось надеть мундир с погонами.

Ведь вначале всего сущего было Слово...

Передо мной стоял недруг, который оскорбил самых близких мне людей. Я потребовал объяснений, но в мою сторону посыпалась грязная брань. Жестокий удар в висок свалил его на землю. Он старался подняться на ноги, но я бил остервенело, бил руками, ногами по телу и лицу. С его головы стекала кровь, люди стояли рядом и не решались подойти...

Этот мир не понимал меня, я не понимал его, но теперь я стал частью его.

В тот день больше всего на свете я ненавидел себя. Во мне жила ненависть, мой гнев был выше меня, я стал его жалким рабом.

Я вспомнил свою детскую мечту. Мне тогда хотелось изменить мир в лучшую сторону. Теперь у меня вновь родилась мечта. Я мечтаю победить свои слабости...

Мир изменил меня в худшую сторону. Я вглядываюсь в себя и ужасаюсь тому, что там нахожу. Мне будет безумно стыдно перед своим Творцом в тот день, когда предстану перед Его Судом. Я не сумел пронести через свою жизнь Его лучик света, который Он вложил в мое сердце...

Мне безумно стыдно за то, что так бездарно прожил свою жизнь. Я хочу успеть и все изменить.

Я хочу служить делу, которое выбрал для себя. Слово убивает, но слово может и спасти. Я ищу слова, несущие спасение. Однако люди не понимают меня, и я не понимаю людей. От меня не ждут спасительных слов, а требуется служение людям, у которых больше звездочек на погонах.

Моя душа запорошена снегом. Она замерзла под толстым слоем льда равнодушия. Чужая боль не ранит мою душу, но я вижу, что она радует другие души. О Аллах, удали от моего сердца радость, рожденную чужой скорбью.

Моя пища не только удовлетворяет потребности моего тела, но и приносит наслаждение. На этом свете немало людей, которые не могут утолить свой голод, однако это не останавливает меня.

О Аллах, сделай мою пищу благословенной и накорми всех голодных!

В начале было Слово...

Люди изрекают в мир слова, которые несут раздор, ненависть, братоубийство.

О Аллах, дай мне силы говорить только благое или молчать!

В печали и скорби моя молитва искренна, в радости я небрежен в своих поступках и делах.

О Аллах, сделай меня своим верным рабом и в радости, и в печали!

Придет день, когда каждый из нас предстанет перед своим Творцом. В тот день у нас не будет ничего, кроме дел, которые мы сотворили в этом мире.

В тот день, когда родится твоя смерть, никто тебе не поможет...

Сила ветра

Холодный ноябрьский ветер вольготно гулял по двору. Иногда он порывался ворваться в дом, кружился в печной трубе и бился в окна. Лесной орех, росший во дворе, стоял обнаженный и беззащитный, скинув свои зеленые одежды и стыдливо раскинув оголенные ветви. Пожелтевшая листва летала по улице, то прибываясь к кирпичному забору, то взлетая от порывов ветра. Поздняя осень неохотно уступала свои права приближающейся зиме, но холодный ветер, насыщенный свежестью подступающего снега, являлся предвестником наступающих морозов.

Тяжелые свинцовые облака медленно плыли по небу, и только через их редкие просветы пробивались тонкие лучи солнца.

Пасмурная погода загнала сельчан в свои дома, однако изредка по улице проезжал автомобиль, разбрызгивая многочисленные лужи, да редкий прохожий спешил укрыться от разгулявшегося ветра в тепле дома.

В такую погоду, кажется, что жизнь в селах замирает. Однако это не совсем так. Современные города забрали себе все средства жизни и удовольствия, оставив сельчанам возможность обеспечивать их продовольствием.

И хотя сельская жизнь мало привлекательна для молодых людей, в ней тоже полно своих забот и тревог, и только ее размеренный бег спасает сельчан от городских стрессов и передряг.

Добрый хозяин еще до начала рассвета должен успеть сделать омовение, помолиться Всевышнему Аллаху, накормить скотину, почистить хлев, и только после этого он может себе позволить позавтракать.

У каждого сельчанина есть свои обязанности, связанные с необходимостью навестить больного, в случае смерти односельчанина или знакомого в родном краю выразить соболезнование с обязательным посещением родственников.

Чтобы добыть свой кусок хлеба, он еще должен найти себе занятие. Сельский житель берется за работу даже за небольшие деньги, но когда приходит опыт и появляется профессионализм, он уже дороже оценивает свой труд. В каждом деле необходимо терпение, добрая слава добывается кропотливым трудом, но, раз добившись ее, можно пользоваться ее плодами, потому как она всегда бежит впереди тебя.

Хлеб многих сельчан насыщен их потом, и потому благословен.

Впрочем, полной идиллии в сельской жизни нет, село также подвержено порокам современного мира. Село и город – это как бы два переливающихся сосуда, связанных между собой неразрывной пуповиной.

В селах, как и в городах, есть люди, которые наполняют свою жизнь алкоголем и наркотиками. Но если в городе можно затеряться в общей «толпе», то село тонко «фиксирует» все негативные факторы, и от недоброй славы весьма тяжело избавиться даже потомкам.

И хотя на селе пространства больше, оно находится под неусыпным оком его жителей. В прошлые времена богатство без чести презиралось людьми, сегодня размылось само понятие «честь». Она стала придатком богатства. Деньги дают власть (или наоборот), власть дает силу, сила порождает страх в других, и это все вместе взятое в настоящем мире трактуется как умение жить и соблюдать свою честь. Но при этом человек может совершать бесчестные поступки. Возможность их совершать безнаказанно также, к сожалению, почитается за достоинство.

Впрочем, если акцентировать внимание на негативных сторонах нашей жизни, можно пройти мимо тех радостей, которыми одарил нас Всевышний Творец.

Холодный ветер ноября бьет меня в лицо, но я безумно рад этим объятиям. Теплая одежда спасает от холода, а лицо краснеет от ласки ветра. Ветер – символ воли. Когда у других сердца сжимаются от страха, мне хочется бежать навстречу летящему ветру. Я хочу стать его частицей, лететь через поля и горы, не ведая границ и преград.

Я мечтаю проникнуть в тайну ветра, познать его сущность и сохранить свои познания внутри себя.

Увы, в этом мире нам не все дано. У ветра свои обязанности, у человека – свои.

Ветер будет жить всегда, пока существует этот мир и достигнет своего апогея в тот день, когда этот мир будет разрушен.

А пока нам дано быть вместе, я люблю гулять вместе с ветром, доверяя только ему свои тайны и помыслы, надеясь, что и он поделится со мной.

Сегодня в селе тезет¹, умер молодой человек. Никто вслух не называет причину смерти. Это болезнь, которую человек выбирает себе сам. Я неплохо знал этого парня, у него было много человеческих достоинств. Трудно сказать, когда и почему он оступился. Ошибка стоила ему жизни, человек искал выхода из лабиринта и не нашел его.

Щемящую душу грусть чувствует и ветер, с которым мы гуляем по окрестности села. Жизнь в городе забирает душевные и физические силы. Здесь же, на земле предков, я питаю себя силой земли и ветра. Со стороны села доносятся родные сердцу звуки, где-то замычит корова, ветер приносит скулящий лай испуганной собаки или надрывный звук работающего мотора трактора.

Эти звуки знакомы мне с самого детства. Память возвращает меня в ту пору, когда я мечтал изменить этот мир в лучшую сторону. Сегодня у меня другие мечты, которые также трудно исполнить. Я мечтаю сохранить в себе человеческое достоинство, не превратиться в ищущую блага пылинку мира, не стать винтиком в механизме бесчестия. Вглядываясь в себя, я ужасаюсь той несправедливости, которую нахожу там. Наверное, я покину этот мир, так и не сумев очистить свои помыслы и дела от ненужной суеты и праздности.

Ноябрь – это пора, когда все живое умирает. Умирает, чтобы вновь расцвести весной, радуя глаз своим великолепием. Сегодня в моей душе расцвел ноябрь. Душа каждого человека должна умирать, чтобы очищаться от груза, накопившегося в ней. Суетная слава человека ничто по сравнению с величием ветра, способного разнести весь этот мир. Я несу свои молитвы Всевышнему Аллаху, который породил этот ветер и управляет им. Я прошу у Него силу ветра, чтобы он очистил мою душу от малодушия и лицемерия, которые царят в ней.

Очередь за смертью, или Живые мертвецы

Человек – существо разумное. Всевышний Аллах выделил его среди других своих творений, дав ему способность мыслить и возможность строить свою собственную жизнь. Однако некоторые размышления наводят на мысль, что среди всех созданий именно человек совершает совершенно безумные и неоправданные поступки.

Способный видеть – не видит, способный слышать – не слышит, способный думать – не думает. Неужели слепота, глухота и скудоумие позволяют человеку безмятежно прожить свою одну-единственную и не всегда долгую жизнь безмятежно и в благоденствии? Чего мы ищем в этом мире? К чему стремимся? Ради чего живем?

Способный видеть пусть осмотрится вокруг себя. Неужели мы живем только для того, чтобы набить свои утробы, нарядить свое тело, накопить богатства и умереть, чтобы потом ответить перед Всевышним за свою тягу к земным утехам? Если это так, то ценность наших жизней обратно пропорциональна нашим страстям и накоплениям.

Способный слышать пусть прислушается к словам мудрых. Человек, который не нашел смысла своей жизни, обречен на погибель. Сотни поколений прожили свои жизни до нас, научились отличать хорошее от плохого, творить и созидать. Они оставили нам свои знания и мудрость, однако почему-то нам

¹ Тезет (чеч.) – похороны.

не хочется их замечать.

Способный мыслить потерялся в лабиринте своих мыслей. Люди блуждают в бесконечных пространствах разума, зачастую переходя пороги безумия.

Мир полон соблазнов. Человек устроил безумную гонку за ними, порой ставя на кон собственную жизнь. Соблазны несут беды. Те, кто не видят этого, обречены на бесславный конец в этом мире. Увы, нам не хочется видеть очевидного, мы, как рыбы, выстроившиеся в очередь за червячком на крючке рыбака. С каждым днем очередь становится все длинней, и некоторые стремятся добраться до крючка без очереди. Все осознают, что эта приманка смертельна, но разум уже перешел границы безумия, и ничего исправить не удастся. Люди любят стоять в очереди, даже если это очередь за смертью.

К нам пришла беда. Способный видеть пусть увидит ее, способный слышать пусть услышит про нее, способный думать пусть подумает о себе и своих близких.

К сожалению, НЕвидящих, НЕслышащих, НЕдумающих людей очень много. Тогда другим необходимо думать и за них, и за себя, чтобы сохранить жизнь всего общества и его ценности.

Мы много говорим про наркотики, настолько много, что привыкли к словам. Привыкли слушать и не слышать. Наркотики – это убийцы, они убивают не только жизнь, но и уничтожают души людей. Когда в наше общество ворвались наркотики, мы предпочли их не заметить, других забот было слишком много. Когда заметили, оказалось, что в плен к наркотикам угодили тысячи наших братьев и сестер. Наркотики не сразу убивают свои жертвы. С изуверской жестокостью они отбирают у них честь, совесть, достоинство, втоптывают в грязь. Увы, мы просто обрадовались, что на крючке сегодня оказались не мы, а другие. Мы приняли эту жертву, и это была большая ошибка. Вероятность того, что завтра на крючке окажемся мы или наши близкие слишком высока.

Я смотрю в глаза задержанного молодого человека и читаю в них безумие. В его жилах кровь перемешалась с «дезоморфином», наркотиком, изготавливаемым из лекарств, которые свободно продаются в аптеках. Никто не заставлял его смешивать свою кровь с ядом, однако он делает это при первой же возможности. Я точно знаю, что такие люди живут недолго, слишком силен яд, который они впитывают внутрь себя. Но я достоверно знаю и другое, что таких людей, с впитанной кожей и гнилой кровью с каждым днем становится все больше и больше, и это, несмотря на то, что продолжительность их жизни менее двух лет!

Я смотрю в его глаза и читаю в них страх перед тюрьмой. Он не боится смерти, его не страшит встреча со своим Создателем, он раб наркотика и боится остаться без него. Внутри него живет крокодил, который пожирает его внутренности. И это не моя выдумка, потому что крокодилом наркоманы называют «дезоморфин».

Говорят, что для каждой души Бог отмерил свою долю любви и страха. Каждое существо должно любить своего Творца и бояться нарушать Его Законы. Страх тех, кто перестает бояться Бога, перебирается в другой образ – страх перед силой, начальством и т.д. Это слишком неравноценный обмен, такие страхи приводят к сигаретам, алкоголю, наркотикам.

Те наркоманы, которых удается запрятать в тюрьму, зачастую выживают, и они живут до тех пор, пока находятся за тяжелыми тюремными воротами. Оказавшись на воле, они вновь становятся в очередь за смертью. Они не хотят видеть очевидное, слышать несомненное, поступать разумно. Тысячи людей с безумным взглядом живут среди нас, и единственная цель их жизни – добыть любым путем наркотики, самый доступный из них – «дезоморфин», в стоимость которого включена жизнь того, кто его употребляет.

Эти строки не предназначены для наркоманов, они лишились возможности видеть, слышать, думать. Это крик души для тех, кто что-то может исправить и спасти всех неразумных и беспечных. Равнодушие же к чужим судьбам обернется трагедией в собственной жизни.

Эти слова обращены к тем аптекарям, которые готовят набор «дезоморфиншика» за тридцать сребреников.

Эти слова обращены к родителям, которые беспечны к судьбам своих детей. Не научив их видеть, слышать и думать, вы бросаете их в объятия дьявола.

Эти слова обращены к законодателю, который должен думать и искать пути спасения тех, кто еще не добрался к очереди за смертью.

«Дезоморфин» – это страшная беда, которая грозит непредсказуемыми последствиями для всего общества. Он в девять раз активнее морфина и в пять раз токсичней. Остановка беды сегодня означает спасение многих жизней завтра. А пока к нам пришла беда, и мы отворили ворота.

«Дезоморфиновые» наркоманы мрут, как мухи. Гниение организма начинается с первого употребления. Оперативные сотрудники в шоке, их подопечные умирают до того, как удастся собрать доказательства совершения преступления, следователи опасаются на предварительном этапе расследования санкционировать заключение под стражу заживо гниющих людей.

Еще два года назад случаи изготовления «дезоморфина» в республике были единичны, в прошлом году правоохранные органы республики выявили 71 факт изготовления этого вида наркотика из лекарственных препаратов, которые продаются в аптеках даже без рецепта врача. Наркополицейские пресекли преступную деятельность 23-х наркопритонов, где употреблялся «дезоморфин», изъяли из незаконного оборота свыше семи тысяч одноразовых доз. Однако усиление деятельности правоохранительных органов не снизило нарастающий вал проблемы. Только за два месяца текущего года оперативные сотрудники наркоконтроля уже выявили около 30-ти случаев изготовления дьявольской смеси, сжигающей все внутренности человека, изъято свыше пяти тысяч одноразовых доз.

Некоторые страны запретили открытую продажу кодеиносодержащих лекарственных препаратов. Наверное, когда-нибудь и наша страна придет к такому решению, но путь к нему будет усеян тысячами жизней наших людей, большинство из которых так и не поймут смысл своего появления на этой земле.

Шамиль Хаджимуратов

Стихи и переводы

В самолете «Москва-Берлин»

Внизу плывут чужие страны,
Я пересекаю небеса.
В волнении меридианы
Порастеряли два часа.

Назад перевожу я стрелки,
Но, все запомя наизусть,
Потери все до самой мелкой
Я возьмещу, когда вернусь.

Сойдя с одной из интерлиний,
Земли коснется самолет,
И нас в отеле «Штадт Берлине»
Тепло гостеприимства ждет.

Дней через десять путь до Праги.
Прекрасно. Но с душой прямой
Скажу: хоть родственные флаги,
Пульс просит мой: «Домой, домой!»

Притяжение земли родной

Я в турпоездке за границей,
Остался позади рубеж.
Родной аул и вишня снится,
Что к окнам нависает: «Ешь».

С друзьями говорю своими,
Но как я жду обратный путь!
Здесь осязаемой и зримей
Смысл слова «Родина» и суть.

Где чудо?

В своем туризме заграничном
Люблю экскурсии в музей,
Где с древностью знакомлюсь лично,
Как собеседник королей.

Живут здесь в книгах, в меди, в камне
Идеи, чувства тысяч лет.
Но в сердце вкралась вдруг тоска мне,
Чему б, казалось, места нет.

С чего я вспомнил выраженье
О том, что в мире нет чудес?
Чем недоволен в этот день я?
Ведь все, как дома: горы, лес...

Сижу задумчивый, усталый,
Вдруг щебет где-то рядом, здесь.
Ах, мне лишь чуда не хватало:
Как дома, ласточки в гнезде.

Суть знаний

Одно усвоил я толково
Из всех прочитанных мной книг:
Что в жизни труд – всему основа,
Что человек трудом велик.

Все сотворяют наши руки.
Подаст ли Бог? – Будь сам неплох.
И в этом суть любой науки,
И в этом мудрость всех эпох.

В родном селе

За майским жуком
мое детство бежало,
Где в росах густая трава за селом,
Его не страшило пчелиное жало,
Его не пугали ни буря, ни гром.

Кровавый восход не казался закатом,
Хоть слышалось часто,
что доля горька,
И детство лишь боль
причиняло солдатам,
Когда по головке скользила рука.

И голод крапивно сносило без жалоб,
Ведь знало, что плакать
мужчине нельзя...
И рану героя увидев, сдержало б,
Сама покатила щекою слеза.

Моя любовь

Ее люблю я всей душою,
Она одна, подобной нет.
И имени ее не скрою:
Земля Отчизны – знай весь свет.

Мы все в дары земли одеты,
И сыр, и жир у поля взят,
И стих, и песен ритм – куплеты,
И хлеба свежий аромат.

О моих стихах

Нет, не умею сочинять!
 Что ж, стихотворчество оставить?
 А если не могу молчать,
 Хочу благословлять и славить?

День каждый ритмом дел своих
 Меня на рифму вдохновляет.
 Не всем понравится мой стих,
 Зато не скажут «сочиняет».

О силе голоса Арби Мамакаева

Созвучен ритм его стихов
 сердцам людей.
 «Арби нам заглушает имена вождей», –
 Таков донос.
 Но и когда он за решеткой,
 Слова звучали песней
 громкой, четкой.

Иоахим Кунц**Ты человек...**

Ты человек!
 В свое величье вникни! –
 Вселенной правит твой могучий жест.
 Лишь ты в ней,
 совершенств в веках достигнув,
 Стал выше и прекрасней
 всех существ.

Ты человек!
 Стремись ты к чему-то.
 Скажи мне,
 что ты создал до сих пор?
 Иль ищешь только
 для себя уюта,
 Чтоб жить в тепле,
 имея дом и двор?
 Коль человек ты,
 ненавидь все злое
 И труса, и его поддельный взгляд,
 За искренность, за правду вечно стоя,
 Не пятайся пред опасностью назад!

Ты человек,
 так жить умеи достойно,
 Люби людей,
 будь честен и красив!
 Титаном будь!
 Лишь ты один устроен
 Быть всем,
 мощь с нежностью соединив.

Ты человек!
 И в мира безграничье
 Загадочном
 с тобою что сравнить?!
 Жизнь так пройди,
 чтобы твое величье
 Всегда, везде
 могли благодарить.

Фридрих Больгер**Мать**

Она меня в мучениях рожала,
 Вскормила в дни лишений и тревог,
 Потом меня безмолвно провожала,
 Покинул я ее на долгий срок.

И коротко писал ей иногда я,
 А коль мне трудно, навещал не раз.
 Но бездна лет, все больше разделяя,
 Холодная меж нами разрослась.

Жил в дальней дали от нее я столько,
 И так она скончалась без меня.
 Уж все прошло.
 Теперь вернуть бы только!
 Я б не провел в разлуке с ней ни дня.

О мать моя!..
 Теперь мне только святы
 Твои черты, но можешь ли простить?
 Дала мне все, была всем для меня ты,
 Но я не мог твою любовь ценить.

Перевод с немецкого

Тауз Исс

Украденная Родина

(Главы из романа)

Книга вторая

Гора

90. Три сестры

В один из весенних дней в горах пронесся слух: «У места Трех сестер источник забил». Все удивлялись этому событию, ведь в последнее время родники только глохли, а тут и вправду длинный белый шлейф стекает, падая с высоты, пенится в камнях. А еще через некоторое время пошли слухи, что видели у того водопада сестер, якобы кормили они из рук белых голубей в лунную ночь. «Тот, кто хоть раз утолит жажду из родника Трех сестер, обретет счастье, – говорила народная молва, – но для этого нужно очистить сердце».

Возвращаясь из поездки в высокогорье, Анси с Висой остановились у родника, где царило столпотворение. Люди набирали воду в пластмассовые бутылки, канистры, а то и в какие-то невероятно огромные емкости. Все хотели быть счастливыми. Какая-то пожилая женщина принесла им напиток. Счастье, как жажда, утолишь и забудешь, подумал Анси, поблагодарив женщину. «Ваша, – спросил Виса, пред тем как расстаться, – разве счастье бывает само по себе?» Анси удивился вопросу и через паузу ответил: «Думаю, что нет».

Навсегда утраченным счастьем для него было то, что он родился не на Родине. Иногда ему казалось, что он всю жизнь ищет и не может найти ее, и чем дольше он жил, тем горше становилось осознание того, что, может быть, он никогда ее и не найдет, однажды украденную. Будто все осталось там... в том времени... среди белой травы... И первый крик... и первый шаг... и первый образ... А душа... душа, наверное, и тогда была здесь... в горах...

В эту ночь ему приснились три сестры. Среди оледеневших гор в пещере тлеет еле видимый сквозь мгlistую пелену огонь. Это последний очаг, оставшийся в живых после нашествия врага, и если потухнет и он, то все умрет. Возле очага, где хлопочут сестры, сидят дети, женщины, старики. Одна из сестер говорит ему: «Возьми угли от этого очага и зажги новый очаг». Он идет через ледяное поле к далеким заиндевевшим горам, зажав в пригоршне угли. Надо донести их во что бы то ни стало. Превозмогая адскую боль, доходит он до полуразрушенной башни и, найдя в ней камин, зажигает огонь. И в ту же минуту горы расцветают весенним цветом.

...Вечер наступает в весенних горах. Звезды, зажигаясь в небе, перекликаются с очагами, зажигающимися на земле. Тихо стрекочет цикада. За ней запевают другие. В их длинном, неторопливом пении слышится: «Миииррр... миииррр... миииррр...» На широкой поляне в цветах люди собрались на праздник. Одна из сестер играет на гармонике, другая – на доуле, а третья – в кругу. Мелодия вскипает вместе с доулом, взлетают танцующие, круг раздается шире, слышится смех, радостные возгласы. «Смотрите! Смотрите! – кричит звонкий детский голос. – Луна, луна!» Огромная луна встает из-за гор посмотреть на праздник. Все стихает под лунным светом. «Сыграй нам песню Слушания!» – просит один из старцев. Откуда-то издалека наплывают грустные первые звуки, копятя, копятя, копятя, словно еле сдерживаемые рыдания, и, наконец, прорываясь

каскадами, становятся бушующим океаном. Земля и горы содрогаются от биения волн, все живое стонет, кажется, вот-вот жизнь оборвется, мольбы возносятся к небу. Медленно стихает буря, медленно мелодия возвращается к началу, звучат последние грустные звуки. Все онемело под луной: и травы, и звезды, и люди. И, разрывая лунную тишину, возносится стон: «О-о-о-й-т-т-т!!!...» Разве это гармоника пела? Нет, это рассказала себя бессмертная душа народа.

91. Круги

Первая башня встала на расстоянии пущенной стрелы от Обсерватории в восходящей линии от предгорий к Белой горе. В абрисе возрождающейся духовной столицы страны эта башня была головной точкой. Вокруг башни Виса намеревался выстроить кольцо здание Духовной Школы. Две другие башни, размыкая путь к вершинам, должны были встать на полпути от Чахкири к ущелью и у входа в него. Семь остальных, как предполагалось, вырастут по ущелью Орги. Первым узлом на их пути явится чаша Ирзо, где встанет третья из семи башен, и вторым основным узлом-развязкой будет Шатойская котловина, где рядом с уцелевшей башней на скале станет десятая по счету. Таким образом, десять башен соединят равнинное предгорье с первым уровнем высокогорья. Этим завершился первый этап проекта. В остальные, более сложные два этапа, строительство Башенной Системы, достигнув Белой горы и Тысячевершинника, завершилось. В эти два этапа вся система должна была по замыслу спиралеобразно разрастись по всей горной части страны.

Народ, несмотря на трудности, поддержал идею. Правда, были и такие, что говорили: «А что я буду иметь с этого?» Или: «Зачем все это? Пустая трата сил и времени!» А то и злорадствующие, похохатывая и говоря: «Что??? В Средневековье тащат нас эти умники!» Простые люди несли свои скудные сбережения, давали советы, желали удачи.

Тем временем Виса начал строить Духовную Школу. В результате кропотливой работы над проектом, еще на стадии его подготовки, он пришел к выводу, что Белый Путь, выстроенный далекими предками, был абсолютно гармоничен. В нем сочетались камень и слово, человек и звук, восхождение и нисхождение, пропорции и симметрия, и каждая башня была не только боевой единицей, но и кузницей знаний и очищения на пути к небесной Азбуке, к свету Всевышнего. В целом, вся система в ее законченном виде представляла собой спиралеобразное четырехкружье, развернувшееся на четыре стороны света и устремленное в виде птицы к Белой горе и Млечному пути Тысячевершинника. Там была сакральная энергетическая точка в космогонической завязи Великого Кавказского Круга. Чем дальше он углублялся в проект и его детали, тем больше он убеждался, что перед ним шаг за шагом открывается панорама великой культуры, первозданного органичного образа жизни и единственно верной цивилизации сообразно Творению и Творцу.

А пока, похожая на пилигрима и аскета, вышедшего в далекое, трудное паломничество, стояла на околице Чахкири, устремившись в небо, первая башня. Виса часто приходил сюда, к новойстройке, идущей вокруг башни. После он шел хоть ненадолго к берегу, откуда была видна далекая и близкая река. Однажды он стоял, задумавшись, пока откуда-то с вышины не послышался длинный зов. Он поднял голову: далеко-далеко в весеннем небе, прямо над ним, шла многокрылая лебединая стая. С каждым взмахом в ее сверкающих крыльях золотилось солнце. Потом мах крыльев стал реже и стая, словно остановившись, начала оседать, опускаться к Чахкири, к башне. Виса стоял, ошеломленный, боясь шевельнуться. Вот стая приблизилась на расстояние вытянутой руки, слышится шум сильных крыльев, и тысячи солнц играют в глазах. Вот белая стая взмыла и, сделав над Чахкири круг, ушла в кликах

в сторону Млечного пути – Тысячевершинника. На светло-зеленой поляне остались лежать белые перья.

92. Возвращение

Демократизм, царящий на территории бывшей «нерушимой», был порождением и продолжением социократии. Инстинкт выживания подсказал агонизирующей системе спасительный выход в очередном пропагандистском трюке непрекращающегося красного мифа. Социократический демократизм, насаждаемый сверху, становился на практике чудовищно уродливым явлением, создавая культ насилия и золотого тельца. Между тем время от времени искали новую идею, выдумывали синтетические слова, говорили красавости. Вслед за мозгами на Запад утекали «энергоносители». Дать какое-либо определение текущей действительности, найти в ней плодотворную точку опоры было чрезвычайно сложно и не под силу даже кремлевским мудрецам.

В полярно смещенных идеалах перевернувшегося мира не было, не осталось и не предвиделось места простому человеку. Обманутый в прошлом и забытый сегодня, он продолжал молча делать свое нехитрое дело: кормить, поить, одевать, обувать. В мире рейтингов, кошечек, скандалов, попсы и тусовок человек стал неуместен. Его подвергли методичному умолчанию. Исчезновение человека произошло как-то незаметно, и порой казалось, что он и вовсе умер. Более всего человек страдал, сам до конца не осознавая этот факт, от двусмысленности своего положения, ненужности, забытости, словно вынули сердце и оставили жить.

Некое всеядное лукавое существо с неким тождеством человеческого голоса и внешности и непомерным апломбом тиражировалось, кривлялось, насаждалось.

В человеке, молча созерцающем из своего долгого забвения торжествующее скабрзное иго, проступало прозрение. Оно было очищающим и правдивым. Это было его обретение среди моря профанаций и химер. В нем созревала и прорастала личность. В одну жизнь проживалось множество жизней. В воскресающих днях воскресало ищущее сердце. Все становилось на свои места. И это было не только испытанием, но еще и школой. Зерна отделились от плевел. Больше он не нес в сердце своем груз несбыточных обманчивых надежд. Оно было чисто. И это была свобода. Так неожиданно и долго она шла.

...С первым криком вступивший в утраты...

Всегда, всего лишь шаг, всего лишь вздох до истины...

Прорываясь сквозь видимые и невидимые преграды, человек идет к озарениям, музыке, свету...

Падают, рушатся идолы, истуканы и божки...

Далекое и близкое...

В круговерти дней и событий зовет, не смолкая, голос из белой травы...

Из возвращения...

Из света...

93. Земля

Многоцветная осенняя земля благоухала райскими запахами... Золотые кукурузные снопы в руках женщин мелькали на солнце, литые белые початки слетались в сверкающую гору, разноцветными кругами лежали тучные тыквы и кучи шершавых фасолевых стручков. Дети цеплялись за толстые паутины, словно хотели улететь в сказочные страны. Пахло айвой, виноградом, сливой, мушмулой, яблоками, грушами, орехами... изобилием... Земля смеялась счастливым смехом, лоснилась в осеннем свету, все еще храня увядающее тепло... Где-то в поднебесье пели, прощаясь, птицы...

Вся земля, воздух, люди пропитаны этим сладким запахом осени, изобилия, Родины... Женщины смеются, о чем-то весело переговариваясь, отряхивая золотую пыль... Медленные подводы развозят урожай по дворам... Хочется бежать, плыть вслед за облаками... Хочется стоять на высоком берегу, слушая небесных птиц... Земля летит мимо облаков, реки, берега, мимо червонного золотого поля, мимо тебя... Не остановить, не успеть... А потом солнце закатывается и все стихает, погружается в вечернюю тишину... Двор полон запахами и разноцветными урожаями... Материнское лицо в отсветах очажного пламени... Тихий нескончаемый напев...

Долго хранит эти запахи и с ними засыпает в белых объятьях земля... А потом длинные, изнурительные сны издалека... И никогда не будет ответа на тщетный вопрос: что же такое земля? Стихия, прах, грязь, глина?... То, из чего сотворены мы?! Или гораздо большее?

И вся она, от жарких бурюнных песчинок до белых вершин, в твоём сердце...

Летит, кружится голубой комок земли по космической орбите: нота, звук, слово, во вселенском хорале...

А та, что умещается под ногами, держит, носит, стоит твердью, молчит, манит загадками...

И снова возвращаешься ты в тот день, околдованный запахами осени, изобилия, благодати...

Идешь туда, к тому пределу, к той земле, запахам, где смеялись солнце и женщины...

И видишь истерзанную, загаженную, развороченную бомбами и снарядами мерклую землю...

И думаешь: не может быть, это пройдет, это, наверное, сон, все вернется, вернется, вернется...

А сон продолжается...

Долго лежишь ты, не в этом сне, а в той жизни, обняв золотую, солнечную землю...

Она кутает тебя в райские запахи, которым, наверное, уже не бывать, обнимает, молчит, и ты чувствуешь, знаешь то, что она хочет тебе сказать... говорит...

Тебе хорошо с ней... спокойно... и небо... с вами...

Ты просыпаешься, ничего не зная, и даже не зная, что ты счастлив этим незнанием...

Через столько лет... снова несбыточный сон...

94. Зеркало

Белый град стоит на пиках скал, сверкая огнями в утреннем рассвете. Тучи черных стервятников кружат над ним в немолчном лае. Белое зимнее небо, белая земля, синий рассвет. Стервятники снова и снова атакуют белый град, полосуя небо черными линиями. Мир слепнет от их обилия. Вот-вот все погрузится во тьму. И тогда из белого града вылетает сверкающая белая стая. Она возносится над черной тучей и падает вниз. Черная туча рассеивается и снова собирается. Белая стая сшибается с черной, опрокидывая ее. Черная туча редет, рассеивается, тает. Над белым градом восходит солнце. Белая стая исчезает в его сиянии. Откуда-то идет долгий звон.

Виса поведал свой сон дедушке, и тот, задумавшись, ответил: «Ты выбрал непростой путь. Вернее сказать, для него выбрали тебя. Не каждому дается такая судьба. С помощью Всевышнего все исполнится». Виса догадывался о том, что ему сказал дед, а теперь, после сказанного, он еще глубже осознал важность и значимость начатого дела. Он часто советовался с Анси, и порой они подолгу сидели над проектом, разрабатывая все до мельчайших подробностей. Много времени ушло на составление карты уцелевших башен и цитаделей

и восстановление деталей того, что было. После долгих поисков и трудов постепенно вырисовалась целостная картина системы, построенной в форме символа вечности, спирально развертывающегося «пружинами времени» горизонтально в четыре стороны света и перпендикулярно, в глубину, в макро- и микромиры, в вечность. Этот спиралеобразный знак встречался на уцелевших башнях, среди других петроглифов. Видимо, система, кроме оборонительного значения, являла собой еще и духовное знание и служение. Оставалось много загадок, но было явно, что знания древних были глубокими и сокровенными. Судя по всему, надо было идти к их постижению неторопливо, шаг за шагом, с тем, чтобы предстала подлинная картина.

Они посвятили в свое открытие Убайда, Учу и Ашти. Более всех ликовал Ашти. «Вот где наши истоки! Вот где кроются наши знания! Да ведь это же Атлантида! Не зря мировая теософия считает горцев Кавказа наследниками Атлантиды!» – восклицал он, волнуясь. Сходство открывшейся формы системы с формами древних цивилизаций невольно бросалось в глаза, с той только разницей, что форма нахской системы в своем строении была одновременно и проще и сложнее. Если, скажем, та же Атлантида была построена кругами, Крит – лабиринтом, Троя и Стоунхедж – концентрическими кругами, то здесь – четыре спирали, развертываясь из единой точки на четыре стороны света, образовывали собой и круги, и лабиринт, и конус, и воронку, и свастику. В военном, оборонительном значении безупречность системы заключалась в том, что являла собой множество повторяющихся, практически неприступных спиралеобразных кругов, образующих лабиринт и замыкающихся в одной, единой исходной и возвратной точке. Эта концентрическая форма, знак, символ, как видно, таили в себе и духовное знание. «Как похоже на человеческий мозг», – сказал Уча, рассматривая нарисованную Висой древнюю нахскую Систему. «Будем продвигаться не спеша дальше», – сказал Убайд. Анси тоже не хотелось делать поспешные выводы. Интуитивно он чувствовал возможность дальнейших открытий. Он пришел, на его взгляд, к правильному выводу о том, что целокупное знание древних с течением времени распалось на множество его составляющих и необходимо кропотливо собирать сегодняшние осколки некогда единого зеркала, в котором человек узрит себя целиком. Надо терпеливо ждать, искать, трудиться. Так они и решили. Ведь порой не только человек ищет истину, но и она его.

95. Орц

Всадник был в щеголеватом европейском костюме песочного цвета поверх белоснежной рубашки и шел, мягко улыбаясь, прямо на него, поигрывая в руках чем-то похожим на кнутовище, стэк или же дирижерскую палочку. Анси опешил от неожиданности. Они обнялись среди городской суеты. «Решил окунуться в цивилизацию», – пошутил всадник.

На набережной было безлюдно и тихо. Река текла медленная и густая, как нефть, и если бы не осенние листья, плывущие в зыбкой бурой воде, казалось, что она стоит. Вот так и жизнь, подумал Анси, кажется, стоит, а между тем движется без усталости. В далекой дымке белела гряда вершин. Анси рассказал о неожиданном развитии проекта, находках и загадках. Всадник слушал его внимательно и в то же время как-то отстраненно, задумчиво глядя на реку. Он долго молчал в ответ, затем, все так же не выходя из состояния глубокой задумчивости, начал свой рассказ: «То, что вы нашли, в древности называлось Орц. Это была двуединая школа самопостижения, где в равномерном сочетании материального и духовного открывались предельные возможности человека в глубоко осознанном служении Творцу и народу на пути из времени в вечность. На каменных скрижалях башен знаковым, космогоническим письмом были записаны заповеди и постулаты. Духовное и рыцарское искусство творило

личность. Все основывалось на законах Творения и Творца. Создателями этой уникальной цивилизации были мудрецы. Они исходили из принципа: «Не вмешиваться, а сохранять». Упадок начался со времени преобладания материального. По мере его возрастания появилась гордыня и первая трещина. Много сил уходило на противостояние внешнему миру, находившемуся в плену беззакония. Пала первая башня...» Всадник по-прежнему смотрел на реку, казавшуюся заснувшей или впадающей в долгий, мягкий сон. Через время он сказал: «Ушедшее не возвращается, оно лишь учит...» Анси понял то, что сказал друг. Надо было восстанавливать систему в меру сегодняшней целесообразности и необходимости. Пусть это будет десятая или сотая часть ушедшего, неважно, важно то, что это будет работать во благо народу. Не столь трудным, пожалуй, будет восстановить систему в ее необходимой части, сколько восполнить, воссоздать в полной мере исконные духовные традиции, и еще сложнее будет дать им новый импульс, современное звучание, думал Анси.

Они расстались среди суеты и полдня. Всадник вошел в кружащуюся толпу и, выйдя с другого конца, ушел солнечной стороной улицы. Анси толпа проглотила, и его долго не было видно. Затем перед ним возникла искалеченная войной улица. Обрубки деревьев, руины домов, пустые, одичавшие, заросшие бурьяном дворы, железные заборы и ворота, изрешеченные снарядами и пулями, мертвая тишина... Улица была бесконечной, длиной во весь город, до горизонта и дальше, во всю страну, во всю жизнь... Кроме тишины, безмолвия и разора, удивляло отсутствие где-либо человека, людей, голоса, жизни... Он был один... Там, впереди, или в вышине, где-то далеко и неясно зрел свет... Начался темный осенний дождь, пробирающийся до костей... Ноги скользили, увязали в грязи... Вдруг в одном из разбитых домов скользнула тень... Он с радостью бросился к ней... В доме, протекающем со всех сторон, сидел, уткнувшись в дисплей компьютера, обросший щетиной человек, не обращая на него ни малейшего внимания... Он поздоровался... Человек не ответил... На экране что-то вылаивал паяц с приземистым лицом и рогами во лбу... Человек в щетине внимательно, как загипнотизированный, слушал его... человечек исчез, экран замельтешил играми... Дождь обрушился со всей силой на разваливающийся дом и через минуту умерился... Он вышел и, подставив лицо дождю, долго стоял среди улицы... Дождь стекал с него ручьями, и ему теперь не было холодно... Что-то его согрело: то ли мысль, то ли какое-то знание, освободившее его от сует земного мира...

Он зашагал дальше... Он шел и шел... через весь город... через горизонты... годы... через всю украденную Родину...

96. Следы

Клочок земли среди вод потопа, на которую ступила легкая нога птицы, а затем стопа пророка – горсть, твердь, опора, спасение. Огромная семицветная радуга встает над океаном вестницей Завета и новой эры. Все затаилось под ее высоким стоянием. И люди, взошедшие из ковчега, стоят, засмотревшись на нее, пока она не истаяла. А затем кто-то запел, взывая к небу в мольбе и благодарении, и песню подхватило многоголосье. Вода отступает, открывая пространство жизни. Первое семя ложится в земное лоно и прорастает к свету лозой, злаком, деревом, садом. Первое жилище из хвороста, камня, глины. Первый лук, выстреливший в человека.

Во все стороны света расходится человек в поисках утраченного, искомого, незнаемого, до ойкумен и дальше, дальше горсти и самого себя, дальше земли и вод, дальше горизонтов, к небу, звездам, раю.

В каждом из мгновений, в коловращениях рождения и смерти, в стоне, крике, слове, в забвении и памяти – неутоленная жажда.

Роятся, сбегаясь и разбегаясь по земле, свет и тени, орды и легионы

сшибаются и распадаются, падают и встают солнца и луны. Падает и встает человек, рушатся и встают города, рушатся царства, империи, исчезают и нарождаются народы, языки, цивилизации.

От ДНК до галактик – все движется кругами спиралей.
 Все стремится к Богу, Абсолюту, Завершению.
 К Истине, Свету, Первоначалу.
 Застигнутые собой...
 Последним временем, движущимся второпях...
 Настигнутые зовом, зыком, словом...
 Светом...
 Мгновения или тысячелетия? Или все было сном?
 Сонмы представших перед Правдой в день Страшного Суда.
 Время льется через края.
 Горсть земли в океане цивилизаций.
 Вечно юный реликт.
 Золотой сон человечества.
 Просыпается в душе забытое небо.
 Просится детство оттуда, куда нет возврата.
 Разве измерить путь?
 Солнце восходит к весне, жизни, людям.
 Летит звезда к звезде неудержимо.
 Слушает чутко голос Вселенной.
 Внимает человек тишине и грому.
 Устремляется мыслью в космос.
 Живет малым, мечтает о большем.
 Вышедший из пучины, из эха, из песни пращуров.
 Сердце читает книгу жизни, сосчитывает время.
 Что остается? Тишина.
 Тихое, горькое слово.
 Все возвращается, чтобы снова начаться.
 Что там?
 Следы.
 Человека, птицы, звезды.
 Среди Вечности.

97. Разгром

Всадник и десять юношей ждали третью ночь. Третью ночь на дальних подступах страны шло активное передвижение Соловьево-разбойной орды, концентрируя железный кулак для удара и захвата горы. Для нейтрализации и блокирования населения намеревались использовать пластмассовые спецподразделения, как нельзя лучше, по кашеевой мысли, подходящие для этой цели. Все было готово, но не было приказа. Гадамож, сидя на одной из средиземноморских вилл, почему-то медлил. «Болван! Идиот! Ублюдок! – чертыхался про себя Соловей-разбойник. – Эдак дождешься разве что разброда и смуты!» На исходе третьей ночи взвыла сирена боевой тревоги. Змей Горыныч, согласно инструкции, двинулся впереди орды. План, составленный согласно новейшему военному искусству, предполагал применить тактику устрашения, выжженной земли и поголовного истребления населения во имя пополнения скудеющей мировой мощны. Соловей-разбойник, отдав последние распоряжения, ухватился за хвост уползающего Горыныча и, покрикивая, вскарабкался на загривок. Кашей, Полифем и Яга дружно маршировали в арьергарде неисчислимого войска, оглашая окрестности неистовыми криками: «Квась!..» Орда двигалась, растянувшись от горизонта до горизонта, неся с собой тьму и смерть. Ее зловонное дыхание истребляло все живое, оставляя

позади себя черное небо и горящую землю, на которой тотчас сооружались жб-катакомбы. Из огромного ползущего тела Горындыча отделялись и разбегались тысячи маленьких дракончиков, сея красно-черные пожары. Красный зверь, неуклюжей чудовищной машиной, войдя в раж, крушил, убивал, жег. На подступах к горе предстояла рекогносцировка. А затем орда должна была взять гору в клещи, а Змей Горыныч, взмыв над ней, сбросить специальную глубинную бомбу, которая расколола бы ее надвое.

Все шло по плану. Орда, развернувшись в длинную цепь, пошла полукругом в обхват горы, и Горыныч, выслушав последние наставления Соловья-разбойника, собирался взлететь. В это время над горой что-то чиркнуло, будто зажгли спичку, и через мгновение оттуда, увеличиваясь в размерах, снизошли одиннадцать молний. Земля задрожала от ударов и страшного рева Змея, забившегося в конвульсиях. Соловей-разбойник исчез в неизвестном направлении. Орда дрогнула и бросилась бежать. Кашей с Полифемом и Баба-Ягой, смешавшись в клубок, катились вслед за удирающим воинством. Вдруг, будто выпавший из смерча, впереди них показался в обгоревшей одежде и с безумными глазами Соловей-разбойник. «Гады! Гады! Гады! – орал он, потрясая кулачками. – Стой! Мать вашу!..» – но его крик тонул в топоте бегущих, и сам он вскоре исчез, смятый бегущей массой. Она бежала без оглядки, сминая замешкавшихся, а на горизонте ее догнали еще одиннадцать молний, ударившие в разных точках, после чего скорость бегущих возросла многократно. Сдохший Змей Горыныч лежал, скрючившись, с зажатой в когтях бомбой. Через минуту-другую она взорвалась, не оставив после себя и мокрого места, как не осталось его и от Соловья-разбойника, начисто втоптанного в землю. Орда бежала без оглядки до рассвета следующего дня, а на рассвете забылась, рухнув в тяжком сне в далеком поле.

Гадамож, получив известие о разгроме, хватая руками и ртом воздух, медленно опустился в шезлонг. В невидящих глазах застыло стекло. Врачи, констатировавшие инсульт, оперировали долго.

98. Имя жизни

Чем дальше уходило детство во времени, тем ближе оно подступало в ином качестве, необъяснимом, порой захватывающем все существо. Длинные паровозные крики, сплетаясь в песнь возвращения, окунали в далекие дни познания, чужбины, белой травы. Он будто просыпался в такие минуты и в который раз вспоминал дни детского неведения, дорогу, из которой почему-то всегда вспоминался тот самый желтый, словно желток, необыкновенно красивый плод на витрине одной из станций. Это несбывшееся желание навсегда оставило в его памяти воплощенный в совершенную форму загадочный образ красоты. С годами он становился ярче и зримее. Он жил в нем, похожий на восходы, тишину, безмолвие.

А потом... потом первый шаг по родной земле. Они сходили с нескончаемых эшелонов и шли, пока свет, обнимая, не воскрешал их из забвения. Сладкая пыль вместе со светом пропитывала и согревала плоть и кровь. Как вкусны были незрелые плоды из одичавших садов и вода из хрустальных родников! Свет жил, смеясь, в людях, обретших утраченную Родину. Свет наполнил, полился, лился через края. Свет всегда, неразлучно был с радостными, счастливыми людьми. Вечерний свет очага во дворе, под светом звезд, тонкий запах хлеба, светлые материнские руки, вынимающие из огня белые хлеба. Первозданный утренний свет, солнце входит во двор, мать встречает его: «Да будет шествие твое счастливым!» Свет сеет чистые семена, возвращает обильные урожаи, насыщает.

...Капля, ниточка света, пробившаяся сквозь глухие, ржавые окна затхлой темницы. Опьянительный, ликующий свет свободы, дарящий небо и землю, и все горизонты, пульсирующие светом. Он идет, озаренный весенним светом среди голосащего города, окраинами, лесом. Свет зреет на глазах, превращаясь в

пахучие почки, листья, цветения. Певчая птица вызванивает по утрам весенние гимны. Тихая речка шелестит мимо тропы. Как много дорог в этом загадочном мире. Однажды он уходит из прошлого.

Свет настагает внезапно среди осени, явившись среди вавилонских столпотворений, страстей, иллюзий, обманов. Свет лился смолой в видении, звал к свету, красоте. И снова открылись дороги.

На каждом листе свет горел, искрился, плясал. Море кишит светом, льется алмазный дождь, высверкивают из темно-синих глубин дневные звезды. Дерево света вырастает в нем в послеполуденной дреме, медленно распускается по телу. Светлячки золотыми нитями вяжут сумерки, ночь, весну. Маленькое, с пылинку насекомое танцует на белом, прогретом камне. Пряный свет садов пропитал души, воздух. Белокрылые горы парят в розовом свете над изумрудной рошей и лазурным морем. Каждый жив светом.

Погасли в одночасье тысячелетние очаги Родины. Дорога в небытие легла в сердца затмениями. Не из света ли тех очагов был свет возвращения? Не из пепла ли встали? И снова затмения и гаснущие сердца. И вечное, терпкое воспоминание: свет небесный, осыпающийся цветом сад, белая дорога, высокие башни, чистая река. Который раз возносишься в горный мир, узнавая видения и сны. Который раз ищешь и не можешь найти в мире дольном. Имя жизни – неведение.

99. Музыка

Анси пришел к горе, как всегда, на рассвете. Последняя звезда мерцала над ней, нисходя с утреннего неба. «Мир и свобода тебе!» – сказал он горе, видя ее всю и любуясь ею. «Мир и свобода и тебе!» – ответила гора. И уходящая звезда сказала: «Мир и свобода вам!» Он прилег у изножья горы, вспоминая долгие годы разлук, и так долго лежал, слушая утро. Река шелестела на той стороне круга, вершины окрасились в золото, медленно стекающее вниз, вдалеке отголосили петухи. Белые камни, кизиловая роща и бессмертная трава были из детства, из Родины, памяти... И в синей вышине стояла вечность...

Где-то совсем рядом послышался протяжный, густой звук и ушел убывающей, длинной волной и снова возник и стал нарастать, будто зазвучал орган. Затем звуки потекли со всех сторон, сливаясь в торжественную музыку, и теперь Анси стал понимать, что это звучит гора. Потоки звуков шли вверх и нисходили вниз, звуча все сильнее и сильнее, пронзая с головы до пят волшебной музыкой. Рядом запела другая гора. За ней – третья и все остальные, стоящие плечом к плечу, в ровном кругу. Пело солнце, встающее из-за горы, пело небо, весь мир вибрировал в преобразующей музыке. Возрастая все громче и выше, музыка подняла его над землей и вознесла к синей вечности, откуда он видел объятые светотенью горы, нити рек и дорог, израненную Родину... и... себя... Он видел единый, текущий круг, смену безостановочных событий в нем и следом видел новые круги, расходящиеся во все стороны, нарастая, до самых крайних пределов. Вместе с этими кругами ушла, канула музыка...

На земле было тихо, и только набежавший ветер пролепетал по листьям. Анси держал в руках белый камень в форме чаши, неизвестно как очутившийся у него. На дне чаши виднелись какие-то еле различимые царапины. Присмотревшись, он увидел все тот же знак вечности из фолианта и из петроглифов на башнях. Разглядывая его, он осознавал себя в новом качестве, и шелест реки издали снова пробивался к нему. Длинные тени бежали впереди нарастающего света, как тогда... в детстве...

Гора сбросила темный покров и, одевшись в свет, стала еще выше. На покато верху поляны показались овцы, и спустя некоторое время послышался прерывистый свист. Рыжий мальчишка выбежал из-за тутовника и, завернув свою отару, стал посматривать издали на Анси. Он поманил его рукой. Мальчонка смело подошел и, поздоровавшись, стал напротив и сказал: «Ваши,

а я умею на руках ходить», – и, не дожидаясь просьбы, стал на руки и пошел и, обернувшись, все так же на руках вернулся на исходную и ловко спрыгнул на ноги. Лицо его сияло от счастья. «Молодец, из тебя вырастет настоящий мужчина!» – сказал Анси. «А еще я умею летать по ночам, – рассказывал его новый друг, присаживаясь рядом, – высоко, высоко, и ничуть не страшно». Свет шел к ним и скоро, обдав горячей волной, согрел в утренней прохладе. С той стороны поляны послышались тонкие девичьи крики: «Ва-аа-ааа! Сату!» Мальчишка встрепенулся: «Пойду, алычу надо трусить», – сказал он и, широко улыбнувшись, пошел к сестрам.

Мальчик шел, играясь, подпрыгивая то на левой, то на правой ноге, так, как делал когда-то и он, бегая по этой поляне. Анси долго (целую жизнь) смотрел вслед уходящему, пока мальчонка не скрылся по ту сторону. Обернувшись к горе, он увидел взлетающую от нее серебристую голубиную стаю.

100. Горсть света

Еле заметный, бледный росток света шевелился на белой стене. Пройдя миллионы пространств, свет, преломляясь, воплотился в былинку, колосок, человека. Спираль плескалась, елозила по стене маленьким живчиком, перекликаясь со Вселенной, донеся весть и передавая весть с земли. Который раз наблюдая за ростком света, человек предавался неторопливым размышлениям. В такие минуты он забывал обо всем и мог часами смотреть на эту заурядную картину, вселявшую в него чувство кротости и смирения. Часами в нем пульсировала, отзываясь, чуткая тишина. Затем наступала долгая пауза, в которой оставался только играющий на стене венец красоты. Эти посевы всходили в каждом живом, земном существе, плодонося теплом и светом, перекликаясь, сплетаясь в единый космический венок.

Колеблющаяся горсточка света хранила в себе таинственную, неисчерпаемую силу. Ее нельзя было ни пленить, ни заточить, ни уничтожить. В ней жило безмерное, непостижимое, великое. Человек прозревал в умиротворяющем созерцании красоты, всходил к собственной сущности, удивлялся. И свет созерцал созерцающего его, и в обоюдном молчании познавалась истина, лежащая между стремлением к всепоглощающему действию и абсолютному неделанию. Амплитуда Вселенной подсказывала деяния, поступь и речь, сообразную ходу солнца, росту травы, течению света. Из пристального внимания к миру открывались человеку законы мироздания. И этот крохотный свет, пришедши в его жилище, рассказывал об этом же.

Наедине с собой, вновь и вновь пытаюсь постигнуть, познать свою сущность и в суеде исполинской безмерности мира и жизни, забывая и забываясь, помня и вспоминая, теряя и обретая, человек вычерчивал в своем неизведанном пути круги спиралей. Пространство жизни выстраивало таинственные коллизии в обретении должного, конечного. Это шествие во Вселенной, среди звезд и людей вело, звало к Богу.

Начало и конец, единица и множество, мироздания и пылинки пребывали в Нем. Однажды сотворенный – для мира и свободы, для света и тьмы, для слов и молчаний, с отроческим сердцем и вечной душой, однажды возвращается человек, утративши все к Сущему.

В объятиях вечности свет неземной узрит познавший земной и себя. Миллионами дорог идут миллионы. В каждом мгновении бьется, стучится набат.

...Вечером пришли звезды. Их было много. Так много, что и не сосчитать. Звездный узор выткал ночное небо, расходясь от Полярной звезды до самых крайних горизонтов. Человек слушал себя, землю, звезды.

Горсть света жила в нем в ожидании вести.

Конец второй книги.

Руслан Магомаев**Из юности**

Живу без бед,
Мне двадцать лет,
Чего-то стою.
Слегка богат,
Слегка женат
И все такое...

На мир смотрю,
Как на сюрприз,
Как на игрушку,
Среди друзей
В большой пирушке.

Не веет холод
Из окон,
Сплошное лето.
Но как предрек
Царь Соломон:
«Пройдет и это».

Затмение

Я не пойму,
Что за игра?
Жизнь
Листвой осыпается.
Вроде, давно
Проснуться пора,
Только
Не просыпается.

Темень кругом,
Не видно ни зги.
Искорки нет,
Свечения...
Даже не надо
Включать мозги,
А просто
Плыть по течению.

***

Я, вроде, знал
Все наперед...
И в этом
Далеко не первый,
Что вдруг
Удача не попрет
И что сдадут
Когда-то нервы,

Что станет
Холодна жена,
Что лучший друг
Меня забудет,
Что не оставлю
Ни рожна...
А я ведь знал,
Что так и будет.

Самооценка

Увы!
Недолг человеческий век...
И жизнь – это война
С самим собою,
Наполнена она
Святой борьбою
За звание –
Хороший человек.

И вечно бьешься
Из последних жил,
И вечно
Разрываешься на части.
И только, вроде,
Замаячит счастье,
Другие скажут:
«Жаль, что не дожил...»

Средь множества
Течений и идей
Я был судьбою
Лишь с одной обвенчан.
И пусть мой путь
Цветами не увенчан,
Но был я все ж
Не худшим из людей.

***

Пусть опустились
 Мои ветви-плечи,
 Стою стоймя.
 Попробуй только, дерни!
 Я доживу свой век
 Сверхчеловечий,
 Листва опала,
 Но остались корни.

На излете

Сестре Луизе

Жизнь пронеслась не так,
 Как мы хотели.
 Она нам
 В испытание дана.
 Но пули, к счастью,
 Мимо просвистели
 И мимо пролетели
 Ордена.

О чем жалеть?
 О том, что в этой каше,
 Лишь чудом
 Уцелела голова?
 Хвала Творцу,
 Что души целы наши,
 А остальное все
 Слова, слова, слова...

Незнакомке

На неведомой тропе,
 В незапамятные веки,
 Следуя своей судьбе,
 Встретились два человека.

Несколько случайных фраз,
 Несколько смущенных взглядов.
 И мечта: «Еще б хоть раз,
 Только б вместе, только б рядом».

Было все у visavi:
 Красоты и шарма помесь,
 И о будущей любви
 Написать хотелось повесть.

Но в итоге повесть та
 Не сбылась, не состоялась.
 Встреча так была чиста,
 Что единственной осталась.

Жизнь, как видно, создала
 Эту встречу как мгновенье.
 Повторенья не ждала,
 Не хотела повторенья.

***

В который раз
 Не прибыл под раздачу,
 Меня опять
 Толкают и теснят.
 И в ожиданьи
 Госпожи Удачи
 Я ждать устал –
 Мне скоро шестьдесят.

Братьям и сестрам

Как бы ни жил
 И где бы,
 С Богом
 На очной ставке
 Кто-то пойдет
 На небо,
 Кто-то
 На переплавку.

Братья мои
 И сестры!
 В потустороннем
 Свете
 Что-то и мне
 Зачтется,
 В чем-то и вы
 В ответе.

Все нас ведет
 К закату:
 Праведность
 Или грешность –
 И настает
 Расплата –
 Наша судьба –
 Нездешность.

Вроде бы,
 И не жили,
 А выживать
 Старались.

Малика Ежиева

Родилась 5 июня 1968 г. В 1994 году окончила ЧИГУ по специальности «Историк, учитель истории и обществоведения». В 1996 году окончила Международный институт управления, бизнеса и права по специальности «Юрист-менеджер» с получением степени бакалавра экономики. С 1 июня 2004 года работала в Управлении Президента ЧР по обеспечению конституционных прав граждан РФ, проживающих на территории ЧР, с 1 января 2007 года в связи с ликвидацией данного управления перешла в аппарат Уполномоченного по правам человека в ЧР.

Реквием кошкам Грозного

Свидетельства очевидца

Осенью 1999 года, когда уже бомбили Грозный, наша семья, наконец-то собрав вещи, стала грузиться в машину. Все необходимое взято, мы уже сидим в машине, и тут отец говорит: «Я остаюсь. Во-первых, нужно кормить скот. Бросать его я не собираюсь. Во-вторых, я устал начинать жить с нуля».

Действительно, когда мы вернулись домой в 1995-ом, после первой военной кампании, все имущество было разворовано, и приходилось покупать даже кухонную утварь. Да, наверное, он помнил еще и 1957 год, когда, вернувшись из Казахстана, пришлось начинать жизнь заново.

Мы, конечно же, не могли его оставить одного и молча разгрузили машину. Так и остались в окруженном городе, с детьми и стариками. Что пришлось пережить нам, наверное, знают и многие грозненцы, остававшиеся тогда дома. Таких было немало, об этом свидетельствовали и надписи на воротах в частных секторах Грозного: «Здесь живут люди». Врезалась в память надпись на заборе в Заводском районе: «Здесь живут ... если только это жизнь»!

Мы жили на окраине города. До войны у нас было большое хозяйство: куры, коровы и бычки, свой сад и огород. И было заведено в нашей семье к зиме запастись продуктами впрок. Поэтому мы не только сами не голодали, но и помогали людям, приходящим к нам в это тяжелое время. В последних числах января, в месяц Рамадан, отец зарезал корову и позвал трех стариков с нашего поселка, чтобы они разделили мясо между жителями, а так как поселок наш многонациональный, папа позвал армянина дядю Андрея, чеченца Зайнди и русского дядь Сашу. Возле развалин магазина поставили стол, принесли весы. По утрам обстрелов не было, но люди выходили из подвалов домов с опаской. Однако в тот день жизнь в поселке закипела, люди становились в очередь, спорили – все как в мирное время. Сначала раздавали мясо по три килограмма, но люди прибывали, и пришлось снизить норму до полутора, чтобы хватило на всех. Помню, как одна женщина приковыляла полубосой – обожженная нога ее была похожа на огромный волдырь.

Иногда отец резал скот не потому, что мясо закончилось, а из-за того, что животные получали ранения, и мы ничем им не могли помочь. К концу войны от одиннадцати голов скота у нас осталась одна корова. Живность страдала от

войны так же, как люди. Однажды после обстрела я пошла в сад (там у нас были и коровник с курятником), чтобы посмотреть наших питомцев. В своем домике сидела наша собака Белка. Она неестественно сильно тряслась, как будто мерзла. Увидев меня, она жалобно заскулила и протянула мне лапу, с которой капала кровь. Она просила помощи. После этого случая мы ее отпустили с цепи.

Но если мы, люди, понимали, что происходит, то бедные домашние животные, брошенные своими хозяевами, метались по городу в поисках своих хозяев и пропитания. Или же искали себе пристанище. Таким образом, в нашем дворе собралось восемнадцать кошечек, у ворот кормилось три собаки. Мы, как могли, их кормили, каждая кошечка получила новое прозвище. Вот об этих проказницах я и хочу рассказать.

Меня удивляла их организованность. Я накладывала им еду в две большие эмалированные тарелки, кошки делились на две группы и, окружив тарелки, дружно кушали. Спать они ложились на деревянную крышку подвального люка. Дело в том, что каждый вечер начинался обстрел нашего района, и мы всей семьей спускались в подвал, а так как все делалось наспех, то специального места для вывода трубы печки-буржуйки не было, и отец вырезал его в этом люке. Кошки просто не могли найти места теплее и спали, переплетясь, на этом люке. Жаль, что тогда не было возможности заснять эту кошачью гору на фотопленку. Представьте себе меховой бугор высотой с полметра, состоящий из пушистых хвостов и усатых мордочек. «Это же надо было им так умудриться!» – думала я тогда. Как они себя сплетали каждый вечер я, к сожалению, не видела и оставалось представлять, как они выбирают себе места получше, чтобы не в самом низу и не наверху. Характер у каждого четвероногого был свой, и клички мы придумывали соответствующие. Например, я заметила, что кошачья братия уступает во всем бурому полосатому коту с застывшей ухмылкой на мордочке, это явно был дворовый кот, не имевший определенного хозяина и в лучшие времена. Он получил самое длинное имя – Наглая Мордочка. И был еще один кот такой же масти, с такими же изумрудными глазами, но с доброй, ухоженной мордочкой и с аристократическими привычками. Его мы называли Слоник. Слоник нам достался от соседей, которые уехали в начале войны в Казахстан. Хозяева кормили своего любимца голландским сыром, копчеными колбасами и сгущенным молоком. Оставшись без них, Слоник спокойно перешел на обычное питание, но оставался степенным котом. Однажды я раздала нашим иждивенцам по куску мяса, все быстро начали его кушать, а Слоник сначала его обнюхал, затем очень медленно, как и положено аристократу, начал есть. Наглая Мордочка тем временем, проглотив по-быстрому свою долю, кинулся к Слонику. Тот, увидев это, обеими лапками прикрыл свой кусочек мяса. Наглая Мордочка, недолго думая, укусил Слоника за пальчик лапки. Слоник, взвизгнув, поднял лапку. Наглая Мордочка мгновенно схватил добычу и убежал. И такое частенько повторялось. Слоник так и не смог научиться быстро кушать. Будь он человеком, я бы ему напояла поговорку: «В большой семье ложкой не зевают». Но он был котом, и мне приходилось заводить его в дом и кормить отдельно.

Несмотря на то, что я их кормила, наши любимцы иногда нас же и грабили. Однажды я натопила говяжьего жира и поставила большую кастрюлю в кухонный шкаф, стоявший во дворе. Под навесом у нас была летняя кухня. Так вот, когда ставила в шкаф кастрюлю, рядом околачивался Наглая Мордочка. Я, заподозрив неладное, плотно закрыла двери и перед дверцами шкафа поставила тяжелый ящик с инструментами. Утром, сдвинув люк подвала, поднялась наверх. Кошки спали, как обычно. Пошла под навес, плитка на полу оказалась в жирных кошачьих

следах. Посмотрела на шкаф – ящик с инструментами отодвинут, дверца открыта. Заглядываю в шкаф – крышка с кастрюли снята, а в кастрюле ни капли жира, только следы этих четвероногих проказников.

Была у нас кошка по прозвищу Сюля¹, назвали мы ее так не за характер, а потому, что она досталась нам от уехавших соседей-дагестанцев. Она была очень тихая и хитрая, всегда умудрялась заскочить в дом, когда я готовила кушать. Обстрелы поселка начинались обычно часам к четырем, а до этого времени я готовила в доме и спускала еду в подвал, так как была ураза и кушали только ночью. Так вот, как-то раз я собралась приготовить хингалш², отварила тыквы, порезала на квадратики, разложила на большие разносы и поставила их остыть на верхнюю полку кухонного шкафа – чтобы никто не трогал. Где-то через час, решив, что тыква остыла и можно начать готовить, протянула руки и аккуратно, держа разнос ровно, чтобы не уронить тыкву, стала снимать первый со шкафа. Он оказался почему-то тяжелым. Ставлю его на стол, и что я вижу – вся тыква объедена, а посреди разноса лежит кошка Сюля со вздувшимся от обжорства животом. Она, видимо от жадности, так наелась, что не могла даже встать на лапы. Беру второй разнос – там тоже поработала эта «красотка». Вся наша семья собралась, чтобы посмотреть на это зрелище, в доме стоял хохот, а коты во дворе вечером доедали Сюлины объедки.

Наглая Мордочка иногда тоже пробирался на кухню, это всегда оканчивалось каким-нибудь событием. Он нагло таскал еду, мог это сделать в мгновение ока прямо на твоих глазах и со стола. Однажды он умудрился сдернуть кусочек жареного мяса прямо с вилки, когда мама подносила ее ко рту. Было и такое, что я выношу его из кухни, держа за шкурку и передние лапки, а он успевает задней лапой стащить кусок мяса. Обнаружила это я, только отпустив его на улице. Что ни говори, а свое прозвище он оправдывал.

Был у нас кот Рыжик, тоже соседский, наш любимчик. У него что-то было с носом, он громко дышал. Иногда этим своим дыханием он нас пугал. Представьте себе, выходишь ночью из подвала, в затишье между бомбежками, а за спиной какое-то громкое дыхание, как будто за тобой крадется человек.

По ночам, в моменты сильнейшего обстрела, мы не спали в подвале, а читали аяты из Корана. Все, начиная с пятилетней Мадины. Каждый раз, когда слышался взрыв, нам казалось, что наш дом разрушен. Стены подвала тряслись, стоял сильный гул, и как только все это затихало, мы выходили, чтобы обойти дом и посмотреть, что от него осталось. Папа был уверен, что в наш двор ничего не попадет, и он оказался прав. В наш дом и двор, кроме осколков, ничего не попадало, за исключением одного случая. В то утро, обходя дом, увидела хвост снаряда, торчащий из асфальта. Я побежала сразу к отцу: «Папа, там снаряд к нам прилетел, а ты говорил, что ничего не попадет». – «Но не взорвался же», – ответил он и пошел проверять. Хорошо, что я его догнала, а то он решил вынуть снаряд. Еле-еле уговорила не трогать. Снаряд остался нетронутым до лета, лишь тогда мы смогли вызвать саперов.

Как я писала выше, кошки ели из больших эмалированных чашек группами по девять штук. Эти две «бригады» не смешивались, и каждый кот всегда ел только со «своими». Однажды к нам пришла новая кошечка, вся белая с желтым пятном на спине, за что сразу получила кличку Пятнышко. Так вот, бедная наша Пятнышко пришла во время кошачьего обеда, ни одна из групп не подпускала ее к себе. Напрасно она пыталась протиснуться между своими братьями, ничего не получалось. Тогда она умудрилась каким-то образом просунуть между ними лапу, зацепила край тарелки и резко выдернула ее! Отбегая на трех лапах, тянула за собой

чашку, еда расплескивалась по снегу. Ну, думаю, сейчас ей от других достанется, но, странное дело, коты за ней не побежали, а, будто так и надо, становились в ряд и ели разлившуюся еду со снега. Пятнышку же осталось облизать пустую чашку – вся еда осталась на снегу. Пришла она к нам последней, где-то уже в конце февраля, больная, со слезящимися глазами. Стали мы ее кормить отдельно, но она все равно ушла, как я поняла позже – умирать. С ее приходом среди кошек началась какая-то эпидемия, они начали болеть. Постепенно они уходили, и потом мы находили их бездыханные тельца. Наглая Мордочка не ушел, прямо во дворе у нас у него начались предсмертные судороги, мы ничем не могли ему помочь, кошки не подходили, наблюдали со стороны. Я положила рядом с ним кусок мяса, которое он очень любил, но бедняга не мог уже есть, он так и умер, придвинув к себе этот кусочек.

Уходил от нас и Рыжик. Мы думали, что тоже – умирать, но через недельку отсутствия он вернулся здоровым, мы еще шутили, что он нашел кошачий госпиталь и там лечился. К концу военных действий в городе у нас остались только Рыжик и Слоник, остальные кошки умерли.

Закончилась война, вернулись наши соседи, Рыжик и Слоник ушли к своим хозяевам, но еще долго прибежали к нам в дом, показывая, что и здесь они свои.

Прошло с тех пор более десяти лет, а я до сих пор с болью вспоминаю те тяжелые времена, но когда вспоминаю проказы наших четвероногих, улыбаюсь и понимаю, как они тогда нас успокаивали и отвлекали от войны своим присутствием. Мы спасали их от голода, они нас – от мрачных мыслей.

Первая любовь

Рассказ-быль

Поезд «Грозный-Москва», в купе – три женщины и мужчина. Женщины быстро нашли общий язык, делились, по каким делам едут в Москву. Затем стали обсуждать статью в журнале. Говорилось в ней о любви школьников. Возник спор, одна из женщин утверждала, что ни к чему хорошему первая любовь не приведет, что детские чувства проходят. Другая привела пример – у нее соседи десять лет просидели за одной партией, а после школы поженились и живут прекрасно. Первая заявила, что если это и правда, то это лишь исключение, и другого такого случая не будет. Тут в разговор вмешался мужчина и начал свой рассказ.

– По соседству от нас жили очень хорошие люди, у них была дочь, моя ровесница, с которой мы играли на улице. Вместе мы пошли в первый класс, сидели за одной партией, вместе ходили в школу и домой. Были очень дружны, даже уроки делали вместе. В классе пятом я решил, что женюсь на ней, – естественно, о своих мыслях я никому не говорил. Чтобы не компрометировать ее, я перестал делать с ней уроки и, вообще, перестал с ней говорить. Никому из мальчишек я не позволял к ней даже подойти. Она, наверное, догадывалась и тоже молчала. Мы также шли вместе из школы, но уже не рядом, а на расстоянии. Так прошли школьные годы. После школы меня призвали в армию. Я помню, как она суетилась с моими сестрами в нашем доме, когда готовились проводы. Иногда, проходя мимо, бросала кроткий взгляд в мою сторону. Мне хотелось с ней поговорить, но я не знал, с чего начать этот разговор. Так и прошел этот вечер, наутро я уже был в дороге.

Прошло полгода моей службы, сестры мне часто писали и однажды в письме сообщили о том, что наша соседка выходит замуж за парня с нашего села. Меня как будто кипятком облили, было очень плохо, я пытался успокоить себя тем, что

знаю этого парня, что он настоящий мужчина, из хорошей семьи и в обиду ее не даст, и что она с ним будет счастлива. Легче мне от этого не становилось, но я решил смириться и винить мог только себя.

К концу моего срока службы я получил письмо, что у нашей соседки, через несколько дней после рождения дочери, в аварии погиб муж. Известие всколыхнуло все мои воспоминания, я опять начал думать о ней... Думал, вот вернусь из армии, подожду немного и пойду к ней свататься.

Вернувшись домой, я поступил заочно в институт, устроился на работу. Дома начали меня спрашивать, почему я не женюсь, я молчал в ответ. Прошло, наверное, лет пять, родители стали меня торопить: или, говорят, сам женишься, или мы тебя женим. Я только тогда впервые сказал своим родным, что хочу жениться на нашей соседке. И, несмотря на то, что она была вдовой с ребенком на руках, близкие меня поддержали, они уже давно хотели видеть ее снохой. Все ее любили и уважали с детства. Подталкиваемый сестрами я, наконец, решил заговорить с нашей соседкой, моя сестра вызвала ее на улицу, и я к ним подошел. Сестра ушла, оставив нас одних. Я начал говорить о своих чувствах и сделал ей предложение. Немного помолчав, она сказала:

– Я ждала этих слов от тебя еще в школе, потом в вечер твоих проводов в армию. Я ждала хотя бы слова от тебя, специально проходила мимо... Но ты молчал... если бы тогда ты сказал хотя бы одно слово, я бы ждала тебя... А сейчас мне надо дочь растить, и замуж я не выйду.

Я не знал, что и сказать, она была права во всем. Я стоял и смотрел ей вслед...

Домашние, узнав ее ответ, решили, что сдаваться не надо. Долго еще к ней ходили с уговорами мои сестры, она не соглашалась. Прошло еще два года, я случайно столкнулся с ней на дороге, и у нас состоялся долгий разговор. Я сказал, что буду любить ее дочь сильнее родной, что вместе мы будем счастливы. Она обещала подумать. За ответом я послал через несколько дней сестру. Вся семья переживала и вместе со мной ждала ответа.

Сестры долго не было. Я весь изнервничался, пока ее ждал. Она пришла. Ответ был на ее лице...

Я в этот момент понял, что могу летать, потому что я, действительно, парил. Нет, не тело мое, а душа как будто вылетела из него и парила от счастья.

Прошло больше двадцати лет, мы счастливы, у нас пятеро детей. Старшая дочь замужем, живет на Севере. Она наша любимица и считает меня своим отцом. Как-то она даже сказала: «Я бы так хотела, чтобы ты был моим родным отцом».

Невыдуманная история о первой любви, непростая, но с таким трогательным концом, захватила всех.

Женщины в купе слушали этот рассказ зачарованно. И каждая, наверное, думала о том, что первая любовь все-таки есть, и как же счастливы те, кто ее повстречал.

---

¹ Сюлий (чеч.) – дагестанцы.

² Хингалш (чеч.) – тонкие лепешки с тыквой.

Маргарита Романова-Александрова

Родилась в городе Омске. Пишет стихи. Публиковалась в областных газетах в 1980-х, в журнале «Мансарда» (Царское Село) в 1990-х и др.

Встреча с Ахматовой

Анна, встретились мы снова...
(во сне Души на «Вы»
не разговаривают)

Л. Р. - А.

Страниц знакомых веер пышный,
Настольной лампы мягкий свет.
Забывтый на столе берет,
И в тонкой рамке Сам Всевышний.

Так здравствуй, Анна!
Мысль – основа,
Беседа ждет в который раз.
Ночной покой укутал нас,
Никто чужой не вставит слова.

Как видишь, я уже не та,
Немного будто повзрослела.
Меня увидеть ты хотела,
Да все мешала суета...

Что скажешь, Анна? Нынче разное
Нам о Поэзии кричат.
Все с хрипотцой и невпопад,
Как ни смотри, однообразно.

Ты говоришь, таков наш век?!
Литературные решетки ...
Их одолел твой сборник «Четки»
И «Белой стаи» белый снег.

А «Вечер» помнишь? Бисер строчек,
Твой темный взгляд красивых глаз.
Не знал затейливых прикрас
Чернявой Анны быстрый почерк.

Ты только слушаешь меня,
Молчанье прерывая редко.
Внезапно слово вставишь метко,
Улыбка в отблесках огня.

Огня души, огня таланта,
Несущих образ сквозь года.
Твоя стихия молода,
Непревзойденная «Константа».

Скажи мне, Анна! Что ты видишь,
Мне глядя пристально в лицо?..
На небе лунное кольцо,
Коль не ответишь, не обидишь.

Твое молчание понятно,
В нем смысла больше, чем в словах.
Кричит ночной незримый птах,
И тень в углу бурчит невнятно.

Ты говоришь, прошло вчера,
Что для меня настало время.
И неудач бывшее бремя
Должна отбросить... Да, пора!

Спасибо, добрый, строгий друг,
За теплоту и за участие.
За поэтическое счастье
Благословеньем твоих рук.

Такой живой, до боли зримой,
И кто бы что ни говорил.
Средь человеческих Светил
Слыви и впредь неповторимой!

Смотри, звезда с небес скатилась,
Четвертый час сейчас пробьет.
Ночь завершает свой полет,
Дверь в утро тихо приоткрылась.

Давай прощаться!?! Все проходит,
Как день и ночь, как жизнь и смерть.
Строфа пронзит земную твердь,
Когда от сердца свет исходит.

Вернешься, Анна? Буду рада,
За все тебя благодарю.
Хоть в том, неведомом краю,
Надеюсь, есть тебе награда.

Страниц знакомых веер пышный,
Настольной лампы лишний свет.
Лежащий на столе берет,
Знакомый вздох, почти неслышный...

Да прядь волос, черней судьбы,
Что скромно притулилась сбоку.
Как дань причудливому року,
Как смысл оправданной борьбы.

Спасибо, Анна!

Ненужные слова

Ненужные стихи, простой листок,
Забытый в книге много лет назад.
Открыла эту книгу наугад,
Немым укором стали десять строк.

Ненужные признания, увы,
Остались без внимания, тепла.
В них словно чьей-то жизни зеркала,
Смысл скромной
и пропущенной главы.

Ненужные слова, о чем жалеть?
Их участь безвозвратно решена.
Так с прошлого исчезнет пелена,
Забытое несложно одолеть.

Монахиня

Цвет земли, он к лицу твоему,
Как лазурь – голубому пространству.

Глаз твоих неподдельная грусть.
Дух любви и смиренная скорбь.

Безысходная пламенность грез,
Всепрощающий лик поднебесный.

Под лампы живой огонек
Протечет незаметная жизнь.

Ты для Бога, видать, родилась.
Для служенья небесному свету.

И тяжелой одежды покров
Скрыл тебя от мирских чьих-то глаз.

Труд души и натруженность рук,
И изгнание беса из плоти.

За священную тайну судьбы
Ты себя наказала сполна.

Для монахини бременем мир,
Пусть давно нет желаний, волнений.

Но святая не помнит о том,
Дух ее над землею парит.

Что за странность манит,
наважденье?!
Оглянись и позволь обратиться.

Ты в молитве безгрешной, невинной
Не забудь про меня, не забудь.

Мне бы каменное сердце

Чтоб людская злоба не пророчила...
Только бы оно не кровоточило.
Раненое сердце и уставшее,
Радость и покой давно не знавшее.

Мне бы каменное сердце, неизменное,
Без волнений и тревог, обыкновенное.
Равнодушным холодом обвитое,
Драгоценным отблеском покрытое...

Каменное сердце не болит, не плачет,
Для него у жизни кровь течет иначе.
Каменное сердце доброты не знает,
Ни о чем не стонет, не страдает.

Снег

Он пытался укутать ее дотемна
Бархатистым и нежным
небесным покровом.
Он спешил ей сказать, что она не одна,
То, что скоро земля
всем покажется в новом!

Снег летел и летел, отдавая себя
Запоздалой мечте,
не надеясь вернуться.
Он желал ей помочь,
пусть себя же губя,
Не боясь на Земле
в Небесах обмануться.

Так к вечерней звезде снег укрыл,
как успел,
Ту, к которой несла непонятная сила.
Он окончил свой путь,
он был молод и смел,
И земля благодарно его приютила.

*Драматурги***Тамасханова Лейла****Мюсли**

(3 декъахь, 7 суртахь пьеса)

Дакъалоцуруш:

Куси – х1усамда, 70 шо.
Тази – цуьнан х1усамнана, 60 шо.
Саьлбика – церан йо1, 32 шо.
Къедар – церан к1ант, 30 шо.
Мади – Кусин нана, 90 шо.
Фируза – Кусин йиша, 60 шо.
Мурад – Кусин ваша, 68 шо.
Бали – Кусаг1ара мехах болх бан ялийна белхахо, 50 шо.
Мухтар – церан лулахо.
Х1ажар – Мухтаран х1усамнана, 65 шо.
Солса – церан к1ант, 35 шо.

*Наг-наггахь гучудолу Гали ц1е йолу Кусиг1еран ж1аьла.**Хуьлуш долу меттигаиш: Казахстан, Кавказ.***Хьалхара дакъа****Хьалхара сурт**

(Кхузаманан лехамашца йог1уш кечийна ц1енойн цхьа чов ю, дехий-сехий хаза нисийна ийбар а йолуш. Дуьхьаларчу пенаца, юккьехь болчу кхерчана уллохь кресло ду. Цу т1ехь хиьна Казахстанан мехкан газете хьобжуш Куси ву. Кхерчан гонаха т1арг1а къажбеш мехкарий бу: Мади, Тази, Фируза. Дехьо пианино т1ехь г1алг1айн шира йиш локхуш Саьлбика ю. Морзахца кхерчара ц1е тоеш а, ара-чу юьйлуш а лелаиш Бали ю).

МАДИ. Ч1ог1а хаза мехкарий бу ма боху вайн лобрийн институтехь доьшуш!

КУСИ. Х1ан... Бу боху ахь? Х1ара дуьне дуьззина ма беца хаза мехкарий-м.

МАДИ. Дуьне ма дац ас хьобга дуьйцург. Дера боху дукха хаза мехкарий бу. Ткъа цхьаь-м Иаламат...

ТАЗИ. Зала-некхийх ерг юьйций ахь, Нана? Ч1ог1а дукха нехан бага яхана, озда йо1 ю боху иза.

КУСИ. Зала-некхийн? Дала ларвойла со, и дисинера вайн коча данза! Айхьа х1ун дуьйцу хаьий хьуна?

МАДИ. Ой, С... Р... Мила яра иза-а? Х1ан, Алдамова...

КУСИ. Кху керта ког-м боккхур бац, сан нус а йолуш-м...

ФИРУЗА. Вай иштта Iашшехь, Къедаран хан-м д1айобдуш ю. Х1усам а самукъане яц чохь бераш ца хилча.

МАДИ. Цуьнан дега хаьттича, х1окху чу яло мегар йолуш йо1 яц-кха кху

лаьттан букъ тӀехь. Кху Казахстанехь-м муххале. Вай санна кхечарех ца бешаш нах хир бац-кха. Тамашийна хӀума а ду иза-м...

КУСИ. Аса а ца ялийра сихвелла. Цундела угаре оздачу цийнах йолу, паччахьан заманахь дуйна а эпсарш болуш, лартӀехь болчу нехан йо1 ялийра. Дайшкахьара а, наношкахьара а ала хӀума допчу нехан йо1. ХӀорш, хӀинца тӀекхиьнарш, чӀогӀа курабевлла.

МАДИ. Нахах ца вашар вон ду. *(НеIаре лерг а дуьллуш, саца а соцуш)*. Хьажал, арахь неI ца туьйхира?

САБЛБИКА *(хьала а зӀоттий, корах ара а хьожуш)*. Къедар ву-кх чувогӀуш. Цуьнца-м вайга хӀор денна вогӀуш волу воккха стаг а ву.

МАДИ. ХӀа-а-н! Мухтар хир ву иза. *(Кусигахьа дӀа а йоьрзуш)*. Хьайн Делан доьхьа виталахь иза, кхин гӀовгӀа а ца еш. И шун кьийсарш кӀордийна хьех-мерах девлла.

(НеI а йоьллий, чохьхаволу хьалха Мухтаррий, цунна тӀаьхьа Къедаррий).

МУХТАР. Ассалам Iалайкум! Суьйре дика хуьлда шун, сан хьомсара лулахой!

КУСИ. Ва Iалайкум салам!

МАДИ. Дала диканца вахавойла хьо. Хьан а хуьлда суьйре дика!

КУСИ. Дера валаве хьо, Мухти, Дала могуш-маьрша! Ирахь ма латтал, хӀай... ХӀокху тӀаьхьарчу хенахь хийраваьлла хьо тхобца... ХӀа-ан *(куьйгаши вовшийн чуччу дохку)*. Тхо ма дуй хьуна сагатдеш. ЧӀогӀа сагатдеш.

МУХТАР. Дела реза хуьлда! Хаза ду шуьгахь. ХӀумма а дуй? Могаш Iаш ма дуй шу?

КУСИ. ХӀума дацара кхузахь-м. Шу а ма дуй дика Iаш? ХӀун ду хьо лелачухула?

МУХТАР. Кхин, хӀара ду ала, хӀума дац. Дика дохку тхо а.

КУСИ. ХӀ-м... и дуй, Мухти, хьо цец-м вер ву, цкъацкъа суна хӀун дагадогӀу аьлча-м! ВалахӀ-Iазмора, хьо цец-м вер ву.

МУХТАР. Стенах? Цецдовла-м хӀума ца дисинера вайна. Кертан юккъе вертолет а охьахаадоь вай, деца хьуна.

КУСИ. Дера, Мухти, хьо дукхавахарг, со кху лаьттара дӀаверззалц йолчу ханна, хӀинца санна, дуй, сан доьзалца иштта вахар хуьлийла, олий, дагатуйсу-кха суна. ХӀа-м...

(Чуччадаьхна куьйгаши хьала а дохий, бӀаьргашна йовлакх хьокху).

МУХТАР. Маржа яI-кх! *(Тлаккха, ша-шега олуш сана, тӀетуху)*. Вайн доьзалшна дагахь хӀун ду-те, олий дагадогӀий-те вайна?

(Мухтара аьлларг шех хьакхалуш хиларх кхета а кхетий, Саьлбика сихха арайолу).

КУСИ. *(Мухтара аьллагӀуш ша ца кхетта кер а хӀоттош)*. Дера, Мухтар, хаза лаьтташ аькхе ма ю. Яций? Кху шарахь оха, хьо цецваллал, тӀаргӀа боьккина, Россе дӀа а кхоьхьуш. ТӀаргӀа, ма тӀаргӀа бара иза! Ша ма-барра, дашон хьаса бар-кха! Иза а хӀумма дац хьуна, валлахӀи, иза уьтгазза дукха хиллехь а, эца нах бар-кха цигахь. МашаллахӀ, машаллахӀ!

МУХТАР. Иза-м дац стаг цецваккха хӀума. Эзарнаш, эзарнаш жаш ма дуй уьш... шийлачу махкахь тӀаргӀа дӀабалар а цецвала хӀума дац. ВаллахӀ Iазмора, тамашийна стаг хьо а ма ву, Куси. Со-м цхьа гӀуллакх дохьуш ма веанерий,

тIаргIа бийца ца веанера. ХIета, айса беанчу новкъа Татин гота хиларх кхьоруш ву-кх со.

МАДИ (*церап гIовгIанап ца йовлийта, сихха*). Мухтар, аша хIун до? ХIун тIаьхьа-хьалха долу шун? Хаза бахам кхьоллина аша, мел хьежарх кIордор а доцуш...

МУХТАР (*Кусин лере а вьдий*). Хьуо кху къамелах хьалхаваьлла ма мотталахь.

(Куси ша волчуьра хьалаобкху).

МУХТАР. Дера, Мад, Дала дика ма леладо тхо. Кусина шен «форд» стена оьшура, оха хIоккхуза бензоколонкаш ца ехкинехь? (*Вела а къежаш*). Акмолинске оьхур варий хIара?

ФИРУЗА (*Мухтар оьгIазвахана хиларх а кхетий*). Ва, Саьлбика стенга яха? Ва, Бали, схьаял цигара цо кечийна мюсли. Мухтис сарахь буу французаша Iуьйранна буу кхача.

ТАЗИ (*Мухтаран, Фирузан бIаьра а хьобьжуш, ша-шега оллучуха*). Яраббана, сан Дела, дашо санна йолу шен йиша а яйира, Мухтига ца хоуьйтуш... ХIинца йоI а...

МУХТАР (*чуваха воллучуха хьала а гIоттий, Балигахьа дIа а вьрзий*). Цхьаболчарна хIара дерриге дьне «мюсли» хуьлу, Бали. Ойла ян ма езий церап, шайн синоин бен.

(Къедар дьухьалволу, Мухтар дIа ца вохуьйтуш).

КЪЕДАР. Пхьуьйрах ца кхеташ ма гIуо, ас доьху хьобьга. (*Хьасталуш*). Со цкъа а ца вахана шун сагIех а ца кхеташ.

ШолгIа сурт

(Куси хьалха а волуш, хьешан цIа чу бовлу уьш. Балис доккха шун кечдина цу чохь).

КУСИ. ХIун дуй, Мухти, дийнахь кхузза хIара «мюсли» ца йиьча, са ца туьй сан. Вуьшта... Дера бу хаза кхача. Саьлбикина санна «мюсли» кечьян хууш стаг вац. Вац дера, цхьа стаг-м, дуй хьуна, Мухти.

МУХТАР. Со «мюсс» йийца веана вац, Куси, хьан йоI тхайга ярах хIун хуьлу хьажа веана, деца хьуна.

(НеIарехь цара дуйьцучунга ладоьгIуш лаьтта Мад а, Таз а).

ТАЗИ. Тамаш бу, Нани, цунах гIуллакх хилахь. ЧIогIа дьухьалваьлла иза Шемалан-некъина.

(Юха а неIаре лерг а диллина ладугIу цара къонахийн къамале).

МУХТАР. Вай Кавказехь дехаш делахьара, чIогIа бежк баьккхина хир бара хьобьга наха, Куси. Тхо вон ду аьлла хеталур дар-кха, вон а хир дар-кха, нагахь санна хьо кхечаьрга Саьлбика дIаяла реза велахьара.

КУСИ (*дукха оьгIазвахана, вехьа а вехьаш*). Кавказехь боху ахьа? Ши бутт бен бац со цигара цIа веана. Нагахь цIа а дац цигахь шовзткъара бевлла мехкарий

цІахь боцуш. Цара-м уыш къанбаллалц цІахь ма латгабой. Паккха, къанбелча, хьо-м юьгуш стаг ваьллекъара яхана хир яра, олу. Иштта боху тхоьга тхан несо, бохуш, латкъамаш беш бар-кха соьга тхан ден вежарийн мехкарий а.

МУХТАР (*Ша воллцохь тоха а луи*). Ой, хІун дуьйцу ахь? Хъан ден вежарийн мехкарий ма бу иштта бехаш!

КУСИ (*йистбІара а лелхаи*). Муха – иштта?

МУХТАР. Шовзткъара бевлча а, маре ца боьлхуш. ОстофируллахІ, остофируллахІ! Дала гІо дойла хъуна, Саьлбика! Доккха хІума ду хІара!

КУСИ. ХІара доккха хІума дац, къонах! Саьлбика царна юххехь бер ду. ХІумма а йоккха яц.

(ЛадобьГуш лаьттачеран мохь болу).

МАДИ. Вададай! Саьлбика жима ю боху сан кІанта! Иза-м лартІехь велахь а бу тамаша.

ТАЗИ. Аса ма элира хьоьга, Нани, кхунах дош хир дац.

(«Дадала суна тІаьхъара, хьо бахъанехь суна дов до дадас!» – бохуш, шена тІаьхъа хІоьттина доьГучу Галина яппарш еш, чохъа волу Къедар. ЛадобьГуш лаьттарш го цунна).

КЪЕДАР. ХІун леладо аша? Шуьга ла ца доьгІча а хаьа суна-м аша дуьйцург хІун ду. ХІокху пхийтга шарахь дуьйцург ду-кх. Солса дика жима стаг ву, сан накъост а ву. Цъабакъду (*куьйгаи вовшех а хъекхои*), хІилланций бен тулур дац вай.

ТАЗИ. ХІилла хІун ю хуур ду хъуна, Гали а далаш чувеана хьо Кусина гахь. Шу маца даккхий хир ду-те? Хъан йиша а жима ю боху хъан дас.

КЪЕДАР. Дера ю дукха жима-м! Кегийнаш бен хуьлий иштта Іовдал? ХІокху пхийтга шарахь вайн юьхьІаьржа ца хІитто, шен ирс а дайина, яла йоллу-кх иза. Кхин хиллехь, меллаш шен маре яхана хир яр. ХІун дийр дара цунна? Цъа хІума дийр дацар-кха! ХІара гІуллакх гена даьлла. Со юкъя ца воьлчу вер вац. Цъаь бен воцчу вашас а шегахъа гІо ца даьккхича, хІаллакхир ю сан миска йиша.

(ЧІоггІа гІовгІа оьккхийтий, белха буьйлало Мадий, Тазий, Фирузий. Белхар а хезий, сихха чохъа волу Кусий, Мухтаррий).

КУСИ. Хаза нехан санна, бІаьргаш а дестийна боьлхуш ма бу хІорш-м, Мухти. Іийт, маржа яІ! ХІара дара аса хьоьга бохург. ХІара дара со кхийринарг. ХІокху пхийтга шара чохъ хІара тезет лаьтга-кх вайгахь, Саьлбика еха нах мосазза богІу.

(И шиь а волало бІаьргех йовлакхаи хъекха. ЖІаьла а долало цІийза).

КУСИ. ДІахъажал, Мухти, хІара дІахезча, Гали а муха узамаш беш ду. Маржа яІ-кх! ДІадала, Гали, ма делха.

(Мухтар, бІаьргаш а деттаи, куьйгаи дІаса а лестои, лаьтта. ТІаьхъара а вистхуьлу).

МУХТАР. Ой-й, аша, Куранекъхоша бен, цъяна а стага цец ма ца ваьккхина со хІинцалц. Ой, шайн йоІ еха баьккича, нах хъалха ма бовлий, ирс долуш

хуьлда хьо, бохуш. ОстофируллахI, остофируллахI! Боккха кхерам тесира аша сан даг чу. Делах тешаш ду, ткъа, вай? Доккха хIума ма ду хIара-м, мотт ца хаьа хьайба а иштта харцахьа Iамош. Ой, хIара дIахезча, хьан мел болу уьстагI а белха болабелча, тIаккха хIун хир ду? Ерриге Казахстан а инзар-акь йоккхур ю аша-м!

*(Иодика а ца еш дIавовьду Мухтар. Цунна тIаьхьа волу Къедар.
ТIаккха Куси хелхавала волаю).*

КУСИ. «Кус-укуси!» – бохуш, суна Иттарш еш, кIордийна хьех-мерах ваьлла и Мухти! Хаа еза шуна, Шемал-некьий, шайн меттиг. Хурдин «керосиншикаш»... Достовскийна а дайна!

(Иштта и хила деза моьттуш, хелхарехь бохь бугIучу Кусина тIараиш деттаиш лаьтта тохара боьлхуш хилла зударий. ТIаккха цIеххьана, цхьанна дагахь а доцуш, хелхар чIагI деллачу хенахь чохьхьа волу Мухтар. Дош а ца олуш, Фируза юккье а йоккхий, хелхаволу иза).

МУХТАР. Маржа яI-кх! Цкъа тхан урамехь а тIе-кIел ериг хир ю-кха печенеш тIехь йолу «КамаЗ»! Ма чIогIа хьаьгнера-кх со, Фируза, хьобца хелхавала!

*(Куси царна тIараиш деттаиш лаьтта. Шен мачаиш дIа а йохий,
когаишуйра цуьнца хелхаволу Мухтар).*

2-гIа дакъа

Хьалхара сурт

(КетIа нуй хьокхуш йоллучу Саьлбикина тIевозIу Солса).

СОЛСА. Ирс долуш хуьлда хьан болх!

САЬЛБИКА. Дала дукха вахавойла хьо а! Иштта самукъане хьо гуш хазахета суна.

СОЛСА. Селхана хиллачу ловзаро самукъадаьккхина сан. Къедаро иза муха дуьйцур ду ма хаьий хьуна, Саьлбика? Вита ахь тхан Дади!

САЬЛБИКА. Ловзар-лазар дара хьуна иза. Массо шайн керта воссийра цу ловзаро. Со-м тхайн ца охьададарна кхераеллера...

(Чохьхайолу гIадьяхана ела а йолуш Саьлбика. Ма-хуьллу иза Солсина генаьккха дагахь волу Куси ша-шега лубь).

КУСИ. Кавказера маре деш берш бIаьрга байча-м, шен цIа моз тарлур дара сан йоIана-м.

ШолгIа сурт

(Доккхачу кетIарчу кемсийн рагIу кIел догIу Мухтаррий, ХIажаррий).

ХIАЖАР. Кьонах, хьо тахана ойланашка ваьлча санна ма хета суна?

МУХТАР. Ойланашкий? Ялсаманехь ю сан ойланаш. Кхана со а, Солса а Кавказе вуьдуш ву. Хьо цIахь хила еза. Тхо боккха кхаь бохьуш догIур ду, Дала мукь лахь!

ХІАЖАР. Кура-некъийн Саълбика а ма юй Кавказе йоьдуш. Кусис, ваха а вахана, билет эчна бохуш яра Тази.

МУХТАР. Нийса ду. Дас новкъа яккха еза шен йоІ, бакъдерг хъуна ала лаахъ. Кавказ йоккха ю. Саълбикий, тхой цхъана хІусаме доьлхуш дац.

ХІАЖАР. Тази чІогІа цецъяьлла яра Саълбикех. Куси мара а воьллина, аса арабаьккхина некъ декъалбой аьлла, дега хаьттина бохуш. Иза цунна хатта дагадарах цецъяьлла яра иза.

МУХТАР. Дика-м цкъа а хир яц Кусина «мю-ю-сс-сли.

ХІАЖАР. ХІай, айхъа хІун дуйцу хаьий хъуна? Яла ма ца йоьди из Кавказе!

МУХТАР. И покажу я этим Кура-некъина, каким в войне умов обучен я ударам.

(Мухтар кетІа волу).

3-гІа дакъа

Хьалхара сурт

(Гуш ву телефонехула къамелаш деш Мураддий, Къедаррий).

МУРАД. Къедар, Саълбика могош-маьрша схьакхаьчна. Дуьхъала а вахана, аса ца ялий иза.

КЪЕДАР. Воши, Дада Бухаре вахана. Кеста ца вогІийла хир дац цуьнан. Кху деношкахъ Саълбика еха богІуш бу Шемалан-некъий. Цунах жоп ло хьобга боху Дадас.

МУРАД. Далла хастам бу! Цкъа мукъана хьекъале вогІур волуш хилла сан ваша. Самагатде ахъа, Къедар. Аса Саълбикин и захало тесна ца дубтуш, дІадерзор ду хъуна.

КЪЕДАР. Дика ду, воши. Дада чІогІа реза хир ву вайна. Массарга а маршалаш луо. Юдикайойла хъан!

ШолгІа сурт

(Цул тІаьхъа цхъа кІира даьлла. Казахстане, шайн ца кхочу Куси).

ФИРУЗА. Марша вогІийла хьо. Ма сихвелла вогІу хьо? Муха ду Бухарера гІуллакхаш?

КУСИ. Дера цхъа чІогІа сагатделла вогІу со. ХІумма а дуй вайн цахъ, Фируза? Массо могош вуй?

ФИРУЗА. Дика бен кхин хІумма дац, Куси. Дала дукха вахавойла хьо, сан ваша!

(Къедар цхъа дагна кхаь хилла, кетІахула волавелла лелаш ву).

КЪЕДАР. Ийт, маржа хьо дуьне яІ-кх, Кура-некъийн Саълбика дІало бохуш, ма дукха нах вовшахкетта хир бу-кха Кавказехь!

(Цкъа а, шозза, кхузза иштта олу Къедара).

КУСИ. Ва хІун боху цо? Мила дІалуш ю боху цо?

ТАЗИ. Тхуна хІун хаьа, аша хІун леладо, ва къонах?

ФИРУЗА. Суна хаза гІан гина, Куси. Іаламат хаза гІан. Диканиг хир ду. Диканиг. Дала мукъалахъ, диканиг!

(ШолгІачу дийнахъ).

КЪЕДАР. Дади, кху кІирандийнахъ Саьлбика йина де ма дуй. Цунна совІатана дашо хІума а эций, Кавказе гІой вай? Ма чІогІа гІад гІур ю иза хъо гича!

КУСИ. Дала мукъалахъ, Дала мукъалахъ!

КхоалгІа сурт

(КІирандийнахъ делкъанна Кавказе МурадгІаьрга дІакхочу Куси а, Къедар а. Диллина ков-неІари ду, кертахъ шортта нах а бу. Царна юкъахъ къаьсташ, билгала бу замой-мехкарий. Царца захало дуйцуш бу Кура-некъийн кегий нах).

КУСИ. Оьрсаша ма-аллара: с корабля на бал. Хъуна хаьий, Къедар, хІара хІун ду? Хъажал хъо, соьга хаа а ца хоуьйтуш схъавеана Мурад. Маре йобьдург мила ю-те ян мукъана?

КЪЕДАР. *(Аркъал оьхуш, вела а воьлуш).* Кура-некъийн беца хІара мехкарий?

(Юьхъ тІера бос бов Кусин).

КУСИ. Бу дера-кх! ХІунда бац уьш?

(Царна геннара дуйхъалбогІу гергара нах, уьш декъал а беш. Куси массо а хІуманах кхета, дагадогІу шега йоІа аьлларг).

КУСИ. Соьгара пурба даьккхина бен-м гІур яц сан йоІ маре...

(Замой-мехкарех цхъана йоІаца хелхаволу Куси: «Мухтина дІахаахъара-кх со шитта самукъадаьлла вуй!» – бохуш).

Чаккхе.

*ГалгІайн маттера гочийнарг
Шайхиев Іалвади.*

Малика Гортикова

Свет деяний меценатов Чечни

В общем ряду российских меценатов конца XIX – начала XX вв. не менее заметными являлись чеченские коммерсанты. Местная деловая элита отличалась благотворительными инициативами.

В дореволюционной Чечне развитие таких социальных сфер, как образование, культура, благоустройство городов происходило во многом благодаря частной благотворительности предпринимателей – купцов и нефтепромышленников.

Наиболее широкое распространение благотворительность получила во второй половине XIX – начале XX века, когда в Чечне значительно увеличилось число владельцев крупных капиталов. В пореформенный период развитие общероссийской экономики обусловило рост товарно-денежных отношений в Чечне, что привело к «капитализации» помещичьего и крестьянского хозяйства, возникновению частных предприятий по переработке продукции сельского хозяйства, местного сырья. С открытием в Чечне нефтяных месторождений (это способствовало накоплению капиталов в руках частных лиц и соответственно формированию прослойки крупной национальной буржуазии) ускоряется развитие местной промышленности. К 1913 году в г. Грозном имелось 2-3 паровые мукомольные мельницы, несколько кирпичных заводов, 2 пивоваренных, 2 кожевенных, 2-3 – лесопильных. Быстрыми темпами идет развитие торговли.

В дореволюционном Грозном к этому времени насчитывалось около 173 крупных торговых заведений. По данным А.И. Хасбулатова, «каменные и кирпичные дома принадлежали купечеству, в том числе зарождавшейся чеченской буржуазии: А. Чермоеву, Д. Мациеву, Г. Мациеву, Арсамирзоеву, Ш. Чуликову, Эльмурзаевым, Арсанукаевым, Башировым и др.». Иллюстрацией процесса развития капиталистических отношений в чеченском обществе может служить хранящийся в Государственном историческом музее рисунок художника Беггерова с изображением состоятельного чеченца (период 80-х годов XIX века).

Присоединение к империи содействовало укреплению экономических связей Северного Кавказа с Россией. Еще в первой половине XIX века царизм поощрял стремление русского купечества к организации торговли в регионе. Развитию торговых связей с Россией способствовало подготовленное статским советником Шевцовым и утвержденное Николаем I в 1846 году «Положение о меновой торговле с горцами». Согласно данному «Положению», на Северном Кавказе создавались меновые дворы, в том числе Амир-Аджиюртовский, Червленный. Рост российского капитализма «вширь» обеспечил вовлечение части коренного населения региона – казачества и горцев – в единую общероссийскую экономику. В соответствии с этим экономическое развитие региона приобрело интенсивность. Наиболее энергичные местные предприниматели становятся обладателями немалых капиталов, часть из которых они жертвуют на благотворительную деятельность.

Общей картине распространения благотворительности в дореволюционной Чечне свойственны черты, характерные для развития меценатства в пореформенной России в целом.

Попечительство и благотворительность в Чечне являлись неотъемлемой частью жизни общества, предоставляя возможность развиваться его разнообразным направлениям, в том числе не приносящей дохода социально-культурной сфере. Начиная с конца XIX века, получают наибольшее распространение такие виды благотворительности, как пожертвования на военные нужды; обустройство городов и селений; образование, наука и культура; строительство мечетей и медресе; финансирование общественных и политических организаций, в том числе издание печатных органов; взносы в пользу больных и немощных.

По-видимому, наиболее крупной благотворительной акцией, в которой приняли участие чеченские предприниматели, явился сбор средств грозненскими нефтепромышленниками на Первую мировую войну. Национальная буржуазия выступила за ее победоносный исход. Согласно источникам, «нефтяные воротилы Грозного пожертвовали 1 млн. рублей на нужды войны».

На фото: первый чеченский миллионер, нефтьмагнат А.-М. (Тана) Чермоев (15 марта 1882 г. – 28 августа 1937 г. Существуют и другие сведения о годах жизни А.-М. Чермоева).

Снимок для печати предоставил известный чеченский писатель Хамзат Саракаев (сын Ибрагим-Бека Саракаева), потомок Чермоевых по материнской линии.

По сведениям директора лицея №1 г. Грозного С.З. Мирзоевой, ее прадед, известный в деловых кругах Северного Кавказа крупный купец Абубакар Мирзоев (прибл. 1860 – 20 марта 1944 гг.) имел деловые контакты с российскими предпринимателями. В период Первой мировой войны он принял деятельное участие в финансировании русской армии: снабжал ее сукном для пошива военного обмундирования.

В период Гражданской войны Абубакар Мирзоев, являвшийся членом «Комитета спасения Чечни от большевизма», тем не менее оказывал помощь фуражом, деньгами и оружием известному чеченскому революционеру Асланбеку Шерипову. Эти факты входят в группу благотворительных инициатив предпринимателей на военные нужды.

Взносы частных предпринимателей в течение рассматриваемого периода порой в значительной степени превалировали над государственным финансированием. Так, в 1887 году из бюджета г. Грозного на «воинские потребности» была выделена не столь весомая сумма в 1493 руб. 43 коп. Невысоким показателем являются также затраты городских властей в том же году на содержание благотворительных заведений – 702 руб. 94 коп., в особенности если учитывать, что финансирование учебных заведений – 1668 руб. – было самым низким среди областных городов, а на строительство, содержание и устройство мостовых денежных средств вообще не имелось.

Следующую группу жертвований составляют взносы на обустройство городов и селений. Так, потомок известной купеческой династии Мациевых, ныне здравствующий Т.А. Мациев (сын первого чеченского ученого-языковеда Ахмада Мациева) сообщает

о плодотворной деятельности своих предков в данном направлении. Капиталы чеченских купцов Мациевых активно работали на развитие города Грозного. За счет их денежных средств в дореволюционном г. Грозном появился ряд объектов социального значения. По сведениям Т.А. Мациева, в 1884 году братья Мациевы создали крупную торгово-промышленную фирму. Они построили в городе Грозном магазины, торговые ряды, товарные склады, гостиницы, жилые дома, наладили производство строительных материалов, таких, как кирпич, черепица, лесопиломатериал. Кроме того, накопленный капитал позволил им приобрести в Грозном тысячи десятин земли, где содержался скот, а также выращивались зерновые культуры, в том числе пшеница,

На фото: крупный чеченский купец Сулейман Бадуев и его родственница. Из семейного архива Х. С.-Х. Исаева.

кукуруза. Таким образом, эти начинания купцов Мациевых приносили пользу как им самим, так и всему чеченскому обществу, поэтому их вклады следует отнести к указанной группе взносов местных предпринимателей.

К названной группе благотворительных инициатив относятся также пожертвования ряда других состоятельных людей. К примеру, в конце XIX века влиятельные лица станицы Грозненской бесплатно выделили свою землю в юго-западном направлении города для строительства здания Грозненского вокзала. Предположительно, в их числе были предприниматели. В начале XX века в г. Грозном в городском саду на средства купца Шабасона был построен иллюзион «Аквариум». В 1911 году владелец лесопильного завода Ф.И. Крыликов осуществил в г. Грозном строительство аэродрома, где при скоплении тысяч зрителей состоялись полеты авиатора Артемия Каплана. В тот же период грозненский купец В.П. Чернявский в центре города Грозного на принадлежавшем ему участке земли разбил для земляков удивительной красоты сад с панорамой горного пейзажа, где выстроил сцену со зрительной площадкой на 400 мест. На этой главной концертной сцене Грозного выступали звезды российской эстрады Вера Холодная, В. Максимов, исполнительница цыганских песен Л. Черная и другие. Уже в советское время садик Чернявского был национализирован и переименован в Сад имени 1 Мая. Впоследствии к ожидаемому приезду знаменитого певца Ф. Шаляпина на средства грозненских промышленников и купцов был построен новый концертный зал, переданный ими в дар горожанам.

В 1904 году в центре города Грозного в помещении, предоставленном Съездом терских нефтепромышленников, была открыта городская библиотека. Фонд ее к 1912 году достиг 12 тыс. экземпляров. Содержание этой общественной библиотеки осуществлялось за счет пожертвований частных лиц. Сведения о ее главном попечителе – Съезде терских нефтепромышленников – служат достаточным основанием для вывода о том, что среди жертвователей были предприниматели.

В начале XX века известный горский религиозный и общественный деятель, чеченский шейх Дени Арсанов (1851 – 27 декабря 1917 гг.), который к тому же являлся предпринимателем, занимался финансированием строительства мостов и дорог, а также всюду, где бывал, разводил сады. Благотворительность была важной чертой этого влиятельного в Чечне и Ингушетии шейха.

Так, Дени Арсанов возглавил строительство моста недалеко от селения Кень-Юрт, которое было завершено в 1916 году и в народе получило название «Дедин тIай» (великолепный памятник архитектуры). Дени Арсанов определенно был неординарным человеком, обладал мужеством, щедростью, а также дарованиями. В период пребывания в Москве он работал мастером по серебру, следовательно, владел секретами ювелирного искусства.

В 1883 и 1910 гг. весенне-осенние разливы реки Сунжи доставляли немало неприятностей жителям г. Грозного, прежде всего торговцам. Сильный напор воды носил пешеходные мосты города, к тому же заливал здания магазинов, в результате было уничтожено немалое количество товаров и продуктов. Городские власти не имели средств на укрепление берегов реки, поэтому привлекли к решению данной проблемы торговцев. Когда в 1910 г. бедствие повторилось, под давлением городской думы на средства купцов г. Грозного было осуществлено строительство первых каменных набережных по обе стороны реки Сунжи от ул. Дворянской до Графо-Евдокимовской – впоследствии ул. им. А. Шерипова.

Согласно источникам, причина безденежья городской администрации состояла в ее элементарном бесправии. Миллионные доходы, добываемые промышленниками из нефтеносных площадей, шли Терскому казачьему войску, являвшемуся владельцем земель в окрестности города. Дореволюционный г. Грозный был «беднее всех городов Терской области (Георгиевска, Кизляра, Моздока)». Это суждение подтверждается статистическими данными. Так, в 1895 г. расходная часть бюджета г. Грозного составляла 24 249 руб. 29 коп. Из этой суммы на благоустройство города было выделено всего 2224 руб. 50 коп, на содержание благотворительных и учебных заведений – 2580 руб. 75 коп. Таким образом, на фоне мизерных городских вливаний в благоустройство города пожертвования состоятельных людей Чечни на благотворительные цели выглядят значительными.

Представляет интерес архивный документ начала XX века, который подтверждает стремление состоятельных чеченцев того времени оказывать пользу обществу. Факт, изложенный в нем, также входит в группу пожертвований на развитие социально-культурной сферы. Уникальность этого источника в том, что в нем содержится свидетельство об участии самого русского царя в продвижении благотворительного начинания «почтосодержателя» из Чечни. Из документа явствует, что в 1901 году

начальник Владикавказского почтового телеграфного округа обратился к руководству Терского областного правления с ходатайством о предоставлении жителю селения Вашен-Дерой Грозненского округа Уме Килоеву права на приобретение в собственность дома в слободе Шатой с целью размещения в нем почтово-телеграфного отделения (Терское областное правление. Ходатайство Владикавказского почтового телеграфного округа о разрешении Уме Килоеву приобрести дом в слободе Шатой для размещения в нем почтово-телеграфного отделения. 28 октября 1901 г., 16 октября 1903 г. // Архивное управление Правительства ЧР. Коллекция копий документов по истории чеченского народа Госархива Республики Северная Осетия-Алания (1860 – 1916 гг.). Ф.236, оп. 1, д. 139 (л. 36)).

Прошение У. Килоева обусловило переписку между руководителями различных ведомств, как гражданских, так и военных. На наш взгляд, властные структуры царской России посчитали инициативу горского специалиста достаточно важной, о чем свидетельствует послание от 1 июля 1901 года в штаб Кавказского военного округа. Согласно данному документу, Главное управление казачьих войск обратилось к руководству этого штаба – в лице начальника Терской области – с уведомлением о том, что «...государь-император в 1 день того же июля всемилоостивейше соизволил на предоставление жителю селения Вашен-Дерой Грозненского округа Ума Килоеву права приобрести в укреплении Шатой в собственность дом под помещение почтовой станции и почтово-телеграфного отделения, но без права жительства в этом доме как самому Килоеву с семейством, так и вообще другим туземцам». По-видимому, на позитивное решение этого вопроса, затрагивавшего интересы населения крепости Шатой, во многом повлияла положительная характеристика, выданная Уме Килоеву начальником Владикавказского почтового телеграфного округа. В своем обращении к руководству Терской области начальник данного округа отмечает, что Килоев является хорошим почтосодержателем, который полезен почтово-телеграфному ведомству как поставщик телеграфных столбов и будет благодарен правительству, сделавшему для него исключение.

«Почтовое дело» завершилось заключением контракта между жителем Вашен-Дерой (так в подлиннике, в написании данного населенного пункта имеются разночтения – М.Г.) У. Килоевым на содержание им Шатоевской почтовой станции на срок с 1 января с. года по 1 января 1903 года и, видимо, Владикавказским почтовым телеграфным округом. При этом У. Килоев обязывался кроме содержания станции предоставлять помещению Шатоевскому почтово-телеграфному отделению, для чего им нанимался дом в крепости.

В исследуемый период существовал запрет со стороны царских властей на проживание чеченцев в г. Грозном и в ряде сельских населенных пунктов Терской области. Имелись и другие ограничения. Исследователь З.Х. Ибрагимова отмечает: «По распоряжению Государственного Совета чеченцам запрещалось селиться в городе Грозном и в слободах – Шатое, Воздвиженской и Ведено, а также приобретать там недвижимое имущество горцам, не состоявшим на государственной службе и находящимся в отставке не в офицерских чинах». По-видимому, именно по указанной причине высшим чинам для продвижения благотворительного начинания почтового деятеля из Чечни пришлось подать апелляцию самому царю. Император России, поддержавший инициативу У. Килоева, тем самым сделал для горца исключение. Впрочем, известно и то, что царские власти лояльно относились к зажиточной верхушке чеченского общества, поэтому в XIX веке богатые чеченцы щедро одарялись наделами земли в центральной части Чечни. «Почтосодержатель» У. Килоев вполне мог быть предпринимателем, возможно, владельцем почтового ведомства в селении Вашен-Дерой. В противном случае вряд ли он имел бы средства для приобретения в частную собственность лишней недвижимости.

По-видимому, Ума Килоев относился к зажиточной части чеченского населения. Это следует из статьи Дж. Акаева «Под двойным гнетом», где автор указывает, что в число состоятельных жителей селения Шатой входили «купцы первой гильдии Килоевы» (Дж. Акаев «Под двойным гнетом», сборник статей «XX лет Чечено-Ингушской АССР», «Чечингосиздат», г. Грозный, 1939). «В детстве я жил в горах. В Шатое жили только купцы и чиновники. Беднякам-горцам жить тут не разрешалось... Купцы первой гильдии Килоевы, Хубаевы и Узуевы выстроили в Шатое хорошие дома и торговые помещения в самой слободе...» – пишет Дж. Акаев (Указанный сборник статей. С. 31).

Имущественное положение являлось абсолютной гарантией обеспечения У. Килоеву доверия со стороны дореволюционных российских властей. Полагаем, именно это обстоятельство явилось основной причиной того, что социально значимая инициатива Килоева получила поддержку самого российского императора.

Итак, в 1901 году состоятельный житель селения Вашен-Дорой Грозненского округа Ума Килоев вызвался на собственные денежные средства обеспечить общение соплеменников из слободы Шатой с внешним миром посредством открытия в данном населенном пункте почтового отделения. Таким образом, намерение У. Килоева предоставить в пользование землякам собственный дом свидетельствует о развитии благотворительности в Чечне в начале XX века.

Следует отметить, что благотворительность в России в целом имеет многовековые традиции. К примеру, еще в середине XVIII века богатые московские торговцы, так называемые гости-сурожане, занялись освоением новой области вложения капиталов – каменным строительством. Первым в перечне торговых людей, участвовавших в каменной застройке Москвы в тот период исследователи называют В.Д. Ермолина (Дмитриева). По данным исследователя В.Б. Перхавко, В.Д. Ермолин являлся человеком ярких дарований, который освоил профессии зодчего и скульптора, а также явился причастным к сохранению рукописи знаменитого тверского купца Афанасия Никитина «Хожение за три моря». Уже в XIX веке известными российскими меценатами становятся Третьяковы, Морозовы, Мамонтовы, Бахрушины, Щукины и другие предприниматели, способствовавшие культурному и духовному возрождению России.

Благотворительными инициативами также славился один из известных деловых людей конца XIX века, крупный купец из селения Урус-Мартан Сулейман (Сулиман) Бадуев (Басханов) (прибл. 1852 – 1914 гг.). Согласно источникам, этого торговца отличали предприимчивость и энергичность. Так, Сулейман Бадуев и его односельчанин, купец Шугаиб Алиев предприняли попытку пополнить ряды местных нефтепромышленников. В 1897 году эти купцы обратились в Терское Областное Правление с прошением об отводе им десяти десятин земли на территории слободы Воздвиженской, где совместно ими было открыто нефтяное месторождение. Однако их просьба узаконить данный акт не была удовлетворена (Бибулатов В.М. Нефтепромышленники, купцы и предприниматели конца 19-го и начала 20-го веков из среды чеченцев. // Вести республики, №131 (813), 12 июля 2008 г.; Архивное управление Правительства Чеченской Республики, ф.236, оп.1, д. №680).

В конце XIX века предпринимательский интерес охватил практически всю зону Терской области, как горную, так и плоскостную. Исследователь Х.С. Ахмадов отмечает: «Предприниматели были выходцами в основном из плоскостных населенных пунктов, главным образом, из наиболее состоятельных кругов. И пресловутый закон, запрещавший горцам свободно передвигаться, иметь еще в конце XIX века движимое и недвижимое имущество в городах и некоторых слободах Терской области, явно не действовал еще до его отмены в отношении богатых горцев».

Таким образом, инициатива двух купцов из равнинного селения Урус-Мартан вполне вписывается в исторический фон дореволюционной Чечни. Другое дело, что изыскательские работы деловых людей того времени не всегда велись на основе достоверного прогнозирования, поэтому являлись в известной степени рискованным занятием. В результате отдельные предприниматели сказочным образом обогащались, поэтому имели возможность часть капиталов жертвовать на благотворительные цели, иных же постигал экономический крах.

По сообщению Народного художника ЧР Харона Исаева, настоящая фамилия Сулеймана (Сулимана) Бадуева, двоюродного брата его родного деда, – Басханов. После Октябрьской революции Басхановы, как и многие другие представители имущего класса, были вынуждены изменить свою фамилию вследствие репрессий, чинимых по отношению к ним со стороны советской власти. Таким образом Басхановы стали Бадуевыми (от имени главы семейства Бода-хаджи).

Х.С.-Х. Исаев (эта фамилия, в свою очередь, произошла от имени его родного деда Исы Басханова) отмечает, что его прямой предок Сулейман Бадуев являлся поставщиком мануфактуры на территорию дореволюционной Чечни.

Очевидно, С. Бадуев посредством приобщения к торгово-промышленному сословию имел намерение увеличить собственный капитал, вследствие этого занялся изысканиями нефтяных месторождений. Между тем, он обладал немалым состоянием, поэтому без дополнительных финансовых средств имел возможность заниматься благотворительностью. Так, уже после Октябрьской революции Сулейман Бадуев оказал деятельное содействие в вызволении из Владикавказской тюрьмы дочери известного религиозного деятеля Чечни Кунта-хаджи, для чего им были выделены немалые денежные средства. Будучи хорошим мусульманином, он предоставлял помощь нуждавшимся посредством «закята». Изложенные факты позволяют сделать вывод о том, что С. Бадуев активно занимался благотворительностью.

На фото: чеченский купец Абубакар Мирзоев и его супруга Зару. Из семейного архива С.З. Мирзоевой.

Отдельную группу пожертвований составляют взносы на образование (светское и конфессиональное) в крае, в чем была острая необходимость. В конце XIX века население Терской области являлось в основном безграмотным. Накануне первой русской революции на 356-тысячное население Чечено-Ингушетии приходилось всего три средних учебных заведения: Грозненское городское ремесленное училище, женское училище и женская гимназия.

Царские власти не были заинтересованы в просвещении горцев. В результате подобной политики образовательный уровень жителей дореволюционной Чечни был низким. Вследствие этого, для развития образования в Чечне в конце XIX – начале XX века требовалась ощутимая поддержка. Этому, в частности, содействовало появление в 80-х годах XIX века первых общественных просветительских организаций. Так, в 1882 году официально

было зарегистрировано «Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», которое ставило одной из задач финансовую поддержку развитию просветительства в крае. Из чеченцев в этом «Обществе» состояли и своими взносами содействовали данному процессу нефтемагнат А.-М. Чермоев, известный просветитель Т. Эльдарханов, Д. Шерипов и другие деятели. Главной задачей Общества являлось содействие развитию школьного образования в горских округах, а также оказание финансовой поддержки лицам, обучавшимся в российских высших учебных заведениях. Так, Общество оказывало материальную помощь известному чеченскому просветителю и общественному деятелю Таштемиру Эльдарханову в издании его трудов, в частности, выпущенного в 1911 году в Тифлисе

Сыновья А. Мирзоева – помощники отца в торговых делах. Слева – Джабраил, справа – Джанарали и их сестры: Хапсат и Кабахан (справа), впоследствии супруга Арсамака Чермоева, младшего брата Тапы Чермоева.

На фото: трехэтажный особняк крупного грозненского купца Гехи Мадиева, переданный им в начале XX века в пользу горожан.

«Чеченского букваря» на основе русской графики.

В 1904 году при поддержке крупного чеченского купца Гехи Магомедовича Мадиева в городе Грозном было открыто новое учебное заведение. Будучи осведомленным о нуждах горожан в образовательной сфере, Г.М. Мадиев предоставил помещения своего трехэтажного особняка общей площадью 2000 кв. м. по 2-й Барятинской улице под реальное училище, которое размещалось в его домовладении до сентября 1912 года.

По сведениям краеведа А. Ваксмана, обучение было платным: 75 рублей в год с человека. Из вышеизложенного следует, что Геха Мадиев сдавал свое домовладение для обучения юных земляков в аренду. Таким образом, именитый грозненский купец проявил себя в данном деле прежде всего как коммерсант, однако был способен получать гораздо большую прибыль, заключив иные, более выгодные, сделки. К примеру, Г. Мадиев имел реальную возможность пополнить собственный капитал, предоставив обширную территорию собственной недвижимости под отель, фабрику или магазин. Однако купец учитывал потребности горожан в развитии образования, поэтому действовал не только в собственных интересах, но и на пользу чеченского общества.

Исходя из этого, вклад известного купца Гехи Мадиева в развитие просветительского движения в Чечне в начале XX века следует рассматривать как факт его участия в попечительстве.

Г.М. Мадиев представлял династию именитых чеченских купцов Мадиевых, чья деятельность снискала им добрую славу в народе. Мадиевы являлись одними из первых поселенцев крепости Грозная. С преобразованием ее в 1870 году в город представители данного семейства развернули бурную предпринимательскую деятельность, проявляя активность в благотворительной деятельности и попечительстве.

Особые группы благотворительных вкладов предпринимателей прошлого составляют пожертвования на конфессиональное образование, а также на строительство мечетей и медресе. В

На фото: Дени Арсанов (начало XX века). Из семейного архива Ибрагима Абдул-Рахмановича Арсанова, правнука Дени Арсанова.

Чечне функционировало значительное количество мечетей и мусульманских школ. По разрешению царской администрации, чеченские богачи, в том числе крупные муллы и шейхи, занимались устройством для простых людей арабских школ. К примеру, семья крупного чеченского нефтепромышленника Тапы Чермоева рядом со своим фамильным кладбищем в Ханкальском ущелье «построила мечеть и медресе, где содержала за свой счет преподавателя-муллу». В эту же группу пожертвованных следует включить частную инициативу видного шейха Дени Арсанова, который в городе Грозном «при своем доме устроил в специально отведенном для этого помещении низшую арабскую школу для обучения детей Корану и содержал муллу» (Ибрагимов З.Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860–1900). – М.: Пробел, 2000, 2006. – С. 17).

Представляет особый интерес тот факт, что в процессе возрождения Чеченской Республики 26 августа 2011 г., в преддверии окончания священного месяца Рамадан, произошло одно из знаменательных событий в жизни республики, свидетельствующее о живой связи времен. При непосредственном руководстве и финансировании Главы ЧР Рамзана Кадырова школа Дени Арсанов (шейха, являвшегося предпринимателем) была восстановлена в новом особняке на прежнем месте. Деятельное участие в возрождении школы-медресе своего именитого предка приняли его правнуки – Ибрагим, Абдул-Кадыр и Абдул-Хамид Арсановы. Весомое участие в этом важном деле принял кадий г. Грозного Бай-Али Тевсиев.

...Во фронтон фасада нового здания Школы Дени Арсанова вставлена столетняя памятная плита из старого здания. На ней – надпись на арабском языке, которая гласит о том, что «эту школу построил Дени из Гални, сын Арса (да простит его Аллах и помилует), во имя Всевышнего и ради его Посланника (мир ему и благословение). Да поможет Всевышний тем, которые применят здесь мастерство и старанье! Да поощрит нас Всевышний в сотворении добрых дел и жизни, которой Всевышний доволен!».

В настоящее время Школа Дени Арсанова действует под руководством Ибрагима Абдул-Рахмановича Арсанова, правнука шейха Дени Арсанова. В декабре 2011 года в ее стенах начнется обучение 700 учащихся пяти языкам: чеченскому, арабскому, английскому, немецкому и французскому.

Вышеназванный купец Сулейман Бадуев ориентировочно в 1909–1914 гг. выделил для строительства мечети в родном селении Урус-Мартан больше денежных средств, чем жертвователи всего данного населенного пункта. По сообщению Х.С.-Х. Исаева, в дальнейшем это помещение послужило развитию образования среди населения. После возвращения чеченцев из депортации к одноэтажному зданию данной мечети был пристроен второй этаж, вследствие этого в селении Урус-Мартан появилась средняя школа №1.

По сведениям автора данной статьи, крупный чеченский купец Моца Мациев также отличался щедростью. К примеру, на границе Чечни и Дагестана на свои денежные средства он построил мечеть. Таким образом купец проявил заботу о мусульманах, которые могли оказаться в этой местности. Для своих наследников М. Мациев выстроил в Грозном большой дом со своими инициалами – ММ, для близких, оказавшихся в большой нужде, покупал дома в селении Шали (Гортикова М.М. «Именитые купцы

На фото: старое здание арабской школы-медресе, открытой шейхом Дени Арсановым в 1904 г., Грозный. Из семейного архива Ибрагима Арсанова, правнука Дени Арсанова.

На фото: новое здание школы-медресе шейха Дени Арсанова, открытое 26 августа 2011 г., Грозный. Церемонию открытия медресе возглавил Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров.

Мациевы и их потомки», журнал «Вайнах», №8, 2011 г.).

По сообщению директора Департамента социальной сферы и инновационной деятельности Министерства экономического развития и торговли ЧР М.-Х.С. Мустафинова, один из его предков, представитель другой известной династии предпринимателей Чечни, крупный землевладелец Элмарза Мустафинов в конце XIX века вместе со своими родственниками финансировал строительство медресе, а также мечети в родном селении Старая Сунжа.

По сообщению директора Литературно-мемориального музея А.Ш. Мамакаева (филиала Национального музея ЧР) Э.А. Мамакаева, родной брат его деда Шамсудина, купец Ама Мамакаев в конце XIX века был состоятельным человеком. В его обширном хозяйстве, где имелось немалое количество голов крупного и мелкого скота, сельхозинвентарь, трудились наемные работники.

Издавна занимавшийся куплей-продажей, Ама Мамакаев являлся владельцем торговых лавок, расположенных в отдельных селах Надтеречного района. Часть доходов Амы шла на пожертвования. По пятницам купец А. Мамакаев выделял продукты для учащихся медресе, а местных религиозных деятелей наделял мануфактурными товарами, пригодными для изготовления национального мужского костюма.

На фото: репродукция картины народного художника ЧР Харона Исаева «Усадьба Мамакаевых в 20-е годы XX века».

Оригинал картины находится в Литературно-мемориальном музее А.Ш. Мамакаева.

На переднем плане полотна – вход в торговую лавку купца Амы Мамакаева.

Из фонда Литературно-мемориального музея А. Ш. Мамакаева (филиала Национального музея ЧР), с. Надтеречное (Лаха-Невре) Надтеречного района.

Следует отметить, что такой вид благотворительности, как пожертвования на религиозные нужды, был характерен для пореформенной России в целом. К примеру, в XIX веке были широко распространены вклады енисейских купцов в пользу приходских храмов, в том числе на их строительство. Так, огромные суммы на церковные нужды жертвовали супруги Сидор и Татьяна Щеголевы из Красноярска. По сведениям Е.В. Комлевой, сумма пожертвований Сидора Щеголева – в пользу церкви и города – составляла около 800 тыс. руб. серебром, а вместе с пожертвованиями его супруги – 1 200 000 руб.

Как известно, частная собственность в советской России была объявлена негативным явлением. В связи с этим общей тенденцией отечественной исторической науки являлся

критический подход к деятельности состоятельных людей дореволюционного периода как представителей имущего класса. Целый ряд историков, в том числе Л.Н. Колосов, Н.П. Гриценко, А.И. Хасбулатов, Н.И. Штанько внесли весомый вклад в разработку проблемы экономического развития Чечни в пореформенный период. При этом в силу объективных обстоятельств некоторые исследователи игнорировали положительные моменты в деятельности предпринимателей прошлого, в частности, их социальную активность.

По мнению историографов советской эпохи, буржуазия (прежде всего иностранная, капиталы которой проникали в грозненскую нефтяную промышленность), занималась лишь грабежом народа и извлечением огромной прибыли. Так, Н.П. Гриценко критически описывает деятельность местной буржуазии, в частности, признанного лидера чеченских нефтепромышленников Абдул-Меджида (Тапы) Чермоева (1881–1936 гг.). Исследователь дает первому чеченскому миллионеру А.-М. Чермоеву весьма нелестную характеристику: «В 1913 году чеченский капиталист, впоследствии один из руководителей терской контрреволюции – Тапа Чермоев, обманным путем заключил арендный договор с сельским обществом селения Алды на 90 десятин нефтяной земли. Арендная плата составила 30 тысяч рублей. Сам же Чермоев 5 десятин из названных 90 отдал в аренду за 250 тысяч рублей. Таким же путем обогащались Лианозовы, Нахимовы и многие другие».

Однако при объективном анализе упомянутой Н.П. Гриценко коммерческой сделки напрашиваются иные выводы. Весьма сомнительно, чтобы столь известный в дореволюционной России человек, как сын именитого царского генерала Орцу Чермоева, бывший сотник личного конвоя российского императора Николая II, будущий выдающийся горский общественный деятель, председатель ЦК Союза объединенных горцев А.-М. Чермоев, умышленно нарушал государственные законы.

По нашему мнению, Абдул-Меджид Чермоев как грамотный предприниматель проявлял в коммерческих делах элементарную предпринимательскую хватку, что в сфере бизнеса во все времена только приветствуется. Если из 90 десятин нефтяной земли известный предприниматель отдал в аренду только 5 десятин, так это свидетельство

На фото: Нохчийн тур. Шашка чеченская. Принадлежала первому чеченскому миллионеру, нефтепромышленнику А.-М. (Тапе) Чермоеву. Мастер Баширов, с. Старые Атаги. 1917 г. Подлинник. КП – 2805. Э – 274. Из фонда Национального музея ЧР.

его дальновидной коммерческой и хозяйственной политики. Из этого следует, что А.-М. Чермоев обладал умением приращивать свои капиталы посредством умеренных возможностей, кроме того, он явно проводил линию рачительного использования нефтяных запасов, имевшихся на территории Чечни.

Отметим также, что этот наследник крупных земельных владений, на территории которых были открыты нефтяные месторождения, обладал высоким духовным потенциалом. В частности, основатель фирмы «Алдынская нефть» А.-М. Чермоев проявлял конкретную заботу о населении с. Алды. Так, он принимал участие в движении за признание за жителями чеченского селения Алды права на долю от эксплуатации нефтепромыслов, которые были расположены на сельской земле. Согласно источникам, предпринимательский успех пришел к А.-М. Чермоеву после того, как он взял в аренду нефтеносные участки у селения Алды. При этом он предложил алдынскому обществу 30 тыс. рублей в качестве единовременной выплаты, а также «гарантировал специальным договором передачу четвертой части доходов от добытой на этих участках нефти».

Среди состоятельных личностей дореволюционной Чечни А.-М. Чермоев выделялся тем, что являлся не только крупным предпринимателем и общественным деятелем, но также весьма щедрым меценатом.

Скажем, в группу пожертвований на финансирование общественных организаций входят благотворительные инициативы А.-М. Чермоева и его семьи в период избрания его председателем правительства Горской Республики. По сведениям исследователя О.Л. Опрышко (см. его работу «Кавказская конная дивизия. 1914 – 1917: Возвращение из забвения»), состоявшийся в мае 1917 года Съезд объединенных горцев Кавказа был полностью обязан своим созывом А.-М. Чермоеву, взявшему на себя все расходы по устройству съезда, а также по содержанию выделенного им Исполнительного органа Центрального комитета Союза объединенных горцев.

Кроме того, в число благотворительных начинаний А.-М. Чермоева входят его взносы на развитие средств массовой информации. О.Л. Опрышко приводит информацию от 7 мая в «Терском вестнике» под заголовком «Пожертвования горцев». Газета сообщала о том, что в Комитет свободных горцев поступил ряд пожертвований: Тапа Чермоев – 5000 рублей, им же для издания печатного органа выделено 10 000 рублей, а также супругой Чермоева – 5000 рублей. Уже в 1933 году, в Париже, на средства эмигрировавшего во Францию А.-М. Чермоева был основан журнал «Кавказ». Тапа Чермоев финансировал также журналы: «Вольные горцы» в Праге, «Северный Кавказ» в Варшаве. По сведениям исследователя Т.М. Музаева (см. его работу «Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г.»), А.-М. Чермоев принимал участие в общественной жизни горской эмиграции, в финансировании горских эмигрантских организаций и изданий. Супруга Тапы Чермоева, урожденная персидская княжна Хавар-Ханум Чермоева-Ибрагимбекова участвовала в финансировании Союза объединенных горцев и газеты «Горская жизнь».

В группу пожертвований на финансирование общественных и политических организаций входят также вклады одного из первых чеченских миллионеров, землевладельца, нефтепромышленника и общественного деятеля Ахметхана Эльмурзаева. Так, А. Эльмурзаев принимал участие в финансировании Союза объединенных горцев и Чеченского комитета, а также «финансировал деятельность Чеченского национального совета и проденикинского Совета по очищению Чечни от банд большевиков и Узун-хаджи».

Сравнительный анализ показывает, что благотворительные инициативы просветительского характера были достаточно широко распространены в дореволюционной России. К примеру, представитель династии известных русских миллионеров Морозовых, основатель Никольской мануфактуры Тимофей Савич выделял пожертвования на издательство «Русских ведомостей», а журналы «Голос Москвы», «Русское дело» и «Русское обозрение» издавались в значительной степени на средства представителей третьей ветви этого именитого семейства, Арсения и Давида Ивановичей. По данным исследователя Р.А. Губахановой, газету «Заря Дагестана», которую в 1913–14 гг. в Петербурге издавал С. Габиев, финансировала целая группа казакмухских купцов (Губаханова Р.А. Предпринимательство в Дагестане (1860–1917): Торговый капитал. – Махачкала, 2006. – С. 132).

Особую группу пожертвований составляют взносы в пользу больных и немощных. По сведениям уроженца с. Махкеты А.-В. Эльсахаджиева, его прадед, горский купец из чеченского селения Махкеты Веденского округа Джабраил Эльсахаджиев в начале XX века являлся наиболее состоятельным предпринимателем в пределах окрестных аулов. В старинном селении Махкеты он имел самый большой дом и собственные магазины. Несмотря на крутые и опасные горные дороги, этот купец доставлял в свой край товары, в том числе широкий ассортимент тканей из Петербурга, Москвы, Самары и других российских городов.

Джабраил Эльсахаджиев отличался милосердием. К примеру, этот купец нередко бесплатно выделял часть товара больным и малоимущим людям. Представляет интерес тот факт, что Эльсахаджиевы как представители имущего сословия были репрессированы и высланы в Казахстан еще до депортации чеченского народа. Одним из первых действий Д. Эльсахаджиева после высылки было сожжение массивной тетради с записями о должниках.

По сведениям С.З. Мирзоевой, ее прадед, крупный грозненский купец Абубакар Мирзоев вместе со своими братьями каждую пятницу (важный день для мусульман) устраивал благотворительные обеды для немощных в городской столовой для бедных, предоставлял свой кров всем своим близким. Некоторое время в одном из домов А. Мирзоева скрывался от царской охранки знаменитый абрек Зелимхан Харачоевский. При этом хозяин делал вид, что ничего не знает о своем госте, а тот был абсолютно

уверен, что Мирзоев не выдаст его властям.

По сообщению Т.А. Мациева, его дед, купец Г.М. Мациев, оказывал солидную материальную помощь неимущим, к примеру, выделял скот землякам, оказавшимся в большой нужде.

Шейх Дени Арсанов до событий 1917 г. (и своей гибели во время мирных переговоров в станице Грозненской в том же 1917 году) продолжал участвовать в общественной благотворительности, в том числе раздавал милостыню, выступал в роли миротворца.

По сообщению Т.М. Музаева, оказавшийся в эмиграции лидер национальной буржуазии Северного Кавказа А.-М. Чермоев оказывал материальную помощь абсолютно всем нуждавшимся, в том числе горским эмигрантам, однополчанам по царскому конвою и «Дикой дивизии», знакомым по Петербургу, Грозному, Владикавказу, Тифлису. Представляет особый интерес факт о пожертвованиях первого чеченского миллионера А.-М. Чермоева в пользу находившейся в эмиграции вдовствующей российской императрицы Марии Федоровны, матери Николая II. Бывшая императрица бедствовала за рубежом. Узнав об этом, А.-М. Чермоев послал ей крупную сумму денег из своих «тающих миллионов» и впоследствии продолжал оказывать ей существенную финансовую помощь. По сведениям Т.М. Музаева, «эти перечисления стали регулярными, о чем свидетельствует благодарственное письмо, которое императрица направила верному офицеру. Пансион английского короля и пожертвования Тапы позволили Марии Федоровне относительно безбедно жить в Дании» (Газ. «Объединенная газета», 23 августа, 2005).

Актуальным представляется вопрос о соотношении размеров капиталов предпринимателей и выделяемых ими пожертвованиях. Мы не располагаем достаточным объемом сведений для того, чтобы сделать выводы относительно всего чеченского предпринимательства, однако можно утверждать, что фамилии наиболее состоятельных местных промышленников и купцов (Абдул-Меджида Чермоева, Дени Арсанова, Абубакара Мирзоева, Гехи Мациева и др.) встречаются в списках жертвователей чаще остальных, а их разовые пожертвования нередко являлись солидной долей от имеющегося у них капитала.

Таким образом, благотворительность можно считать характерной чертой чеченского предпринимательства в целом, так как пожертвования делались многими промышленниками и купцами. При этом, если в течение первой половины XIX века предпринимателей, отдавших значительные капиталы на благотворительные нужды, было не так много, то с ростом экономического развития в регионе в конце XIX – начале XX вв. появилась тенденция к увеличению числа жертвователей.

Произошедшие на рубеже XIX и XX веков значительные социально-экономические изменения в жизни Чечни, как и всего региона, вызвали в области благотворительности следующие тенденции: во-первых, увеличение числа крупных пожертвований и, во-вторых, рост числа сфер приложения жертвуемых капиталов. Увеличилось число пожертвований на науку, образование, искусство. Это было связано с появлением в этот период достаточно богатых нефтепромышленников и купцов, расширением образовательных, культурных потребностей и запросов местного населения, появлением ряда различных учреждений, общественных и политических организаций, а также печатных изданий, нуждавшихся в материальной поддержке.

Светлана Айсханова**Наставник своего времени**

К 104-летию со дня рождения
Шамсуддина Айсханова

Один из основоположников чеченской литературы, писатель Шамсуддин Айсханов родился в 1907 году в селении Лаха-Невре, в семье крестьянина. Он был моим самым старшим дядей. Его отец и мой дед Айсханов Ката прожил 112 лет и вырастил 6 сыновей и 6 дочерей. Дедушка и бабушка Бесерт (это ее образ запечатлен в одном из произведений Ш. Айсханова) до самых последних своих дней любили друг друга и жили в мире и в согласии. Дедушка Тата, так мы все его называли, был очень добрым, мудрым и отзывчивым человеком. Не удивительно, что в такой замечательной семье родились ныне известные и любимые народом сыновья: поэт и писатель Шамсуддин Айсханов, Бауддин – образованный и добрейший человек, к советам которого прислушивались многие. А также – Салавди, бравший рейхстаг в Берлине вместе с Мовлади Висаитовым, Салман – поэт и журналист 60–70-годов XX века, проживший немного, но успевший написать стихи, ставшие в народе популярными песнями; Осман – известный в нашей республике как руководитель и общественный деятель, Султан – неугомонный человек, профессор медицины, академик, хирург высшей категории, которого знают не только у нас в России, но и за рубежом.

Отец Баудин рассказывал мне и моим братьям, что дядя Шамсуддин был с малых лет умным, рассудительным, спокойным, любил своих родителей, уважал родных, никогда не искал легких путей. Главной целью в своей жизни считал учебу, никогда не сбивался с праведного пути, и за это его любили все родные и близкие. Характер его был веселый, жизнерадостный, и каждый раз, читая стихи, поэмы, рассказы Шамсуддина, убеждаешься в этом.

Когда Шамсуддин успешно окончил школу, отец решил дать ему возможность продолжить образование. С этой целью Ката Айсханов переехал в Грозный и устроился на работу в каменный карьер «Красная турбина» на Старых промыслах. Здесь же в 1926 году Шамсуддин вступает в комсомол, а в 1928 – в партию, заканчивает партийную школу, одновременно работая в областной комсомольской организации. После окончания совпартшколы его назначают редактором газеты политотдела машинотракторной станции, где он работает в 1933–1934 годах, одновременно исполняя обязанности председателя правления Союза писателей Чечено-Ингушской автономной области. Позже, вплоть до своего ареста, писатель возглавлял республиканский радиокomitee.

За недолгие годы творческой деятельности Шамсуддин Айсханов успел многое сделать. Первые его стихотворения появились в периодической печати, когда ему было 18 лет (1925). С первых же шагов в творчестве он проявил себя как поэт, прозаик, драматург, публицист, а позже и как педагог, составитель и автор учебников, переводчик и общественный деятель.

Шамсуддин Айсханов – инициатор издания и составитель сборника «Поэты Чечено-Ингушетии». В эту книгу, издававшуюся дважды на русском языке, вошли и его стихи.

«Наставником своего времени» назвал Айсханова Шамсуддина Катаевича поэт Магомед Сулаев. Свою творческую деятельность он начал под влиянием основоположника чеченской литературы Саида Бадиева. Успехи его в творчестве действительно были впечатляющими – такими, что именно Шамсуддину Катаевичу Айсханову – человеку незаурядному, многосторонне одаренному, товарищи доверили возглавить делегацию

Чечено-Ингушетии на 1-м съезде писателей СССР (1934 г.) и выступить на нем с речью о состоянии дел в чечено-ингушской литературе.

С 1928 года произведения поэзии, прозы и публицистики Шамсуддина Айсханова регулярно появлялись в республиканской печати. С 1931 по 1934 годы были опубликованы повесть «Белая курица», поэма «Хава», пьесы «Борьба» и «Мы будем учиться», очерки «Колхозник на курорте» и «Бригада ударников», рассказ «Непутевый Шаби», сборник стихов и поэм «Люблю бригадира» и т.д.

Шамсуддин Айсханов был знатоком чеченского фольклора, записал и издал много произведений устного народного творчества. Он является автором и составителем учебников чеченского языка, букварей и хрестоматии. К тому же Шамсуддин Айсханов был прекрасным переводчиком русских и европейских поэтов. Свои первые стихи он написал в 1915 году, будучи учеником сельской школы Солты Хакишева. С 1929 года молодой поэт увлекается чтением иностранных книг в переводах. Внимательно изучает творчество И. Тургенева, Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького. Его перу принадлежат переводы стихов Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других русских поэтов и писателей. Многие из них вошли в книгу «Избранных произведений» писателя, изданную в Грозном в 1964 году, наряду с лучшими стихами, поэмами, рассказами и очерками Шамсуддина Айсханова. В последний раз его стихи были опубликованы в «Антологии чечено-ингушской поэзии», изданной в Грозном в 1981 году. А совсем недавно республиканское книжное издательство выпустило книгу «Писатели Чечни» А. Кусаева, в которой также содержатся сведения о Ш. Айсханове.

К написанному об Айсханове Ш.К. хотелось бы добавить некоторые подробности из его личной жизни. Счастливой семейной жизнью жил Шамсуддин в г. Грозном. У него были жена Ану и маленький сын Майрудди. Светлыми были его мечты о будущем. Но его судьбу решили «сильные мира сего». Как упоминалось ранее, Шамсуддин Айсханов, представитель чеченской и ингушской литературы, во главе делегации Чечни был послан на первый съезд писателей. После своего яркого и эмоционального выступления, воспринятого слушателями с нескрываемым интересом, под бурные аплодисменты Айсханов стремительно сорвался с трибуны и, подлетев к писателю М. Горькому, прошелся бешеным танцем перед ним, источая в этом порыве все свое восхищение перед мастером пера страны.

В Москву приехали не только писатели, но и представители народа – творцы истории, начиная с Гражданской войны и первых строек социализма. Здесь собралось много знаменитостей: молодой человек в лихо заломленной кубанке – легенда советской страны Аркадий Гайдар, в 16 лет командовавший полком; высокий красавец Александр Фадеев – бывший даурский партизан; Алексей Толстой, русский барин, граф, эмигрировавший, но вернувшийся домой; Лидия Сейфуллина – автор нашумевшей повести «Виринея»; Лариса Рейснер – легендарная женщина, писатель-журналист и просто красавица; загадочный Билль-Белоцерковский, автор знаменитого «Шторма». Обо всех них много слышал Айсханов. Теперь он имеет возможность пообщаться с каждым из них, что и делает. Его стремление выразить свое отношение к первому писателю СССР в танце стало его роковой ошибкой.

По мнению Лаврентия Берии, Айсханов позволил себе выразить свое восхищение писателю, а не вождю – и тем самым подписал себе страшный приговор.

Встречать писателя, который возвращался из Москвы, вышел весь Надтеречный район. Но в поезде Шамсуддина не оказалось. Нет тайн, которые не стали бы явными. Пришла весть: состав был остановлен по требованию двух «воронков», кого-то оттуда высадили и увезли. Правда, в тот раз ему повезло – его отпустили, чтобы уже в следующем году забрать навсегда.

В 1937 году многие прогрессивные литературные и иные деятели Чечни были названы «врагами народа». Под фамилией Айсханова сталинским ищейкой А.А. Ждановым была проведена черная черта. Этой же участи подверглись С. Бадиев, А. Дудаев, А. Ножаев, А. Мамакаев, М. Мамакаев.

Холодным осенним вечером Шамсуддин, Ану, Майруддин и моя тетя Асет слушали по радио войнахские песни. Вдруг, прервав передачу, произнесли имена «врагов народа». Произведение Ш. Айсханова «Аьто боьхна буйса» перекликается с этим печальным вечером осени.

На второй день вечером двое вооруженных людей увели безвинного Шамсуддина от любимых им людей и очага, как потом выяснилось, навсегда.

Перед своим уходом он оставил маленькую записку со словами: «Не волнуйтесь, я ни в чем не виноват. С помощью Аллаха я вернусь».

После этого о моем дяде долго не было вестей. Он числился среди «без вести пропавших». Мои родители, как все чеченцы и ингуши, были репрессированы. Семья моего отца Айсханова Баудина Катаевича, второго из детей Каты, очутилась в Темир-Тау. Сколько себя помню, Баудин, мой отец, все время посылал в Москву на имя председателя правительства письма. Позднее он продолжал писать о пропавшем брате главе государства Н.С. Хрущеву.

И вот, наконец, в 1956 году отец получил на все многочисленные письма ответ. Телеграмма заместителя Н.С. Хрущева гласила: «Ждите в ближайшее время вестей о вашем брате Айсханове Ш.К.».

К этому времени от семьи Шамсуддина не осталось никого. Не выдержав разлуки с любимым мужем, умерла Ану, а вслед за ней, заболев, умер и сын Шамсуддина Майруддин.

Вскоре пришла вторая телеграмма (это было зимой), которую мы ждали с нетерпением. Я это хорошо помню. Мне тогда, родившейся в изгнании, было всего 9 лет.

В телеграмме было написано: «Айсханов Шамсуддин Катаевич скончался от сотрясения мозга в 136-й тюрьме, в камере №7». Он был расстрелян по приговору так называемой «тройки» НКВД 11 марта 1938 года.

Получив эту черную весть, отец открыл ворота и все родные и близкие, наши друзья казахи, русские, все соседи пришли к нам соболезновать. Это было зимой 1958 года. И в том же году он был реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

Незабываемые слова Шамсуддина:

Лергана хезна доцу,
 Дагца кхиъна доцу,
 Коъртахъ сецна доцу
 Тьшалла дин,
 Бляьрг тIе бляьрг хIоттина.
 Бацан а, хин а, тIулган а
 Каравелла ас иза!¹...

– навечно остались в нашей памяти, как слова о предательстве, которое было совершено по отношению к нему и к его соратникам.

Так, без могилы, как исчезнувшая звезда на небе, исчез с лица земли истинный сын своего народа Айсханов Катин Шамсуддин, которого мы никогда не забудем.

¹ Не слыханное ухом./ Не возвращенное в сердце./ Не задержавшееся в голове./ Свидетельство даю./ Глядя в глаза./ Траве, воде, камню/ Отдал я его... (подстрочный перевод).

Абу Исмаилов**Смерть поэта**

Поэты во все времена являлись олицетворением совести народа. В периоды исторических катаклизмов и потрясений они чаще всего находились над схваткой и выражали сокровенные чувства молчаливого большинства. Они становились изгоями во властных кругах. И каждый из них покорял свою Голгофу.

С молчаливого благословения венценосного правителя России были спровоцированы на дуэль и застрелены ничтожными подонками величайшие русские поэты Александр Пушкин и Михаил Лермонтов.

В застенках немецко-фашистского концлагеря Моабит от рук гитлеровских палачей принял мученическую смерть замечательный татарский поэт Муса Джалиль.

Приспешники другого фашиста, Франко, загубили яркого испанского поэта Федерико Гарсиа Лорку.

Чилийский поэт и певец Виктор Хара был также мученически убит подручными генерала Аугусто Пиночета.

Сотни и тысячи советских писателей и поэтов в 30–40-х годах прошлого столетия с молчаливого (а может быть, устного или даже письменного) благословения Иосифа Сталина были загублены в застенках ВЧК-ОГПУ-НКВД. И среди них были выдающиеся чеченские писатели и поэты: Саид Бадиев, Абди Дудаев, Шамсудди Айсханов.

Все они погибли безвинно. Они были честны перед Всевышним, перед народом и своей совестью. Они говорили правду. Они любили жизнь во всем ее многообразии. Любили не только человечество, но и каждого отдельного человека. Они были величайшими гуманистами и интернационалистами и навсегда останутся в памяти людей не только как поэты, но и как выдающиеся личности и граждане своих стран и всего мира.

Канули в вечность те жестокие времена. Но нелепая и слепая смерть продолжает свою работу.

Недавно этот славный и скорбный список пополнился еще одним ярким именем. Неизвестный преступник погубил замечательного человека, Поэта.

Информационные источники сообщили печальную весть:

«В ночь с 15 на 16 ноября в Москве неизвестным убийцей был застрелен известный чеченский поэт, великий гражданин России Руслан Ахтаханов.

Руслан Абуевич Ахтаханов в последнее время занимал должность проректора Современной гуманитарной академии (Москва), генерального директора развития Центров доступа СГА в экстремальных условиях.

В течение нескольких лет он был генеральным директором учебных центров СГА в Чеченской Республике.

По данным на 2006 год, в СГА обучались 85 тысяч человек, 13 тысяч из которых – выходцы из Чечни. В республике было 20 филиалов СГА, в которых обучались 8 тысяч человек. СГА занимается, в частности, дистанционным обучением.

9 июня 2009 года Руслан Ахтаханов был единогласно принят в Союз писателей России. К тому времени им было написано и издано 7 книг. Членом Союза Ахтаханов стал после выхода в свет стихотворного сборника «Горжусь Чечней, героев подарившей миру».

В том же году Руслан Ахтаханов получил специальный приз ежегодной премии Артема Боровика «За твердую интернационалистскую позицию в жизни и творчестве». Награда была вручена за стихотворный сборник «Горжусь Чечней, героев подарившей миру». Премия Артема Боровика, учрежденная в 2001 году, присуждается за творческие достижения в области независимой журналистики и журналистских расследований в российских СМИ.

Всего он написал и издал семь книг. Полный перечень стихов Руслана доступен на официальном сайте поэта.

Р.А. Ахтаханов

Руслан Ахтаханов был Почетным работником высшего профессионального образования РФ».

Эта весть стала печальной не только для родных и близких Руслана Ахтаханова. Все добропорядочные люди в Чечне, России и во всем мире восприняли ее как личную боль и потерю дорогого и близкого человека.

Я познакомился с Русланом в 1991 году. Это был энергичный и целеустремленный человек, который очень хотел помочь своему народу, старался сделать что-нибудь полезное для Чеченской Республики. Поэтому, очень часто безоглядно, иногда, даже авантюрно, окунался он в общественную деятельность. Он затевал грандиозные проекты и, что удивительно, успешно претворял их в жизнь.

Надо сказать, что в те годы он себя не позиционировал как поэт. По крайней мере, я об этом не слышал и не замечал. Вполне возможно, что он тогда еще не решался представлять свои стихи на суд читателя.

По всей вероятности, Руслан Ахтаханов серьезно начал писать стихи в плену, в зиндане, без надежды на благополучное освобождение. И первым среди них было стихотворение «Пока раздоры правят миром».

Это очень зрелые и мощные по накалу страстей, мужественные строки, написанные человеком, оказавшимся в ситуации за гранью добра и зла:

Пока раздоры правят миром
И души давит нам война,
Мы с вами все – мишени в тире –
И жизнь на смерть осуждена.

Пока истории чернила –
Всех пострадавших наших кровь –
Нам белый свет не будет милым,
Не будет править в нем любовь.

Мы все – заложники у судьбы,
Но трижды в них заложник тот,
Кто в грабежах удачу удит,
Кто горе ближнему несет,

Разбогатеть желая сразу,
Идет на кражи и разбой...
Всевышний отнимает разум
У тех, кто причиняет боль.

Не нам дано, изгой века,
Над нашей совестью довлеть,
За похищение человека
Вам в адском пламени гореть.

И даже в этой жизни вора,
Живя затворниками зла,
Вам не отмыться от позора
За эти черные дела!

Обращаясь к читателям на своем официальном сайте, он писал: «Я призываю каждого человека стать более свободным, отделаться от лжи, страха и лести, найти достойное место в этом не только светлом, радостном, но и полном безумия, абсурда, страданий и печали мире.

Действительность, которая порой гораздо страшнее, чем мы можем себе представить, в одночасье предложила мне роль проводника по безмерно трагической истории моего народа. Проведя 47 суток в плену у бандитов, сидя в душном зиндане, я почувствовал, что Всевышний вкладывает в мою руку перо, чтобы отныне я мог писать о своих земляках-героях, об отзывчивых и добрых людях Отечества и других стран мира, которые в разное время искренне сочувствовали и помогали чеченскому народу.

Сегодня я знаю имена моих мучителей, знаю истинную цену им и их поступкам, но я не собираюсь им мстить, я их простил, как призывает меня Великий Источник

Истины – Коран. Всевышний рассудит нас.

В сущности, вся история мировой культуры – это процесс освобождения человечества от дикости и невежества. У невежества есть родная сестра – варварство. Там крах культуры и нравственности. Человечество против невежества избрало спасительное средство. Имя ему – знания, которые мне, благодаря информационно-телекоммуникационным технологиям Современной гуманитарной академии (Москва), удавалось даже под градом тяжелых бомб доставлять во все районы Чеченской Республики.

За такую судьбу, подаренную мне Аллахом, искренне Ему благодарен. Чувства свои я попытался выразить в стихотворении «Через Тебя явилось озаренье»:

Прими, Всевышний, все благодаренье
За благодать, щедро спущенную нам:
Через Тебя явилось озаренье —
Творить назло жестоким временам.

Ты уберег от смерти неминуемой
Меня, семью и мой достойный род,
Когда война закручивала круче
И мы судьбу переходили вброд.

А коли так, храни меня подольше,
Позволь пройти мне с лирой по стране,
Позволь детишкам книжек дать побольше
И распахнуть дорогу им к весне.

Спасибо, что в Чечню посланцем знаний
Ты средь достойных выбрал и меня...
Учителя живут не ради званий,
Тем паче в схватке жизни и огня.

Смею надеяться, дорогие друзья, что некоторые стихи из разных моих книг серии «Чеченский след в российской и мировой истории», которые я буду выносить на ваш справедливый суд, помогут всем нам духовно возвыситься, еще сильнее полюбить жизнь, почувствовать ее полноту и животворную силу. Я очень надеюсь, что многие из вас запишутся в «Клуб друзей чеченского народа», двери которого открыты со дня появления данного обращения в Интернете.

Очень надеюсь, что общие идеи и мысли приведут нас к тому, что мы обретем жизнь вдохновенную, счастливую, согретую для каждого из нас теплом родного очага».

Узнав о трагической гибели духовного лидера чеченского народа, 1-го Президента Чеченской Республики, Героя России, мученика, павшего от рук врагов веры и справедливости, незабвенного Ахмат-хаджи Кадырова, он написал полные скорби и боли стихи:

Блажен лишь тот, кто осознал призванье
В борьбе за справедливость и мораль,
Кто в ней при жизни получил признание,
Пытаясь в душах разогнать печаль
Священную строкою из Корана
И верностью традициям отцов,
Спасая от духовного тирана
Отстроенный давно народом кров.

Таким он был, Ахмат-хаджи, при жизни,
Вручивший героизма нам секрет —
Как водрузить над бедами Отчизны
Сплетенный из достоинств минарет,
Чтоб навсегда под ним исчезли грозы,
Грозящие дамокловым мечом,
Чтоб матерей не проливались слезы
В аулах, уничтоженных огнем.

Он видел место подвигу в прощенье,
 Которое нам завещал Аллах,
 А не в жестоком и коварном мщенье,
 Несущем кровь и неизбежный крах.
 В годину судьбоносных испытаний,
 Без колебаний защитил он край
 И, возвратив людей с тропы скитаний,
 Он мучеником вмиг вознесся в рай.

Какое счастье из садов Аллаха
 С любовью благосклонной наблюдать,
 Как продолжает сын спасать без страха
 Чеченскую земную благодать
 От пагубных для духа увлечений
 И от разгула чуждых нам страстей,
 Как он стремится силою учений
 Сплотить уставших от войны людей.

Среди стихов погибшего поэта, который не видел будущего своего народа вне России, есть и строки, посвященные нынешнему главе Чечни Рамзану Кадырову.

Немало на планете президентов,
 Готовых все за Родину отдать,
 Но не найти в анналах прецедентов
 Умению Рамзана низвергать

Казалось бы, гранитные преграды,
 Воздвигнутые подлостью из зла:
 Смели их президентские бригады
 И искрой духа вмиг сожгли дотла.

В Чечне провозгласили всенародно
 Гражданские свободы и права,
 И, зло словив, царят бесповоротно
 Реальные дела, а не слова.

Народ и президент родной Отчизны
 Раз навсегда определили цель:
 Построить счастье, что зовется жизнью,
 В Чечне, а не за тридевять земель.

А вот что написал во вступлении к книге Ахтаханова живущий ныне в Москве, Абуязид Эштиев : «Мои сверстники с глубоким уважением и восхищением относились к этим талантливым, благородным, особо одаренным людям, героям мирных будней и суровых военных лет – прославленным защитникам Отечества, писателям, поэтам, педагогам, артистам, музыкантам и спортсменам. Сегодня к этой славной когорте деятелей по праву относится поэт, писатель, ученый и просветитель, становление которого неразрывно связано с Притеречьем – профессор Руслан Абуевич Ахтаханов.

Трудно по достоинству оценить и выразить свое отношение к широкому спектру деятельности автора этого беспримерного по содержательности и охвату судеб людей и событий бесценного труда – человеку, несомненно, мудрому и талантливому, уже известному не только в России, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Человеку, при всем этом, продолжающему оставаться удивительно простым, гуманным и доступным.

Видимо, Всевышним было предопределено Руслану свое особое место в этом мире: быть полезным и нужным людям, творить прекрасное и дарить людям надежду своим солнечным талантом, убеждать читателей и учеников своих в том, что каждый следующий день будет лучше, чем нами прожитый.

Бесспорны заслуги Руслана в области образования, его вклад в дело просвещения и воспитания молодежи разоренной, но возрождающейся Чечни. Он дарит частицы своего сердца каждому из тысяч своих студентов, которые будут завтра сами учить,

просвещать, строить, лечить, оберегать от бед и гроз жителей Чечни – граждан многоликой России. И нет никакого сомнения в том, что доброе семя, посеянное в их душах Р. Ахтахановым, даст прекрасные всходы, и его ученики обязательно повторят и продолжат добрые дела своего учителя, откроют новые горизонты верного служения народу и государству».

За последние два десятилетия Руслан Ахтаханов успел много сделать, для того, чтобы показать миру истинный дух и благородство чеченцев.

«Горжусь Чечней, героев подарившей миру» – так называется последний сборник автора, представленный на суд читателей. В книге собрано свыше 300 стихотворных посвящений выдающимся людям, как чеченцам, так и представителям других народов, оставившим заметный след в чеченской истории и культуре.

Руслан Ахтаханов был, как мы заметили выше, большим интернационалистом. Несколько произведений из книги «Горжусь Чечней, героев подарившей миру» автор посвятил великим осетинам. Коста Хетагуров, основоположник осетинской литературы, отмечен Ахтахановым как гневный обличитель притеснителей горцев, в том числе чеченцев. Интересное сравнение использует автор в стихотворении, посвященном Коста:

...Готов его сравнить с канатоходцем,
Который уронил свой балансир:
Его не понимает современник,
Преследует безнравственная власть.
Он вечно у своих творений пленник –
Одних проблем печальная напасть.

Еще одно стихотворение Ахтаханов посвятил заслуженному тренеру СССР Асланбеку Дзгоеву, внесшему неоценимый вклад в становление и развитие вольной борьбы на Кавказе:

...Труд истинного гения священен....
Он дарит миру истинных героев,
Которыми гордится человек.
Тому пример – атлант Кавказа Дзгоев,
Захара сын – бессмертный Асланбек.

Теплые строки Ахтаханова адресованы и генерал-полковнику Хаджи-Умару Мамсурову, отважному, легендарному разведчику, Герою Советского Союза. Поэт пишет:

Им восхищался сам Хемингуэй
И даже вероломные франкисты.
Не мог укрыться от него злодей,
Подавшийся по глупости в фашисты,
Которого он накрывал огнем
До самого злосчастливого Берлина.
Один просчет – взять Гитлера живьем –
Не вышло у лихого осетина.

Творческое наследие поэта огромно. Оно малоизвестно широкому кругу читателей. Пользователи Интернета имеют возможность читать его стихи. Они заслуживают большего внимания и изучения со стороны литературоведов, любителей словесности, поскольку являются жемчужинами чеченской русскоязычной поэзии. И имя поэта Руслана Ахтаханова по праву будет вписано в анналы истории чеченской поэзии рядом с именами Вахита Итаева, Райсы Ахматовой, Умара Яричева, Розы Талхиговой и другими. В своем замечательном стихотворении «Человека нельзя убивать» он утверждает незыблемый постулат гуманизма:

Человека нельзя убивать,
Даже если он подлый злодей.

Никому не дано прерывать
Жизнь рожденных Всевышним людей.

Человека нельзя убивать
И решением присяжных суда.
Жизнь ему должен суд даровать,
Смерть любого – большая беда.

Человека нельзя убивать
Никогда, ни за что, никому.
А вакцины добра прививать –
Чтоб грешить не хотелось ему.

Человека нельзя убивать,
Смертным жизнью нельзя торговать.
Человека нельзя убивать!
Человека нельзя убивать!

Поэт в который раз утверждает, что библейское «не убий!» должно стать нормой жизни в человеческом обществе, а не высокопарным лозунгом. Однако убийца недрогнувшей рукой оборвал жизнь Поэта. Одним из ярких образцов поэзии Ахтаханова является и своеобразный автореквием – это предчувствие, это пророческое предсказание своей кончины.

«В свой смертный час с тобою говорю» – стихотворение, в котором лирический герой умирает от пули:

Боль сердца моего, моя Отчизна!
В свой смертный час с тобою говорю.
Что я могу оставить, кроме жизни?
И вот тебе ее я отдаю.
Мой прах навеки будет успокоен
В родной земле. Что выше может быть!
Того достоин с честью павший воин:
Отныне, знаю, вечно будем жить.

Не плачьте Вы по нас –
по павшим в битвах,
Но преклонив колени на намаз,
В своих о счастье Родины молитвах
Хоть иногда, да поминайте нас!
Не забывайте тех, кто в эту бурю
Одним лишь сердцем на исходе сил
На Родину направленную пулю
Хотя б одну собой остановил.

Чечня моя, как рано ухожу я!
Любовь к тебе я уношу с собой.
Пусть жизнь мою –
потерю небольшую,
Ты не заметишь в битве роковой,
Но пусть она крупинкой безымянной,
Как искра, вспыхнет в жертвенном огне,
Приблизив свет надежды долгожданной
В кровавой и безжалостной войне.

Не стало человека, но с нами остался его светлый образ – Гражданина и Поэта, остались его пламенные стихи, призывающие нас помнить о том, что мы люди и должны оставаться людьми при любых катаклизмах, ниспосланных нам свыше.

Хамзат Умхаев**«Историческое» мифотворчество**

С ростом национального самосознания наука становится на службу казенному патриотизму, и тогда историография начинает отходить от истории. Факты или неверно освещаются, или фальсифицируются в угоду возникающему на прошлое взгляду.

Олжас Сулейменов

Человек, как правило, помнит все хорошее или плохое, что было совершено в его отношении со стороны других людей. Поддержка и помощь, оказанная тебе в то время, когда ты нуждался в ней наиболее остро, бесценна. О ней с благодарностью вспоминают всю жизнь. Не стирается в памяти и безучастность людей, тем более – вероломство или предательство с чьей-либо стороны. Особенно, когда все это исходит от твоих друзей и близких. Первое – облагораживает отношения между людьми, одухотворяет и объединяет их. А второе, наоборот, – вызывает низменные чувства, озлобляет и разъединяет людей.

В самое тяжелое для чеченского народа время, когда в результате известных нам событий он был на грани физического уничтожения и реально стоял вопрос быть или не быть ему в будущем, чеченцы нашли приют и убежище у своих братьев-ингушей. Этот акт братской помощи на всю жизнь останется в благодарной памяти чеченского народа. Дела реза хуьлда, гIагдайна шайна тIебаьхкинчу нохчашна гIо мел динчарна!

Но в то же самое время из-под пера отдельных ингушских авторов вышли ряд не достойных порядочных людей (нах болчу нахехь товш доцу) клеветнических статей и книг, фальсифицирующих историю Чечни и оскорбляющих достоинство чеченского народа. Такие ингушские деятели от науки, как, например, И. Абадиев, Н. Кодзоев, А. Танкиев, Р. Сагов, засветившиеся своим «творчеством», а также те, кто не засветился, но, безусловно, стоит за целенаправленной кампанией по дискредитации чеченского народа, покусились на самое святое для любого народа – его историю. По всей видимости, вышеназванные авторы решили, что с чеченцами все кончено и, как говорится, принялись «делить шкуру неубитого медведя».

Что касается чеченских ученых, то они, в целом, проигнорировали эти античеченские выступления некоторых своих самостийных собратьев и коллег. Сделали они это, во-первых, потому, что чеченскому народу тогда было вовсе не до вопросов своего этногенеза, решался вопрос его физического существования. Во-вторых, провокационную стряпню о чеченцах писали практически неизвестные научной общественности любители истории и устного народного творчества, «творения» которых не выдерживали никакой объективной критики. В большинстве случаев они основывались на голословных утверждениях, в лучшем случае – на так называемых ингушских «преданиях», «легендах» и «генеалогических схемах», зачастую сочиненных на скорую руку как самими представителями этих генеалогических династий, так и специалистом по «историческому» мифотворчеству И. Дахкильговым.

Отсутствие должной реакции на эти выпады объяснялась еще и тем, что чеченцы воспринимали это как издержки роста складывающейся молодой ингушской народности и как попытки ее лидеров создать любой ценой собственную, отличную от чеченской, национальную идентичность ингушей. Как известно, ингуши в массовом сознании российского и зарубежного обывателя до сих пор ассоциируются с чеченцами, и им приходится принимать массу усилий, чтобы доказать свою «самость».

Исходя из несомненной исторической общности судеб чеченского и ингушского народов (оскорбляя чеченцев, ингуши, прежде всего, оскорбляют самих себя, и наоборот) в Чечне надеялись, что фальсификаторов прошлого братских народов, провоцирующих межнациональную напряженность, призовут к ответу сами ингуши, а их мифотворчество будет жестко пресечено. Но не тут-то было.

Крайне опасные как для нашей страны в целом, так и для конкретно кавказских

народов идеи национальной исключительности и превосходства одного народа над другими (в нашем случае просто смешные) не только не были категорически запрещены, а из полулегальных, самиздатовских статей и брошюр благополучно перекочевали в довольно таки солидные издания, претендующие на научность. Это учебные пособия для школьников, различные издания по истории Ингушетии, официально выходящие под грифом Министерства образования Республики Ингушетия, Ингушского государственного университета, Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева.

Так, к примеру, в 2002 году вышло до предела напичканное всевозможными националистическими пассажами учебное пособие для 7-9 классов общеобразовательных школ некоего краеведа Н.Д. Кодзоева «История ингушского народа с древнейших времен до конца XIX века», по которому обучают детей в школах Ингушетии. В этом же году вышел сборник «Г1алг1ай турпала иллеш» (составитель М.А. Матиев, научный редактор И.А. Дахкильгов) с «ингушскими» героическими песнями, большинство из которых на самом деле – чеченские. В 2005 году выходит вторая книга И. Абдиева «Эздел – формула земной жизни», «доказывающая» национальную исключительность ингушей и превосходство ингушского народа над соседними кавказскими народами. В 2007 году вышла книга А.Х. Танкиева «Эздел – ингушская этика» (до этого, в 1997 году, вышла его же книга под названием «Духовные башни ингушского народа»), в которой автор, уничижительно отзываясь о культуре и традициях соседних народов, пытается записать за ингушами все духовно-нравственное наследие не только нахов, но и народов всего Кавказа. В 2011 году выходят довольно внушительные по объему и солидные по оформлению и иллюстрациям издания «К древней и средневековой истории ингушей» (сборник статей, составленный А.-М. Дударовым и Н. Кодзоевым) и «История Ингушетии» (труд авторского коллектива сотрудников Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева). В данных изданиях продолжается пропаганда идей «избранности» ингушского народа и «доказывается» тезис о происхождении не только чеченцев, но, как минимум, всех народов Кавказа и Передней Азии от ингушей.

Как мы видим, идет усиленная накачка ингушской молодежи чрезвычайно опасными националистическими идеями. Это своего рода мины замедленного действия, которые, при нашем бездействии, очень скоро начнут взрываться. Мы хорошо помним, к какой трагедии привела такая же накачка на рубеже веков в Чечне. Не замечать этого и молчать – преступно.

Так как в рамках небольшой статьи невозможно проанализировать все вышеназванные издания, остановлюсь на довольно-таки объемистой книге «История Ингушетии», вышедшей в 2011 году под эгидой Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева во главе с известным фольклористом, доктором филологических наук, профессором Ибрагимом Дахкильговым.

Книга издана тиражом в 1000 экземпляров. В редакционную коллегию издания, кроме самого Ибрагима Дахкильгова, входят: З.Р. Дзуматова, М.Б. Долгиева, М.М. Картоев – зам. отв. ред., М.А. Матиев, Р.С. Хаутиев. Рецензентами являются доктор исторических наук, профессор М.А. Агларов и доктор исторических наук, профессор Т.С. Цолоев.

Для придания большей основательности и значимости своей работе авторы «Истории Ингушетии» предварили ее вступительным словом Президента Республики Ингушетия Ю.-Б.Б. Евкурова, который высоко оценил труд коллектива Ингушского НИИ (по всей видимости, он не был знаком с содержанием книги и тем самым банальным образом подставлен). Ю.-Б. Евкуров пожелал авторам «не останавливаться на достигнутом и продолжать совершенствоваться и дополнять данное исследование» (с. 5).

Чтобы не быть голословным, приведем некоторые примеры из данного издания, наиболее ярко демонстрирующие откровенный дилетантизм и отсутствие научности в сомнительных изысканиях его авторов.

На 16 странице введения авторы издания называют ингушскими практически все общества Чечни, кроме нохчмахкаховцев (их, скорее всего, оставили, так сказать, «на закуску», ведь они же тоже являются выселенцами из горного Нашха) – Аьккхий, Орстхой, Маьлхий, М1айстой, Кей, Т1ерлой, Мулкъой, Шотой, Ч1аьнтий, Шарой, Ч1инхой, Чебарлой. «Все эти этнотерриториальные группы были изначально ингушеязычными и развивались в едином этнокультурном пространстве», – заявляют авторы, не постаравшись привести ни одного доказательства своему оригинальному

заявлению. Насколько это соответствует действительности, думаю, нет никакой нужды доказывать, достаточно сказать, что все эти общества являются основой чеченского народа, так же, как таковыми до конца XVIII века являлись и несколько западных нахских (нахчийских) обществ, на основе которых впоследствии образовался ингушский народ.

Авторы совершенно верно замечают, что Кавказская война «оказала огромное влияние на весь ход последующей истории региона. В том числе она способствовала существенному перекраиванию исторически сложившихся этнических границ, формированию новой этнополитической ситуации, заключающейся, прежде всего, в строгом разделении на административно-территориальные единицы территории Северного Кавказа и упорядочение в рамках последних горских народов». Но они делают из этого совершенно неверный и по сути своей абсурдный вывод. Вот что они пишут: «В частности, именно такое влияние Кавказская война оказала на этнополитическую историю ингушских этнотерриториальных групп, расселявшихся в XIX веке на территории современных Ингушетии и Чечни, в горах и на плоскости от Терека и до Аргуна» (с. 18-19). Вот оно как! На самом деле все было как раз ровно наоборот. Действительно, именно Кавказская война и то, что ингуши не приняли к этому времени ислама (хотя процесс перехода западных нахчийских обществ в мусульманство к тому времени уже начался) – были одними из основных факторов разделивших единый нахчийский этнотерриториальный субстрат на два народа. Царская Россия, уже давно положившая глаз на Кавказ, в соответствии с известным имперским принципом «разделяй и властвуй», разделила единое нахчийское сообщество на две части, противопоставив их именно по религиозному принципу. Запоздай Россия с покорением Кавказа еще лет на пятьдесят, западные нахчийские общества, вне всякого сомнения, приняли бы ислам, и единая религия – единственное, что, по существу, отделяло их от своей основы, окончательно сплотила бы все нахчийские общества с единым языком, культурой, религией и менталитетом в один, а не два народа.

О каких «ингушских этнотерриториальных группах, расселявшихся в XIX веке на территории современных Ингушетии и Чечни, в горах и на плоскости от Терека и до Аргуна» идет речь? Разве данная местность до XIX века не была заселена? В Чечне, особенно в горной ее части, плотно заселенной чеченцами, образно говоря, яблоку тогда негде было упасть.

Каким образом эти «этнотерриториальные группы» могли быть ингушскими, если к этому времени не было самого ингушского народа? Этнонимом «ингуши», вернее «ингушевы», тогда обозначали не отдельный народ, а жителей конкретного селения Ангушт, представлявших людей различных западных нахчийских обществ. В то же самое время представители других западных нахчийских обществ имели собственные названия: галгаевцы, джейраховцы, назрановцы и т.д.

Совершенно нелепым выглядит следующее утверждение авторов книги: «Разрыв близкородственных ингушам ингушеязычных обществ (дальние кисты) с западными собственно ингушскими обществами и их постепенная ориентация на Чечню наметился с завершением строительства Сунженской линии и административно-территориальными реформами на Северном Кавказе во второй половине XIX века» (с. 19). Во-первых, «дальними кистами» в российской имперской историографии называли чеченские общества М1айстой, Маьлхий и Хилдехъарой (иногда к ним причисляли Т1ерлой и Кей), которые располагались на границе с Грузией (часть на территории непосредственно самой Грузии). Но даже если бы их называли совсем по-другому, они бы все равно остались чеченцами. Такова объективная реальность, с которой нельзя не считаться. Не отрицая общеизвестного факта близкородственности этих обществ с ингушами, как и вообще всех чеченских и ингушских обществ друг с другом, возникает естественный вопрос: отчего они это вдруг из чеченоязычных стали «ингушеязычными»? Из факта, что их диалекты близки к ингушскому наречию вовсе не следует, что они относятся к нему. С таким же успехом можно утверждать, что ингуши говорят на маьлхинском, майстинском или хилдехароевском наречиях чеченского языка.

Во-вторых, каким образом Сунженская линия могла разорвать «близкородственные ингушам ингушеязычные общества (дальние кисты) с западными собственно ингушскими обществами», если и те, и другие проживали глубоко в горах, на границе с самой Грузией, а Сунженская линия находилась на плоскости? Как говорится, «где дом, а где Кура?». А Сунженская линия, как известно, была построена, чтобы «разорвать»

горных и равнинных нахчийцев, а не горцев между собой.

Тот самый «разрыв», о котором говорят авторы издания, на самом деле произошел между несколькими западными нахчийскими обществами (ингушами), не принявшими ислам, и близкородственными им чеченцами-мусульманами в начале Кавказской войны.

Что же касается «административно-территориальных реформ на Северном Кавказе», то именно из-за этих не до конца продуманных реформаций часть представителей западных нахчийских обществ (орстхоевцев, маьлхий и аьккхий) осталась за пределами административно-территориальных образований (округов) своего этноса (чеченцев). Под давлением местных чиновников они были вынуждены записываться ингушами, чтобы не подвергаться дискриминации с их стороны. Вместе с тем, они никогда не считали и не считают себя до сих пор «гIагIай».

Такие «глубокомысленные» выводы по поводу языковой принадлежности горных обществ Чечни (какой же может быть язык у коренных чеченцев, кроме своего родного?) авторы делают на основе ложной интерпретации мнения исследователя А.Н. Генко. Так они пишут: «А.Н. Генко приводит данные языка, подтверждающие, что ингушский язык был распространен в прошлом на всей нагорной полосе Чечни, вплоть до Андийского хребта» (История Ингушетии. Магас, 2011, с.116). А вот что пишет сам Генко: «Все перечисленные районы (горные районы Чечни – авт.) образуют, таким образом, в настоящее время особую разновидность чеченского языка, которую мы можем назвать условно ингушской, противопологаемой собственно чеченской группе наречий, начинающейся непосредственно к востоку от Фортанги, по течению реки Нетхой, Шалага, Гехи и прочих...» («Ингуши». Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. Саратов, 1996, с. 462) – А.Н. Генко «Из культурного прошлого ингушей». Ленинград, 1930 год.

Во-первых, Генко ничего не утверждал. Он писал об определенном сходстве диалектов нагорных чеченцев с ингушским наречием. Но это совсем не предполагает, что они должны быть ингушскими. На то они и диалекты, чтобы отличаться от литературного языка. Во-вторых, Генко считал чеченскими не только диалекты горной Чечни, но и само ингушское наречие. В-третьих, десятки известных во всем мире ученых считали ингушей «одним из колен чеченского племени», а ингушский язык – диалектом чеченского языка.

Общеизвестным и непреложным фактом является то, что современные чеченцы и ингуши являются близкородственными народами, с единым языком, религией, традициями, культурой, общностью происхождения и национального самосознания. До конца XIX века в русской исторической литературе их называли одним этнонимом «чеченцы» или «чеченское племя», включавшим в себя все нахские (нахчийские) общества Северного Кавказа. Умалт Лаудаев – один из первых чеченских этнографов – пишет: «Племя это, как увидим ниже, образовалось под снеговыми горами близ истоков р. Аргуна, откуда уже, нуждаясь в земле, стало расходиться по другим местам. Оно заняло горы бывшего Назрановского округа и Чабирлой, впоследствии водворилось в Ичкерии и Аухе; наконец, после ухода русских с плоскости Чечни за Терек, занимает плоскости и тем заканчивает свое расселение». (Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872 г., Вып. VI – Отд.1, стр. 1-62).

Такие известные исследователи, как Бутков, Клапрот, Потоцкий, Шегрен, Фрейтаг, Гюльденштедт, Броневский, Розен, Зубов, Берже, Дубровин, Потто, Загурский, Ахриев, Лаудаев и др., по праву считали западные нахчийские общества, жившие в то время в верховьях рек Асса и Терек, составной и неотъемлемой частью союза чеченских (нахчи) обществ, так же, как и аьккхий, маьлхий, нахчмахахой, орстхой, тIерлой, шарой, шотой, чIаьнтий, чIебарлой. Не вайнахских, этот термин был введен в оборот вместо общепризнанного собирательного этнонима «нахчи», вплоть до 30-х годов прошлого века объединявшего своим именем все нахчийские (нахские) общества северокавказского региона, названные русскими – чеченцами.

Никто не отрицает «близости диалектов обществ горной полосы Чечни от Ингушетии до реки Аргун к ингушскому языку», также как и близости самого ингушского языка к чеченскому языку. О близости наречий ингушского общества к чеченскому языку и кровном родстве чеченского и ингушского народов написано множество научных трудов, в том числе и ингушскими учеными. Дело в том, что авторы рассматриваемого нами издания вместо того, чтобы на основе близости наших языков сделать вывод о единстве наших народов, почему-то стараются обосновать этим нашу разность или, в

крайнем случае – первородство ингушей по отношению к чеченцам. А заодно пытаются посеять семена недоверия и вражды среди самого чеченского народа.

Современный чеченский литературный язык (так же, как и ингушский) очень молод. Он сформировался на основе плоскостного диалекта, на котором говорило большинство жителей Чечни (Нахчийчоь/Нахийчоь). В свою очередь, плоскостной диалект, как основа языка будущей единой нахчийской нации, вырабатывался на протяжении нескольких столетий из всех диалектов чеченских (нахчийских) обществ, в том числе и наречий нескольких западных нахчийских (ингушских) обществ.

Если мы внимательно посмотрим на особенности чеченских диалектов и наречий и на их распространение по отдельным нахчийским территориям и обществам, то увидим интересную картину. При движении с востока Чечни на запад эти диалекты плавно, без резких скачков, переходят один в другой. С «ийкающего» (например, «алийта») ножай-юртовского говора на довольно-таки своеобразный «айкающий» («алайта») веденский; в свою очередь, веденский говор незаметно переходит в шаройский (занимающий промежуточное положение между веденским и шатойским наречиями); шаройский – в соседний шатойский и чангийский; те постепенно переходят в терлоевский говор; терлоевский – в нашхойский и галанчоожские говоры; они, в свою очередь, – в аккинский, орстхойский и мялхинский диалекты и говоры; а последние – в наречия, на котором говорят ингуши. То же самое можно наблюдать и в обратном направлении. Что интересно, нет никаких резких перепадов, одно наречие плавно переходит в другое. Соседние диалекты и говоры абсолютно понятны и тем, и другим и практически мало чем отличаются друг от друга. Тогда как разница между самым восточным – ножай-юртовским говором и крайне западным – назрановским диалектом единого нахчийского (чеченского) языка более существенная, но не до такой степени, чтобы респонденты, говорящие на них свободно, не понимали друг друга. Весь спектр этих диалектов и говоров, как семь цветов радуги, представляет собой неразрывное единство нахчийского языка. Именно поэтому такие нахчийские кьонахи, как Заурбек и Дошлуко Мальсаговы, Халид Ошаев, Магомед Мамакаев и предлагали в 30-е годы прошлого столетия ввести для близкородственных чеченского и ингушского языков единую письменность, которую известный ингушский ученый З. Мальсагов условно называл «общечеченской письменностью». Он-то, наверное, понимал, что он предлагает. И, без всякого сомнения, был не меньшим патриотом своего народа, чем абадиевы и кодзоевы.

Говоря о башенной архитектуре, авторы издания пишут, «что родоначальниками башенного строительства в горной зоне, охватывающей территорию современной Чечни, Ингушетии, Осетии и горной части Восточной Грузии, являются предки ингушей. Это косвенно подтверждается этногенетическими преданиями народов» (с. 122). Что касается преданий, то большинство из них (особенно ингушские), записанные российскими исследователями еще в XIX веке, строительство башен связывает с пришлыми народами: греками, грузинами, армянами, какими-то мифическими племенами: «тиндами», «мидами», «вамполож». А вот относительно того, кто является родоначальником в строительстве башен, то можно с уверенностью утверждать, что это были совсем не предки современных ингушей (как отдельного народа). Об этом наглядно свидетельствуют некоторые башни, находящиеся в горной Чечне или Грузии. По свидетельствам ученых, они намного древнее, чем башни, построенные на территории современной Ингушетии. Другое дело, качественные характеристики башен. В этом отношении можно согласиться с тем, что «в количественном и качественном отношении башенное строительство получило наибольшее развитие в период Средневековья именно на территории горной Ингушетии» (с. 122). Но тут важно то, с чем это было связано. А связано это было с относительно поздним, в сравнении с чеченцами, выселением ингушей с гор на плоскость (примерно на 200–300 лет), когда строительство башен в Ингушетии интенсивно продолжалось еще на протяжении нескольких столетий, в то время как на территории горной Чечни оно, в основном, прекратилось. Естественно, строительство совершенствовалось, и качество башен становилось лучше.

Дальше – больше. Продолжая свои потуги «доказать», что ингуши везде и во всем были первыми, авторы издания, абсолютно не считаясь с реалиями, начинают иногда беспардонно лгать. Так, они пишут, что не только горы, но и плоскость еще до XVI века контролировали ингуши. Но, как известно, плоскостью могли владеть только многочисленные и сильные народы. Ни того, ни другого качества, к сожалению,

у небольшой тогда по численности западной части нахчийцев (ингушей) не было. Численность западных нахчийцев (ингушского народа, как такового, еще не было) даже в 1785 году, не говоря уже о XVI веке, составляла всего лишь 11 тысяч человек, вместе с женщинами, стариками и детьми. (В. Кабузан. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. С.-Петербург, 1996 г., с. 145). Это население всего лишь одного среднего села на плоскости. Какие тут могут быть амбиции?!

Действуя по известному методу, «чем наглее ложь, тем лучше в нее верят», авторы пишут: «...поход кабардинского князя Темрюка Идарова конца 1562 года был направлен против равнинного и предгорного населения правого и отчасти левого побережья Терека, которое было ингушеязычным». В учебном пособии Н. Кодзоева князь Темрюк, совместно с отрядами ногайских мурз и 1000 казаков под командованием Григория Плещеева, присланных ему на помощь русским царем Иваном Грозным, организует «поход в Ингушетию». «В результате этого объединенного кабардино-ногайско-казацкого похода на равнине было разгромлено, судя по русским летописям, 164 населенных пункта (интересно было бы знать названия этих сел и что это за летописи? Неужели И. Дахкильгов начал «писать» и русские летописи? – Авт.). Ингуши вновь ушли в горы. На их бывшей территории расселились кабардинцы». И никаких ссылок на какие-то серьезные источники и исследования, если не считать таковыми фантазии абадиевых и кодзоевых!

А вот как все было на самом деле. Русский царь Иван IV (Грозный) был женат на дочери кабардинского князя Темрюка Идарова, который, естественно, проводил прорусскую политику на Северном Кавказе. Так вот, в 1562 году Иван Грозный, по просьбе Темрюка, в связи с угрозой его смещения протурецки настроенными западными кабардинскими князьями, посылает ему на помощь из Астрахани 500 стрельцов и 500 казаков во главе с Григорием Плещеевым. Воспользовавшись русской помощью, Темрюк организует совместный поход против князей западной Кабарды, во главе с Пшеопшоко Кайтукиным. В этом походе он нанес сокрушительное поражение объединенному кабардинскому и ногайскому войску Кайтукина и хана Малой Ногайской орды Казыя Уракова, являвшегося зятем Кайтукина. Как мы видим, никакого «завоевательного похода против ингушей, живущих на равнине», Темрюка Идарова не было, так как ингушей, вернее представителей западных нахчийских обществ, на равнине тогда не было, тем более на западе Кабарды. Все это видения воспаленного воображения Кодзоева.

Откровенная ложь, фальсификация, подлог, подтасовка фактов, дилетантство, банальная демагогия – основные составляющие учебного пособия Н. Кодзоева и «произведений» ряда ингушских псевдоученых.

«Присвоив» себе всю горную Чечню, вплоть до Чанты-Аргуна, а также прилегающую к этой части чеченских гор плоскость, авторы «Истории Ингушетии» продолжают дальнейшее «освоение» оставшейся части горной Чечни – общества Чебарлой и Шарой. Причем для этого используются самые изощренные методы. Так, «доказав», что чеченцы-аккинцы на самом-то деле вовсе не чеченцы, а ингуши, авторы продолжают и дальше проводить виртуальную «экспроприацию» чеченских обществ и их территорий. Так, они пишут: «Этнический термин «аьккхий» в этих географических широтах, по-видимому, включает в себя всех переселенцев с запада (с Ингушетии. – Авт.), получивших новый статус этнотерриториальности, в соответствии со структурой образования ингушских обществ... Так, среди общества Пхьарчой при расселении аккинцев на равнине в низовьях Терека выделилась группа под названием «Шарой». Другая группа аккинцев из того же общества расселилась на землях, граничащих с Акташским озером, она именовалась «Шебарлой».

Целый параграф издания посвящен «ингушским» героико-эпическим песням «Илли». Непонятно о каких «ингушских «Илли» идет речь, если такого жанра в ингушском фольклоре, в отличие от чеченского, как такового и не было. Об этом в свое время писали известные чеченские писатели и ученые Х. Ошаев, М. Мамакаев, М. Ошаев, Х. Туркаев, Ш. Джамбеков, М. Бексултанов и др.

По различным свидетельствам, ингуши любили слушать чеченские «Илли», иногда и сами исполняли их, но эти «Илли» не были ингушскими. Да и сами ингуши, вплоть до 40-го года прошлого столетия, не претендовали на них, когда некоторые ингушские исследователи, пользуясь своим служебным положением, впервые опубликовали чеченские «Илли», собранные чеченскими исследователями у чеченских же исполнителей, как ингушские. Хотя «Илли» эти по своему содержанию были об

известных чеченских героях и событиях, имеющих чеченскую основу. Специалисты из Москвы сразу определили происхождение этих «Илли» и назвали их публикацию как ингушских обыкновенным плагиатом.

О нечистоплотности игр некоторых ингушских авторов, связанных с попытками присвоения чеченских «Илли», свидетельствует и тот факт, что они до сих пор поразному называют этот жанр. Так, например, один из ведущих специалистов по ингушскому фольклору А.Х. Танкиев называет его «Или» (с одним «л»). – Авт.). Он считает, что «ингушский песенный эпос «Или», наряду с очевидной самобытностью и своеобразием (которую он почему-то не раскрывает. – Авт.), имеет много общих черт с аналогичным чеченским эпосом «Илли». (А.Х. Танкиев «Духовные башни ингушского народа». Саратов, 1997 г., с. 103). Но почему-то большинство ингушских ученых, в том числе и директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева И. Дахкильгов, называют его так же, как и чеченцы – «Илли», с двумя «л». Чем же все это объяснить? Не может же это быть связано с тем, что все ингушские ученые (кроме Танкиева), пишущие про героико-эпические песни «Илли», имеют речевые дефекты и заикаются на первом же «л» этого слова?

Героический эпос «Илли» сформировался на основе многовековой борьбы чеченского народа за свою независимость, а также борьбы чеченцев с кабардинскими, кумыкскими и ногайскими владетелями и, отчасти, казаками и русскими за равнинные и притеречные земли. А ингуши, как известно, в подавляющем большинстве своем, во всех этих войнах участия не принимали.

Если мы говорим о едином нахчийском народе (чеченцев и ингушей вместе), то речь может и должна идти о едином фольклоре. В таком случае имеет смысл говорить и о чечено-ингушских (нахчийских) героико-эпических песнях «Илли». Но если мы говорим о чеченцах и ингушах как об отдельных народах и, соответственно, об отдельных чеченском и ингушском фольклорах (а ингушские исследователи говорят именно об этом), никакой речи об ингушских «Илли» быть не может. Все это можно сравнить с такой ситуацией, когда брат, отделившийся от своей семьи, начал бы претендовать на все материальное и духовное наследие, нажитое совместным трудом нескольких поколений. Когда на самом деле он имеет право назвать своим лишь то, что принадлежит ему по праву наследства, и то, что он заработал или приобрел после отделения от своих собратьев и заведения собственной семьи.

Кавказская война явилась тем рубежом, который окончательно разделил единый нахчийский народ на две части. Из гор на равнину, как мы уже писали выше, ингуши выселились только через лет 200–300, когда плоскость у кабардинских и кумыкских князей уже была отвоевана и освоена родственными им чеченцами, у которых ингуши вначале и брали в аренду земли на равнине. Позже, после вхождения в подданство России, они отказались от аренды и, с помощью царской администрации, закрепили за собой арендованные у чеченцев и кабардинцев земли. Таким образом, за равнинные земли они не воевали (здесь они, в основном, расселились под покровительством русской военной администрации), в Кавказской войне они, как известно, не участвовали (во всяком случае, на стороне горцев). О чем могут быть у ингушей героические песни? Если только не о внутренних межродовых междоусобицах и разборках. Но такие деяния, как известно, в героических песнях не воспеваются.

О существовании у ингушей жанра героических песен «Илли» ни словом не обмолвился первый из чеченцев и ингушей фольклорист и этнограф, ингуш по происхождению, Чах Ахриев, который одну из своих работ даже назвал «Из чеченских сказаний». Обращает на себя внимание то, что авторы «Истории Ингушетии», перечисляя работы Ч. Ахриева, стыдливо «переименовали» эту его работу на «Из ингушских сказаний!» (с. 256).

Известный исследователь Ингушетии, лингвист Н.Ф. Яковлев в своей книге «Вопросы изучения чеченцев и ингушей» прямо говорит, что у ингушей нет жанра «Илли» и что такие песни ингушские гармонисты поют по-чеченски.

Профессор Л.П. Семенов, много лет изучавший этнографию горной Ингушетии, также не упоминает о существовании такого жанра устного творчества у ингушей. В своей работе «Туземцы Северо-Восточного Кавказа» он дает подробное описание исполнения чеченской героической песни: «Явилась откуда-то трехструнная самодельная балалайка. Молодой человек сел на траву и взял несколько аккордов. Затем он начал настраивать инструмент, а когда кончил, то дал свободу пальцам. Раздалась живая, хотя монотонная, но приятная мелодия. Говор понемногу стал утихать. На

лица чеченцев улыбка сменилась серьезным выражением. Все ближе подвинулись к музыканту; образовался кружок. Бесперывно и долго лились живые звуки, пока музыкант не вдохновился. «Валай-лай иллалай лайла яллай!» — запел он медленно и грустно, сначала тихо, потом все громче и громче...» (Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб, 1895, с. 67).

Наконец, первые ингушские языковеды, основатели ингушской научной школы, Д. Мальсагов и О. Мальсагов также не упоминают о существовании этого жанра у ингушей. А Заурбеком Мальсаговым даже написана специальная работа «О чеченском стихосложении» на материале чеченских героико-эпических песен. Но и он в своем исследовании ни слова не говорит о существовании жанра «Илли» у ингушей.

Абсолютно смешной выглядит картина, когда авторы издания, говоря об «ингушских» героических песнях «Илли», в пример приводят известные всему миру чеченские песни и называют их героев – реальные чеченские исторические лица – ингушами. Ведь имена всех этих героев с колыбельных песен, с молоком матери впитываются в естество чеченцев и бережно сохраняются на генном уровне.

Называть, например, таких знаменитых чеченских кьонахов и мужей: терлоевца К1ахи Г1оната, чебарлоевца Ади Сурхо, бильтоевца Мади Жаммирзу или нашхоевца Алдама Г1езу ингушами – святотатство. Это все равно, что называть чеченцами таких известных ингушских героев, как Колой-Канта, Орцо К1охчала или Несархо Малсага. Вместе с тем, если мы не два, а один единый народ, то и те, и другие являются общими героями нахчийского народа. Как говорят русские, «дружба дружбой, а табачок врозь».

Представьте себе, если авторы издания творят такое с общеизвестными фактами, то, что они не позволят себе сделать с малоизвестными и недостаточно очевидными фактами из истории наших народов?

Выдержку из записанного в свое время Семеновым примера исполнения чеченской героической песни авторы «Истории Ингушетии», как у них это принято, попытались представить как ингушскую. Для этого авторы выдернули из контекста все упоминания о чеченцах, как будто их и не было совсем (с. 165).

И вообще, авторы издания, как черт ладана, боятся слова «чеченец» и, по мере возможности, стараются не использовать этот этноним. Так, рассказывая о переселении ингушей из Ангушта в местность Назрань, контролируемую тогда чеченцами и кабардинцами, авторы опять «забывают» сказать, что сделано это было с согласия кабардинцев и чеченцев, за что они в определенный период платили им даже дань. Дань эта представляла собой небольшую, чисто символическую, плату за аренду ингушами земли, на которой они проживали и вели хозяйственную деятельность. Как пишет Б.К. Далгат: «На плоскости до предгорьев, до выселения ингушей, обитали сперва ногайцы; их вытеснили и сменили кабардинцы, занявшие пространство до р. Фортанги, т.е. Большой Чечни, и бравшие дань с ингушей и осетин... Это время совпадает с удалением кабардинцев и из Малой Чечни, по мере завладения со стороны чеченцев берегами Терека и Сунжи с их притоками. Чеченцы во второй половине XVIII столетия уже заходят в местности, занимаемые нынешними ингушами. Выходец из Большой Чечни Кети Арсамаков с горстью своих домочадцев основывает приблизительно в 1780–1785 гг. селение Сурхохи в 35 верстах от Владикавказа» (Б.К. Далгат «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей». Москва, 2008, с. 70).

Как пишет Н.Г. Волкова в своей статье «Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII–XX веках», «постоянное поселение ингушей в местности Назрань произошло в период между 1807 и 1810 годами, причем поселенцы обязались платить подать кабардинцам и чеченцам. От кабардино-чеченской зависимости новые поселенцы избавились уже в 1810 году, благодаря «покровительству» Владикавказского коменданта. (Волкова Н.Г. Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII–XX веках. Советская этнография, 1971, №2, с. 40).

«Назрань в то время представляла из себя пустошь и была спорным местом между кабардинцами и чеченцами» (Б.К. Далгат «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей». Москва, 2008, с. 70)

А вот что пишет о переселении ингушей известный чеченский историк Далхан Хожаев: «Переселение было осуществлено группой ведущих ингушских фамилий под покровительством мусульман – чеченцев и кабардинцев. За разрешение жить в местности Назрань ингуши обязались исповедовать ислам, а чеченцам и кабардинцам платить небольшую символическую подать. Комендант крепости Владикавказ генерал-

майор Дельпоццо писал 13 июня 1810 года генералу от инфантерии Булгакову: «... по собранным мною достоверным сведениям, следующее свидетельство является справедливо: ингушский народ хотя и имел жительство свое в окружности сей крепости не в дальнем расстоянии, но совершенно верен Российскому правительству никогда не был... потом, выйдя в теснейший союз с кабардинцами и чеченцами, переселились все на место, именуемое Назрань, в расстоянии отсель за 32 версты, приняли от них мулл, построили мечети, приступили к исповеданию Мухаммеданского закона и обязались как чеченцам, так и кабардинцам по условию платить подати» (АКАК об Ингушетии и ингушах. Назрань, 1995, с. 70). Но авторы «Истории Ингушетии» в своей цитате от Дельпоццо опять тщательно секвестрируют контекст, убирая из него все, что связано с чеченцами и их ролью в переселении ингушей в местность Назрань (с. 201).

В главе пятой авторы издания пишут, что «в записке Граббе о мерах по покорению ингушей говорится: «Для утверждения здесь русского владычества представляется два средства: 1) поселение казачьих станиц по Сунже и 2) возведение укреплений при главных выходах из гор». Первые казачьи станицы на территории Ингушетии были основаны в 1845 г. – станица Троицкая на месте ингушского сел. Эбарг-Юрт и станица Сунженская (переименована в станицу Слепцовскую в 1851 г.) на месте сел. Кура-Юрт и Дебир-Юрт. В 1847 г. На Терском хребте, на месте ингушского сел. Махьмад-Хите, была основана станица Вознесенская» (с. 213).

О каких мерах «по покорению ингушей» пишут авторы, если ингуши (в отличие от чеченцев), добровольно вошли в состав России в 1770 году и «неукоснительно соблюдали и соблюдают до сих пор верность принятым на себя обязательствам», о чем ингушские лидеры любят неустанно заявлять как по поводу, так и без него. О каком «покорении» ингушей может идти речь, если ингуши, вместе с осетинами, были самыми покорными России народами Северного Кавказа в период Кавказской войны. Более того, они сами принимали непосредственное участие в покорении других кавказских народов, в том числе и своих братьев-чеченцев, за что получали денежные вознаграждения, чины, звания и земельные наделы на равнине из рук царских чиновников. Ведь авторы сами признаются, что «назрановская милиция принимала активное участие в военных акциях в период Кавказской войны» (с. 231). Так что, Граббе говорил о мерах по покорению Чечни, а не Ингушетии.

А что касается станиц Троицкой, Слепцовской, Вознесенской, якобы основанных на месте ингушских селений, то это очередная ложь авторов издания. Станицы Слепцовская (Дебир-Юрт) и Троицкая (Обарг-Юрт), так же, как и Ассиновская (Эха-Борзе), Нестеровская (ГТажарийн-Юрт), Фельдмаршальская (Алхасте) и Карабулакская (Элдархан-ГТала), были построены на месте орстхоевских (чеченских) сел, а станица Вознесенская на месте чеченского села Мохьмад-хит1е. Жители всех этих сел, в отличие от ингушей, наряду со всеми чеченцами, оказывали яростное сопротивление царским войскам. После окончания Кавказской войны часть из них переселилась в Турцию, а часть, оказавшись в пределах административной границы Ингушетии, была частично ассимилирована ингушами. Граница Ингушетии и Малой Чечни, входящей в Имамат, проходила совсем рядом с Назранью.

Рассказывая об административно-территориальной реформе 1860 года, авторы издания пишут: «Ингушетия была разделена на Назрановский и Аргунский округа. (В дальнейшем, в 1883 году Аргунский округ был присоединен к Чечне и его жители ассимилированы чеченцами). Такое неожиданное открытие авторы делают со ссылкой на Г. Вертепова. А в самой ссылке на него написано буквально следующее: «Г. Вертепов отмечал, что дальние кистины относились раньше к ингушам и лишь «в настоящее время эту группу чеченского населения относят к собственно чеченцам». Как можно до такой степени извращать и ставить с ног на голову все, что касается чеченцев?

На самом деле все обстояло совсем по-другому. Во-первых, никакого «присоединения Аргунского округа к Чечне и ассимиляции его жителей» не было и не могло быть по существу. Аргунский округ никогда не входил в Ингушетию, он всегда являлся составной, основополагающей частью Чечни, а его жители были коренными чеченцами. Им даже в голову не могло прийти, что в начале XXI века авторы «Истории Ингушетии», работающие над созданием «великого» прошлого ингушского народа, назовут их «ингушеязычными». Так что не присоединять что-то, не ассимилировать кого-то не было никакой необходимости, все и так было чеченским. Во-вторых, при определении границ административно-территориальных округов, земли некоторых чеченских обществ (Аьккхий, Мержой) случайно оказались в составе Ингушского

(Назрановского) округа. Необходимо признать, что российская администрация на Кавказе при осуществлении своей административно-территориальной политики не только не отвергала, но и всячески использовала сложившиеся на местах этнотерриториальные границы. В 1866 году, по настоятельной просьбе жителей этих обществ объединить их с соплеменниками, т.е. с чеченцами, эти общества были переданы в состав чеченского Аргунского округа. По всей видимости, это и называют авторы «Истории Ингушетии» присоединением Аргунского округа к Чечне. Что это – некомпетентность или попытка извратить историю? Скорее всего – второе.

А вот что пишут авторы о песнях религиозного содержания «Назам»: «...во второй половине XIX века значительная часть традиций и поэтических средств ингушского песенного эпоса илли стала обслуживать песни религиозного содержания назым. Эти песни, исполняемые обычно солистом в сопровождении хора, по форме исполнения, по своей роли и значимости для народа «заменяли» героический эпос».

Как говорится, «свежи предания, но верится с трудом». Религиозно-духовный жанр фольклора «Назам» – это религиозные песни, прославляющие единого бога Аллаха, его пророка Магомеда, асабов и других ближайших сподвижников пророка, а также известных авлия – основателей различных суфийских вирдов, а также философские размышления на тему бренности мирской жизни, основанные на исламском восприятии мира. У чеченцев этот своеобразный жанр устного народного творчества, в связи с более ранним принятием ислама, имеет историю в несколько сотен лет. А у ингушей такого жанра фольклора не было по той простой причине, что они не могли воспевать и восхвалять то, чего они еще не знали и во что они в то время еще не верили. Как могло быть такое, что «во второй половине XIX века значительная часть традиций и поэтических средств ингушского песенного эпоса илли стала обслуживать песни религиозного содержания назым», если известно, что к середине XIX века не все еще ингуши приняли мусульманство. Н. Грабовский в своей работе «Ингуши» пишет об этом так: «Можно сказать, что только теперь, после покорения Чечни (1859 год), ингуши начинают становиться истыми мусульманами, имея в каждом селении мулл чеченцев, учеников Дагестана, которые с особенным рвением набросились наставлять ингушей на путь мусульманства. До этого же ингуши, как кровные враги с Шамилем, главным руководителем исламизма в восточной части Кавказа, были очень плохими мусульманами...». По большому счету, ислам утвердился в Ингушетии только в XX веке. Называть большинство ингушей настоящими мусульманами до этого, когда они не исполняли даже намаза, вряд ли бы было правомерно.

Вот что продолжает писать по этому поводу все тот же Н. Грабовский: «Несмотря на хлопотливую заботливость чеченских мулл о полном водворении магометанства, ингуши еще продолжают почитать воскресный день почти наравне с пятницей и признают за праздник Светло-Христово Воскресенье». («Сборник сведений о кавказских горцах», издание Кавказского Горского Управления, выпуск XI, Ингуши, Тифлис, 1876 г., 25). Как вспоминают чеченские старейшины, ингушские старцы любили шутить, что у некоторых из них до сих пор сохранилась вяленая свинина, заготовленная ими в период язычества.

Авторы, наверное, спутали «Назам» с более древним нахчийским жанром «Узам», который у ингушей, так же, как и у чеченцев, действительно, имел достаточно широкое распространение. Религиозные песни «назам» зародились в Чечне с принятием ислама. А ингуши переняли их у чеченцев совсем недавно и собственных оригинальных текстов «Назамов», кроме чеченских, у них не было.

Таким образом, для зарождения известных нам «Назам», так же, как и для «Илли», у ингушей не было соответствующих исходных базовых условий, которые были у чеченцев. Как поется в одной из чеченских лирических песен: «Стиглахь марха йоцуш – догла доглаp дац, кийрахь бала боцуш – б1аьрг боьлхур бац».

И вообще, на литературном ингушском языке почти невозможно классическое исполнение ни «Илли», ни «Назам», из-за особенностей самого ингушского наречия. Дело в том, что, в отличие от чеченского, в ингушском языке много усеченных форм, когда большинство слов заканчивается на согласные звуки, т.е. закрытые слоги, что не совсем благоприятствует его широкому использованию в вокальном искусстве. С усеченными формами слов голос не потянешь, а в «Илли» и «Наземе» без этого нельзя обойтись. Чеченский же язык, как известно, является одним из самых плавных и певучих среди всех языков народов Кавказа. При исполнении «Илли» или «Назама» ингушские исполнители, как бы они ни старались, просто бывают вынуждены использовать полные

чеченские формы слов, вместо своих усеченных, и тогда обрывистый ингушский язык, к удивлению, становится мало чем отличимым от плавного чеченского языка.

Связано это с недостаточной развитостью ингушского языка, оказавшегося на протяжении продолжительного времени, в силу известных нам причин, в замкнутом от внешнего мира пространстве. А то, что чеченский язык имеет около десятка форм повелительного наклонения, вместо одной-двух в ингушском – наглядная демонстрация богатства и развитости чеченского языка, а не наоборот. В чеченском языке есть формы повелительного наклонения, выражающие просьбу, есть формы, выражающие неукоснительное требование или приказ и даже есть несколько форм, занимающих промежуточное положение между двумя первыми.

В главе «Ингушетия в начале XX века – 1917 год» авторы пишут: «Ингушетия, как и Кавказ в целом, в данный период во многом изживала еще последствия Кавказской войны. Это отражалось на самых различных сферах жизни края и населявших его народов: и экономической, и общественно-психологической, и даже демографической. Так, доля не вовлеченных формально в Кавказскую войну ингушей среди народов Северного Кавказа в 1835–1858 гг. снижается с 1,5 до 1,2 %» (с. 277).

Как все это понимать? Не хотят же сказать авторы о негативных последствиях Кавказской войны для ингушей, как всем известно, всячески обласканных и облагодетельствованных царской администрацией, наряду с грузинами и осетинами, за всестороннюю (в том числе и военную) помощь в покорении горцев? Ведь все значимые свои приобретения (особенно территориальные) ингуши приобрели, ловко используя складывающуюся политическую конъюнктуру, именно в период Кавказской войны и в годы установления советской власти на Северном Кавказе. Так что, ингуши, в отличие, например, от чеченцев, не «изживали» (в таком случае им пришлось бы возвращаться обратно в горы), а осваивали в целом позитивные для себя последствия Кавказской войны.

Что означает сентенция «не вовлеченных формально в Кавказскую войну ингушей»? А договор от 1770 года или Акт от 1810 года с Россией, подписанные ингушскими лидерами, тоже были формальными? Или авторы имеют в виду под ингушами абсолютное большинство орстхойцев, аккинцев и галашевцев (галайцев) – представителей западных чеченских обществ, входивших в Имамат Шамиля и покрывших себя славой в жестоких сражениях с царскими войсками? Нет уж, извините. Объясните тогда, во имя какой высокой и благородной цели ингушская милиция вместе с царскими войсками сжигала орстхойские, аккинские и галашевские населенные пункты и убивала их жителей, если они были ингушами? Что может быть выше и благородней братства?

А насчет доли «не вовлеченных формально в Кавказскую войну ингушей среди народов Северного Кавказа в 1835–1858 гг., снизившейся с 1,5 до 1,2 %», то авторы, по привычке, передергивают факты. Вот как об этом сказано в работе В. Кабузана «Население Северного Кавказа в XIX–XX веках», на которую и ссылаются авторы «Истории Ингушетии»: «Численность и удельный вес других этносов в регионе (на Северном Кавказе. – Авт.) изменилась мало и, учитывая недостаточную надежность сведений о них, делать какие-либо расчеты об их движении рискованно. Доля их понижается из-за сильного притока в регион русских и украинских мигрантов (адыгейцев – с 29,9 до 25,5%, чеченцев – с 10,0 до 8,5%, ингушей – с 1,5 до 1,2%, даргинцев – с 7,3 до 5,8, ногайцев – с 5,5 до 5,3%)». Таким образом, мы в очередной раз убеждаемся в недобросовестности авторов издания, пытающихся представить снизившуюся за период с 1835 по 1858 год долю ингушей среди народов Северного Кавказа на 0,3% с их участием в Кавказской войне (за тот же период у адыгейцев она снилась на 4,4%, у чеченцев на 1,5%, у даргинцев на 1,5%).

Это еще один наглядный пример двойственной политики ингушских лидеров, пытающихся представить ингушей участниками Кавказской войны, как с одной, так и с другой стороны, в зависимости от сложившейся политической конъюнктуры.

Сколько же слов сказано о решающем вкладе ингушей в дело установления советской власти на Северном Кавказе и о так называемой Красной Ингушетии – авангарде горских республик, стремящихся к светлому будущему! В том числе и в данном издании. «Друг ингушского народа» Серго Орджоникидзе так вспоминал о трагических днях защиты советской власти на Северном Кавказе: «... это был момент неуверенности, когда за нами не шли, а на нас робко оглядывались. И в этот момент одиночества советской власти, маленький ингушский народ весь встал на защиту советской власти» (Очерки

истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2, с. 38).

Но ингуши, на самом деле, встали не на защиту советской власти и не ради коммунистической идеи, а за возвращение своих утерянных земель в Тарской долине. Многие видные ингушские деятели, в особенности офицерство, как раз, были на стороне Деникина. Подвигнул ингушей на выступление против Добровольческой армии Деникина, опиравшегося главным образом на казачество, соратник вождя мирового пролетариата, большевик Серго Орджоникидзе. Выступая на съезде ингушского народа в с. Базоркино, он громогласно заявил, что «советская власть согласна передать ингушам земли четырех казачьих станиц, отделявших горную Ингушетию от плоскостной». Это станицы Воронцово-Дашковская, Тарская, Сунженская и Камбилеевские хутора. Именно за эти земли, отобранные у них царской властью, а также за г. Владикавказ и воевали ингуши.

Кроме всего прочего, С. Орджоникидзе обещал ингушам помочь с созданием собственной республики, которое, впоследствии и было выполнено. Создание собственного государственного образования западных нахчийских обществ (ингушей) уже «де-юре» разделило единый народ на две части.

Несколько комментариев по поводу некоторых цитат из «Истории Ингушетии», в которых авторы пишут о якобы существовавшей в ЧИАССР дискриминации ингушей: «Оставалось очень тяжелым социально-экономическое положение ингушских районов Чечено-Ингушетии, серьезные проблемы имелись в развитии образования, здравоохранения и т.д.» (с. 443); «школ не хватало, подавляющее большинство из них работало в две смены» (444); «депортацию 1944 года Ингушетию встретила как аграрно-нефтяное «приложение» в составе общей Чечено-Ингушской АССР» (с. 443); «массовая безработица являлась еще одним, пожалуй, главным бичом ингушской социально-экономической жизни» (с. 444); «в Чечено-Ингушетии не было ни одного ингушского вуза (института или тем более университета)» (с. 444); «высокая детская и общая смертность в целом привели к тому, что, несмотря на высокие темпы естественного прироста населения, по данным переписи 1979 года, количество ингушей составило всего 279 тысяч человек» (с. 445).

Социально-экономическое положение чеченцев было не лучше, чем у ингушей. В Урус-Мартане или Шалах, не говоря уже о горных районах, люди жили так же, как и в Назрани. Безработицы было если не больше, то не меньше, на заработки за пределы республики выезжали десятками тысяч чеченцев. Практически вся промышленность республики была сосредоточена в г. Грозном. Город исторически сложился как один из главных оплотов царской России на Северном Кавказе и был населен русскоязычным населением. Естественно, на промышленных предприятиях Грозного в основном работали русские.

Главные промышленные объекты города, в большинстве своем нефтехимические, были предприятиями союзного значения, а сам Грозный, находящийся в сердце Чечни, был включен в состав республики только в 1929 году. До этого он был отдельной административной единицей с прямым подчинением Москве.

Абсолютное большинство чеченского населения, так же, как и ингушского, проживало в сельской местности, где был огромный дефицит рабочих мест. Небольшая часть была занята в сельском хозяйстве, часть работала в школах, в медицинских учреждениях и правоохранительных органах, часть представляла чиновничество и сферу услуг. Вот, пожалуй, и все!

Авторы издания поступили не совсем корректно, выделив ингушей из основной массы жителей сельской местности, страдающих от отсутствия работы. От безработицы на селе в республике страдали все, вне зависимости от национальной принадлежности.

О каких проблемах в развитии образования, здравоохранения и т.д. идет речь, если по уровню грамотности ингуши намного превосходили чеченцев. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1970, на 1000 человек в возрасте 10 лет и старше, лиц с высшим образованием у чеченцев было в два с лишним раз меньше, чем у ингушей. Значительно отставали чеченцы от своих собратьев также и по удельному весу научных работников. Число научных работников в 1979 году у ингушей составляло 180, что составляет 0,10% от общей численности ингушей, в то же время у чеченцев было 332 человека, что всего лишь 0,04% от общего числа чеченцев. 78% чеченцев было занято физическим трудом, тогда как у ингушей на 6% меньше – 72%. Соответственно, умственным трудом у чеченцев было занято 22%, а у ингушей – 28% (данные переписи населения 1970, 1979 и 1989 годов).

На 1000 человек занятого населения ЧИАССР в 1989 году приходилось «руководителей органов государственного управления и их структурных подразделений»: чеченцев – 2, ингушей – 2 (в 1970 году это соотношение было 2 к 3); «руководителей предприятий»: чеченцев – 9, ингушей – 15 (в 1970 – 4 к 12); «инженерно-технические работники»: чеченцев – 33, ингушей – 49 (в 1970 – 13 к 29); «научные работники, педагоги, воспитатели»: чеченцев – 54, ингуши – 66; «медицинские работники»: чеченцы – 21, ингуши – 27; «работники торговли, общепита, заготовок, снабжения и сбыта»: чеченцев – 16, ингуши – 23 (М.Р. Овахдов «Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия». Москва, 2000 г., с. 64 и с. 92).

Что касается того, что «в Чечено-Ингушетии не было ни одного ингушского вуза», то это действительно так. Но это никак не было связано с дискриминацией ингушей. Не было в республике и чеченских вузов, и даже русских. В Советском Союзе вообще не было национальных вузов. Идеология самого государства не допускала этого. Вузы в СССР назывались именами субъектов, в которых они находились, но это вовсе не означало, что они национальные. В Чечено-Ингушетии было три вуза: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, Чечено-Ингушский государственный педагогический институт и Грозненский нефтяной институт. Все они были такими же ингушскими, как и чеченскими. Скажу даже больше, они были больше «ингушскими», чем «чеченскими», так как представительство ингушей в преподавательской составе, а также в руководстве этих вузов было более широким, чем у чеченцев.

Что касается нехватки школ и их работы в две смены, а также того, что «высокая детская и общая смертность в целом привели к тому, что, несмотря на высокие темпы естественного прироста населения, по данным переписи 1979 года, количество ингушей составило всего 279 тысяч человек» – все это банальная демагогия. А где, скажите, на Кавказе хватало школ и где они работали в одну смену? Даже в современной Чечне, где со школами дела обстоят, вроде бы, лучше, чем в других регионах страны, они до сих пор, в основном, работают в две-три смены.

Не знаю, откуда у авторов данные об общей и детской смертности в разрезе национальностей, обычно такие данные даются в среднем по отдельным субъектам, а не конкретным национальностям, проживающим в них (было бы хорошо, если бы они сослались на свои источники). Официальная же статистика свидетельствует о том, что уровень жизни, общая и детская смертность чеченцев и ингушей, в целом, была равной. Так, число родившихся на 1000 человек населения в ЧИАССР в 1990 году было 24,1 человек, а умерших – 8,3 человека. Естественный прирост населения на то же количество людей – 15,8 человек (Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации – 2005 год. Статистический сборник. Москва, 2006 г., с. 250). При, примерно, равных показателях уровня жизни, общей и детской смертности и прироста населения, по материалам Всесоюзных переписей населения 1970, 1979 и 1989 годов, ингушей в 1970 году на территории Чечено-Ингушетии проживало 113,7 тысяч человек, в 1979 году – 134,7 тысяч (прирост относительно 1970 года в 21 тысяч человек), а 1989 – 163,8 тысяч (прирост относительно 1979 года в 29,1 тысяч человек).

В то же самое время чеченцев в 1970 году в Чечено-Ингушетии проживало 508,9 тысяч человек, а в 1979 году – 611,4 тысяч (прирост относительно 1970 года в 102,5 тысяч человек), а в 1989 году – 734,5 тысяч (прирост относительно 1979 года в 123,1 тысяч человек). Учитывая, что чеченцев в 4 раза больше ингушей, то это примерно равный прирост населения у обоих народов (с небольшим опережением, в рамках статистической погрешности, у чеченцев).

А откуда авторы взяли то, что ингушей в ЧИАССР в 1979 году было 279 тысяч человек, то есть в два раза больше, чем по официальным статистическим данным, остается только гадать. Таким образом, мы видим, что детская и общая смертность среди ингушей была в рамках средних данных по всей Чечено-Ингушетии.

По поводу «дискриминация ингушей в отношении получения образования и высококвалифицированной работы» (с. 438) могу сказать, что эта «дискриминация» в сфере образования выражалась, например, в следующих цифрах. Из общего количества мест во всех трех вузах республики в 1970 году представителями ингушской национальности было занято 5,3 % мест, в то время как чеченцами – 17,8 % (пропорция 1 к 3,4); в 1980 году, соответственно – 9,4 и 32 процента (пропорция 1 к 3,4); в 1989 году – 12,4 и 47,3 процента (пропорция 1 к 3,8). На первый взгляд – это вроде бы

подавляющее преимущество поступивших в вузы чеченцев перед ингушами. Но это только на первый взгляд. Все становится на свои места, когда мы смотрим соотношение в республике жителей ингушской и чеченской национальностей. А она такова: в 1970 году в ЧИАССР проживало 113 667 ингушей и 508 898 чеченцев (примерное соотношение 1 к 4,4). В 1979 году в республике проживало 134 744 ингушей и 611 405 чеченцев (примерное соотношение 1 к 4,5). А в 1989 году проживало, соответственно, – 163 762 и 734 501, что составляет примерное соотношение 1 к 4,5. Получается, что чеченская часть учащихся, при прочих равных условиях, недобирает в сравнении с ингушской целых 1% мест в высших учебных заведениях. Если, например, в 1989 году во все три вуза республики всего поступило 15 723 человек (из них около половины русскоязычных), то это довольно внушительная для чеченцев цифра. Соотношение количества учащихся вузов к численности чеченцев и ингушей в республике, как пишет об этом М.Р. Овахдов в своем исследовании «Национально-языковая политика и развитие чечено-ингушского двуязычия», было таковым: в 1970 году: чеченцев – 0,7, ингушей – 0,9; в 1979 году: чеченцев – 0,9, ингушей – 1,2 и в 1989: чеченцев – 1,4, ингушей – 1,6.

По результатам Всесоюзной переписи населения в 1989 года, чеченцы оказались на 37 месте среди 40 народов России по так называемому «уровню интеллекта» или, другими словами, по количеству лиц с высшим образованием в возрасте от 10 лет и старше на 1000 человек. Если, к примеру, евреев таких – 344, осетин – 52, адыгейцев – 37, якутов – 33, кабардинцев – 26, аварцев – 18, чеченцев – всего 7, когда ингушей – целых 15, то есть в два с лишним раза больше, чем чеченцев! Вот и посудите сами, кто кого в ЧИАССР подвергал дискриминации. Что касается «дискриминации» в получении доступа к «высококвалифицированной работе», то раскладка занятости в различных отраслях экономики республики, в отдельности по представителям чеченской и ингушской национальностей, была дана выше.

Как известно, у слова традиционно высокий статус на Кавказе. У чеченцев и ингушей даже был своеобразный культ слова. Слово мужчины имело всеобъемлющую, магическую силу, его почти боготворили, перед ним открывались все двери, оно решало любые проблемы. Словом никогда не злоупотребляли, так как понимают, какая ответственность стоит за ним. Люди знали, что слово ранит и лечит, унижает и возвеличивает, ссорит и объединяет, воодушевляет на подвиги и толкает на предательство. Не зря нахчийские (чечено-ингушские) поговорки говорят: «Рана, нанесенная оружием, зажила, а словом – нет», «Пока не скажешь слово – оно твой раб, скажешь – ты его раб».

Авторский коллектив «Истории Ингушетии» сказал свое слово и, как полагается, должен ответить за него. Ответить за свои недостойные высказывания в отношении чеченцев и их истории. Ответить в открытой и честной полемике, лицом к лицу, глядя прямо в глаза своим оппонентам, апеллируя конкретными фактами, а не различными домыслами и мифами из «кухни» И. Дахкильгова, как настоящие мужчины и нахи.

Предлагаю это сделать в форме научной конференции. В Грозном или Магасе – не имеет значения. На этой же конференции или на другой обсудить весь комплекс проблем между Чеченской Республикой и Ингушетией, братскими чеченским и ингушским народами, с целью недопущения впредь таких необдуманных провокационных выпадов в отношении друг друга. Отчуждение друг от друга, как и следовало ожидать, не оказалось на пользу нашим народам. Как говорится, настало время собирать камни и восстанавливать слегка подпорченные отношения во имя будущего чеченцев и ингушей.

Известный историк В. Дегоев в одной из своих статей заметил, что «исторические труды о Северном Кавказе, как любая историографическая продукция, всегда были в той или иной степени идеологизированы и мифологизированы. Полностью избавиться профессиональное историописание от этого первородного греха невозможно в принципе. Но свести его злокачественный эффект к минимуму и тем самым автоматически повысить удельный вес благотворящего знания можно...

На поле битвы идей, страстей, людей, в которую, к сожалению, превращена История, российскому обществу нужна победа, одна на всех – победа здравого смысла, мудрости, согласия». Лучше не скажешь.

Книжные новинки**Письмена**

В Грозненском книжном издательстве недавно вышла новая книга стихов и поэмы известного чеченского писателя, поэта и публициста Абу Исмаилова – «Йозанаш» («Письмена»). Это первый том из запланированного автором двухтомника. Абу Исмаилов известен в республике и как автор уникального языковедческого труда «Дош» («Слово»), который включает в себя русско-чеченский, чеченско-русский словари, словарь устаревших слов и выражений, ставший настольной книгой ценителей чеченского слова. Новый сборник включает в себя как стихи и поэмы А. Исмаилова на чеченском языке, так и авторские переводы. Стихи автора лиричны, они обращены ко внутреннему миру лирического героя, заставляют читателя задуматься о его предназначении в этом мире, осмыслить причины трагедии чеченского народа в последние годы, понять суетность нашей жизни.

День уходит, став моим уделом,
Разбираю, как его прожил.
Кажется, чего-то не доделал,
Где-то, может, слабость проявил, –
задумывается автор о жизни.

Сборник сопровождается комментариями и стихами. Несомненно, книга станет подарком для ценителей поэзии.

Сулиман Мусаев

К нашим иллюстрациям**Искусство через призму времени**

Асланбек Усаев – молодой и талантливый скульптор. Можно смело заявить – он один из продолжателей традиций лучших скульпторов нашей республики: Сафронова, Хасаханова, Дутаева и др.

Асланбек родился 1 мая 1975 в с. Верхний Наур Надтеречного района ЧИАССР. Экстерном окончил детскую художественную школу № 1 в классе Б.Г. Радченко. Уроки живописи в школе преподавал известный художник нашей республики Туладзе Алико.

В 1992 г. Асланбек поступил в Чеченский государственный педагогический институт на художественно-графический факультет, но в 1994 году был вынужден перевестись в Ростовский государственный педагогический университет, на художественно-графический факультет, который успешно окончил в 1998 г. по специальности «преподаватель ИЗО и черчения». Его дипломная работа под названием «Всадник» была высоко оценена экзаменационной комиссией, председателем которой был директором Ростовского музея.

По окончании университета Асланбек увлекся графикой, мелкой пластикой, декоративной скульптурой. В центре внимания скульптора – духовный мир человека, его индивидуальность, стремление передать все это в пластике художественно точно и выразительно. В них нет нейтральных зон, каждый миллиметр формы созвучен содержанию. Материя и идея в его работах сплавлены в гармоничном равновесии. Их мысль закончена и определена, в них есть созвучие времен.

В 2002 г. Асланбек был принят в члены Союза художников РФ. Он участник республиканских, всероссийских и зональных выставок, лауреат Всероссийской выставки «Юг России. Сочи – 2008». Отмечен благодарностью Российской академией художеств.

В настоящее время проживает в Ростове-на-Дону. Занимается скульптурой: мелкой пластикой, скульптурой малых форм, графикой, декоративной скульптурой.

Работы Асланбека можно определить как лирико-монументальные. В его работах нет стандартов декоративной пластики, он ищет новые пути в этой области, сочетая в своем творчестве фантазию и лирику с чувством любви к природе, своей Родине.

На обложке журнала представлены следующие работы А. Усаева: 1 стр. – «Чеченский воин», 2 стр. – «Скиф с жеребенком», 3 стр. – «Рыболов», 4 стр. – «Абрек».

Сацита Исраилова

Сведения об авторах и переводчиках

Шамсудди Макалов (1942). Окончил Дагестанский медицинский институт в 1965 году. Публикуется в республиканской периодике с 1959 года. Автор книг «Малярные кисти» (юмористическая повесть, 1964, Махачкала), «Счастье шагать» (стихи, 1974, Грозный), «Первые шаги» (повесть на чеч. яз., 1983, Грозный), «Деши» (повесть, 1987, Тюмень), «Необыкновенная ночь» (рассказы на чеч. яз., 2005, Грозный), «Вечерние размышления» (стихи, поэмы, 2006, Грозный), «Весенний голоса» (стихи, 2006, Грозный), «До восхода солнца» (стихи, рассказы, 2008, Грозный). С 1969 по 2008 год работал главным врачом Шатойской госсанэпидстанции. Заслуженный врач ЧР, член Союза писателей РФ (1992).

Мовла Гайраханов (1968). Окончил Саратовский технический университет. В настоящее время проходит службу в Управлении Федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков по Чеченской Республике. Корреспондент издания «Советник президента» (Москва). Дебютировал на страницах журнала «Вайнах» в 2008 г.

Шамиль Хаджимуратов (1937). Родился в с. Элистанжи ЧИАССР. Окончил филологический факультет пединститута (ныне ЧГУ), Пятигорский институт иностранных языков в 1984 году. Около 30 лет работал учителем немецкого и русского языков в Казахстане и в с. Элистанжи. Пишет стихи, с 1987 года публикуются его переводы немецких поэтов на русский язык. Публикуется с 1955 года (первая в Казахстане чеченская газета «Кхьинхегаман байракх»), автор поэтического сборника для детей «Даггара» («От души»), Грозный, 1978 год.

Тауз Исс (Тауз Исаев). (1951). Поэт, эссеист, прозаик. Окончил Московский литературный институт им. М. Горького (семинар поэзии). Автор поэтических сборников «Пространство души», «Горсть», «Инии», эссеистики «Грани», прозы «Путешествие в полдень». Вице-президент Академии культуры Кавказа. Член СП Абхазии (2002), ЧР и РФ (2007).

Лейла Тамасханова. Родилась в г. Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ). Журналист, поэт, прозаик, драматург. Главный редактор журнала «Литературная Ингушетия», председатель Союза писателей Республики Ингушетия «Новая волна». Автор сборника стихов «Ловца» («Поздравление», Грозный, 1983), готовится к печати сборник стихов, прозы, эссе, пьес. Работала диктором Чечено-Ингушского телевидения и радио, в начале 90-х – старшим, затем – главным редактором государственной телерадиокомпании «Ингушетия».

Руслан Магомаев (1952). Окончил Чечено-Ингушский государственный университет, Горский сельскохозяйственный институт и Российскую Академию управления. Много лет работал на ответственных должностях в комсомольских, партийных и хозяйственных органах. В настоящее время работает в Аппарате Парламента ЧР. Стихи пишет с юношеских лет. В разные годы публиковался в периодических изданиях Москвы, Оренбурга, Ставрополя, а также республиканских СМИ, в том числе и на страницах журнала «Вайнах». Автор поэтических сборников «Сердцебиенье» (Грозный, 1991), «Осмысление чувств».

Малика Гортикова (1953). Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия (2005), заслуженный работник культуры Чеченской Республики (2009). Окончила филологический факультет ЧИГУ в 1994 году. Участница первого Всесоюзного совещания молодых журналистов (г. Москва). Многие годы возглавляла один из ведущих отделов Чечено-Ингушской молодежной газеты «Комсомольское племя». В период известных событий в ЧР в середине 90-х годов выпустила два номера женского журнала «Малика», посвященного духовным ценностям чеченского народа (московское издательство «Некос», печать – Финляндия). С 2007 года – заведующая отделом древней, средневековой и новой истории Национального музея ЧР. Соискатель ученой степени кандидата исторических наук. Автор ряда научных работ (Грозный, Ростов-на-Дону, Краснодар).

Светлана Айсханова. Родилась в городе Темир-Тау Казахской ССР. Выступает в различных жанрах публицистики с 70-х годов на страницах периодической печати нашей республики. В настоящее время работает старшим преподавателем кафедры русского языка ЧГУ.

Абу Исмаилов (1949). Родился в пос. Сас-Тюбе Тюлькубасского района Чимкентской области КазССР. Окончил филологический факультет ЧИГУ в 1981 году. Трудовую деятельность начал в 1967 г. учителем начальных классов. Активной творческой деятельностью занимается с 1975 г. Стихи, поэмы, рассказы, пьесы и другие произведения опубликованы во всех литературно-художественных изданиях ЧР. Автор книг «Бирдолаг», 1988 г., «Умар-хаджи», 2004 г., «Дош», 2005 г., пьес «Эдал», 1976 г., «Операция «Горы», 2004 г. и др. Перевел с чеченского языка на русский язык роман М. Ахмадова «И текла река в ночь» и его повесть «Косари», а также книгу богослова Хож-Ахмад-хаджи Кадырова и журналиста Масуда Заурбекова «Светлый путь ислама». Член Союза писателей и журналистов РФ. Более 40 лет занимается изучением и пропагандой чеченского языка.

Содержание журнала «Вайнах» за 2010 год

Память

- Черная дата. II – 2
Шамсудди ИБРАГИМОВ.
 Геноцид. II – 3
Наталья ВИКИЕВА. 23 февраля.
 II – 5
Мадина ИДРИСОВА. 23 февраля
 1944 года. II – 5
Ахмад СУЛЕЙМАНОВ. Тешаш
 дийна боллушехь. Дагалецамаш. II – 6
Зарема ДЖАБРАИЛОВА. Черная
 птица. II – 11
Асма МАЦАЕВА. Сийлахьчу
 кьинхегаман турпалхо. II – 13
Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ.
 День памяти и скорби. V – 2
Адиз КУСАЕВ. Человек из
 легенды. V – 71
Саламбек ГУНАШЕВ. Выселение
 чеченцев и ингушей в 1944 году. V – 80
Светлана АЙСХАНОВА.
 Наставник своего времени. К 104-
 летию со дня рождения Айсханова
 Шамсуддина. XII – 66
Абу ИСМАИЛОВ. Смерть поэта.
 XII – 69

Инаугурация Главы ЧР

«Превратим наш край в один из
 самых благополучных регионов
 России». IV – 2

5 октября - День Грозного

Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ.
 Формируя положительный имидж.
 X – 2

Юбилей

Когда звезды не гаснут. О творчестве
 чеченского писателя М. Ахмадова. I – 2
Муса АХМАДОВ. Все имеет свой
 смысл. Повесть. Перевод с чеч. С.
 Мусаева. I – 9
 Честное имя в наследство. С
 Шахрудином ГАПУРОВЫМ беседует
 Роза МЕЖИЕВА. I – 64
Хьялим БУРЧАЕВ. Босбика

холчах Iотгор. Дийцар. VI – 49
Умар ЯРИЧЕВ. Пророк. Стихи.
 VII – 2
Башир ТИМУРЗИЕВ. На вершине
 Парнаса. VII – 5
Олег ДЖУРГАЕВ. Трепачи! Стихи.
 VII – 40
Ахмат-хаджи КАДЫРОВУ – 60.
 Человек-легенда. VIII – 2
Валентина ШИТОВА. Ахмат-
 хаджи. Стихи. VIII – 3
Камета САГУЕВА. 9-чу майхь...
 Стихотворени. VIII – 5
Султан МАРГОШВИЛИ.
 Нохчийчоьнан вуьззина кIант.
 Стихотворени. VIII – 6
Мудар НАДИЕВ. Ахьмад-хьаьжа.
 Стихаш. VIII – 7
 Осиливший путь. С Сайд-Али
 Абдулхалимовым беседует Магомед
 ДАДУЕВ. VIII – 64
Шахрудин ГАПУРОВ, Ваха
ГАДАЕВ. Историческая роль А.А.
 Кадырова в консолидации чеченского
 народа. VIII – 71
 Поэтан зевне аз. IX – 2
Мохьмад ДИКАЕВ. Даймехкан
 сурт. Драма. IX – 3
Дакаев САИДБЕКАН – 60. IX
 – 37
Саидбек ДАКАЕВ. Нохчийн мотт.
 Стихаш. IX – 37
Адам АХМАТУКАЕВ. Зуда йигар.
 Стихаш. X – 4

Нохчийн классика

Мохьмад МАМАКАЕВ. Гуьйре.
 Стихаш. IV – 4
Мохьмад ДИКАЕВ. Лурвоьллачу
 стеган илли. Стихаш. IV – 8

Проза

Мовла ГАЙРАХАНОВ. Бата.
 Осень. Рассказы. Отряд «Юный
 спецназовец». Очерк. I – 36
Мудар НАДИЕВ. Забаре дийцарш.
 I – 58
Разида ЭРСЕНОЙ. Спецпере-

селенцы. Повесть. II – 16; III – 2; IV – 11

Вахит ХАДЖИМУРАДОВ. Боец разведроты Ильясов. Рассказ. II – 35

Шамсудди МАКАЛОВ. В бывшей мечети. Рассказ из цикла «Записки врача». II – 46

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. Заначка. Рассказ. II – 58

Маржан ДИКАЕВА. Котенок. Рассказ. II – 64

Тауз ИСС. Украденная Родина. Главы из романа. III – 23; IX – 13; XII – 28

Муса БЕКСУЛТАНОВ. Кегий дийцарш. IV – 31

Аламат. Рассказ. V – 7

Бухта «Крест». Рассказ. Перевод с чеч. М. Эльдиева. VIII – 15

Дорога, возвращающаяся к началу Повесть. Перевод с чеч. Сулимана МУСАЕВА. XI – 2

Докка КАГЕРМАНОВ. Дика кІант – гала, вон кІант – бала, Я бакъ дешан маІна. Дийцар. IV – 38

Муса АХМАДОВ. Кегий дийцарш. IV – 47

Гарби БЕЧУРКАЕВ. Даймахках къастар. Очерк. IV – 57

Мохьмад АЛИЕВ. Яха. Дийцар. V – 56

Тауз ИСС. Украденная родина. Роман-светологос. Книга. 2 VI – 2

Арби УСМАНОВ. Час истины. Рассказ. VI – 29

Абубакар КАЛАМОВ. Друг. Рассказ. VI – 41

Фаиза ХАЛИМОВА. Миниатюры. VI – 44

Аслан ШАТАЕВ. Письмо из будущего. Повесть. V – 29; VI – 56; VII – 14; VIII – 38; IX – 41; X – 22

Гийса ЗАКРИЕВ. Іарьжачу буса. Дийцар. VI – 75

Шаран ДАШАЕВ. Земля кормящая. Очерк. VII – 10

Муслим ГАПУЕВ. В стиле Ренессанса и др. рассказы. VII – 42

Анзор ДАВЛЕТУКАЕВ. Лакъаджакум. Дийцар. VII – 51

Лиза АЛБОГАЧИЕВА. Сын. Рассказ. VII – 59

Магомед ЦУНЦАЕВ. Не жалеи ни о чем. Письма девушке. VII – 62

Іайнди ХАДЖИМУРАДОВ. Дийцарш. VII – 66

Муса АХМАДОВ. Ламчоь гІа дужучу дийнахь. Рассказ. VIII – 8

Асланбек ДАУДОВ. Іелим-Солта. Дийцар. VIII – 58

Нодар ДУМБАДЗЕ. Даималлин Іедал. Романан дакъа. Гочїинарг Маргошвили Султан. IX – 27

Олег ДЖУРГАЕВ Родники утренней свежести. Триптих. X – 8

Асламбек ДАУДОВ. Беркате хьаша. Дийцар. XI – 31

Елена СЕРДЮКОВА. Хочешь что-то изменить в жизни? Измени себя! Рассказ. XI – 63

Ахмет АМИРОВ. Горские были. Рассказы. XI – 65

Шамсудди МАКАЛОВ. Встреча с Тасу. Рассказ из цикла «Записки врача». XII – 2

Мовла ГАЙРАХАНОВ. Путь покаяния. Рассказы. XII – 14

Поэзия

Марина ВЕРОЛЬСКАЯ-СААКЪЯНЦ. Летела птичьа стая... Стихи. I – 22

Алвади ШАЙХИЕВ. Чеченки. Стихи. I – 24

Возвращение. Стихи. X – 18

Гумар САИЕВ. Дог доьлху. Стихаш. I – 27

Асет ХАЛИКОВА. ГІайгІане Терк. Стихаш. I – 54

Насруди ДАБАЧХАДЖИЕВ. Мерцанье звезд. Стихи. I – 56

Нана. Стихаш. VII – 50

Ризван ЭДИЛЬХАНОВ. Нохчийн йоІ. Стихаш. I – 57

Чага ГАЙРБЕКОВ. Сан лаьмнаш. Стихаш. II – 33

Аман УСМАНОВ. Сахалинская земля. Стихи. II – 57

Елена СЕРДЮКОВА. Не ици декорации фраз. Стихи. III – 19

Марьям НОХЧИЕВА. Молитва. Стихи. III – 20

Надежда МАРИНИНА. Тамерлан.

Легенда. III – 37

Адиз КУСАЕВ. Сонетийн кочар. III – 52

Забота и др. стихи. VIII – 34

Муса БУХАДИЕВ. Нохчийн махкахь. Стихаш. III – 68

Салман ЭЛИСХИНОВ. Доттаг1а. Стихаш. IV – 54

Лариса БАДАЕВА. Он силы духа прибавляет. Стихи. V – 5

Прощание с осенью. Стихи. XI – 48

Асламбек ЯКУБОВ. Вся наша жизнь – преодоление... Стихи. V – 24

Сайд-Мохьмад ГЕЛАГАЕВ. Дайн иллеш. Стихаш. V – 26

Лиза АЛБОГАЧИЕВА. И надо должное отдать... Стихи. V – 55

Хьасан САЙДУЛЛАЕВ. Дьоху ас... Стихаш. V – 62

Ахмед ПАЦАРИГОВ. Вернись и останься. Стихи. V – 69

Адам АХМАТУКАЕВ. Боль рубцуется на генах... Стихи. VI – 12

BETARSOLT. Грозный – 95. Стихи. VI – 24

Асламбек ТУГУЗОВ. Я знаю, за нами другие придут... Стихи. VI – 54

Саьидбек ДАКАЕВ. Сан дехар. Стихаш. VI – 70

Шамсудди МАКАЛОВ. Перенести мне дай, Аллах. Стихи. VII – 48

Перенести мне дай, Аллах! Стихи. IX – 75

Илмади ЦОККУЕВ. Везчу Дала юьхьк1айойла! Стихаш. VII – 56

Хусейн ДЖЕБИЕВ. Даймахке безам. Стихаш. VII – 57

Зайнди БАЙХАДЖИЕВ. Шаьлтано лардина г1иллакх. Стихаш. VIII – 36

Супьян ХАЛИДОВ. Беспросветные годы. Стихи. VIII – 55

Марьям НОХЧИЕВА. Книги... Стихи. IX – 57

Шемил ХАДЖИМУРАДОВ. Даггара сан лерам хьуна! Стихаш. IX – 74

Али АЗДАМИРОВ. И счастьем загорятся лица. Стихи. IX – 77

Камета САТУЕВА. Йоккхае, нана!

Стихаш. X – 7

Насрудин ЯРЫЧЕВ. Ощущение суеты. Изнеопубликованных тетрадей. Стихи. X – 39

Роза ДАХАЕВА. Простая истина. Стихи. XI – 29

Муса ШАМСАДОВ. Дуьненан лазам. Поэми т1ера дакъа. XI – 41

Умар ЯКИЕВ. Жизнь – это стих. Стихи. XI – 44

Элина ЛИТАЕВА. Затонувшая любовь. Стихи. XI – 46

Абу ПАШАЕВ. Сатийсам. Стихаш. XI – 67

Шамиль ХАДЖИМУРАТОВ. В самолете «Москва-Берлин» Стихи и переводы. XII – 26

Руслан МАГОМАЕВ. Из юности. Стихи. XII – 38

Голоса друзей

Григорий АРОСЕВ. Звонок из Торонто. Рассказ. I – 29

Алла ЧОТЧАЕВА. Храни Кавказ мой... Стихи. I – 47

Владислав РЕЗНИКОВ. Смерть. Рассказ. I – 50

КАДРИЯ. Безамах дийцар. Поэма. Гочийнарг Шайхиев 1алвади. III – 50

Дарья ШОМАХОВА. Миниатюры. III – 56

НАРГИСА. Тень над фолиантом. Стихи. IV – 52

Муса БАРКИНХОЕВ. Апокалипсис. Стихи. V – 52

Камит КЕКЕЕВ. Стихи детям. V – 54

Мария ЗАКРУЧЕНКО. Ниточка. Рассказ. VI – 15

МУРСАЛАЛ. Ретро. Стихи. VII – 54

Александр КАЦО. Засада и др. рассказы. VII – 68

Лейла ТАМАСХАНОВА. Тетушкины бутсы. Рассказ. Перевод с инг. С. Мусаева. VIII – 64

Алим АЛАФАЕВ. Молчанье гор. Стихи. VIII – 66

Гумер КАРИМОВ. Чечня. Стихи. IX – 24

Наталья ТЕНИЕВА. Терпи, душа!

Стихи. IX – 62

Раян ФАРУКШИН. Хлеб. Рассказ.
IX – 65

Жанна АППАЕВА. Переселением
израненные души. Стихи. Перевод с
балкарского. XI – 33

Милена ТЕДЕЕВА. Это если.
Стихи. XI – 36

**Маргарита РОМАНОВА-
АЛЕКСАНДРОВА.** Встреча с
Ахматовой. Стихи. XII – 45

Драматургия

Ахмад СУЛЕЙМАНОВ.
Материнские слезы. Пьеса. Перевод
Алвади Шайхиева. IV – 65

Муса АХМАДОВ. Шкаф. Комедия.
Перевод С. Мусаева. V – 65

Сын Барзанака Барза и другие, или
Ушедший за саваном. Трагикомедия
в 2-х частях и 9-ти картинах. X
– 71; XI – 50. Перевод с чеч. Лидии
ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ.

Лейла ТАМАСХАНОВА. Мюсли.
Пьеса. Перевод с ингушского Алвади
ШАЙХИЕВА. XII – 47

IV Совещание молодых писателей Кавказа

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. Когда
родится песня. X – 42

Зинаида КУПЕЕВА. Ключи в
кармане. Стихи. X – 46

Алексей КОЗЛОВЦЕВ. Город.
(Отрывок из повести «Комплексные
числа»). X – 48

Ольга ЛИЗУНКОВА. Запах
мокрой травы. Рассказ. X – 52

Полина ДИБИРОВА. «Тропик».
Рассказ. X – 54

Мариам КАБАШИЛОВА.
Господи, дай мне силы... Стихи. X
– 58

Саламбек АЛИЕВ. По долинам
и по взгорьям в сопровождении
Александра Галича, или Четвертое
северокавказское совещание молодых
писателей глазами дремучего
дилетанта. X – 60

Дебют

Маржан ДИКАЕВА. Деба. Рассказ.
I – 34

Адам ТОКАЕВ. Двери. Рассказ. I
– 60

Руслан ЭЛЬГУКАЕВ. Чечне.
Стихи. II – 54

Румиса ДОКАЕВА. Отец.
Миниатюра. III – 36

Камета САТУЕВА. Буйсане.
Стихаш. VI – 73

Саламбек АЛИЕВ. Яха. Рассказ.
IX – 59

Луиза ЭЛЬМУРЗАЕВА. Ведь
стареет не дух... Стихи. IX – 78

Марта САИТОВА. Миниатюры.
XI – 38

Малика НАХАЕВА. Даймохк
билхира. Стихи. XII – 13

Малика ЕЖИЕВА. Реквием
кошкам Грозного. Рассказы. XII – 40

Публицистика

Кати ЧОКАЕВ. Нохчийн мотт
– вайн къоман синкхача. VI – 78

Муслим ГАПУЕВ. Ринг чести
Рамзана Себиева. VI – 85

Тамара БУРСАГОВА. Духовно-
культурное воспитание школьников в
Чеченской Республике. IX – 86

Вахит АКАЕВ. Андарбек Яндаров
как философ и государственный
деятель. X – 89

Хамзат УМХАЕВ. «Историческое»
мифотворчество. XII – 75

Критика и литературоведение

Гелани ИНДЕРБАЕВ.
Современная чеченская литературная
критика: состояние, проблемы II – 68

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА.
«Отцы» и «дети» современной
чеченской литературной критики. II
– 85.

Влюбленный пилигрим. VI – 81
Хава ТЕМАЕВА. Проблема
нравственного выбора в творчестве

Чингиза Айтматова и ее отражение в чеченской литературе. III – 83

Султан СОЛТАХАНОВ. Анатолий Приставкин. Связь творчества писателя-интернационалиста с Кавказом. V – 92

Увайс ЛОРСАНУКАЕВ. Чувство Родины в поэзии Асламбека Якубова. VI – 89

Фольклористика

Исмаил МУНАЕВ. Баллады в чеченской народной поэзии. XI – 75

История

Вахит БИБУЛАТОВ. Слово о моих предках. I – 70

Вахит АКАЕВ. Духовно-культурная деятельность суфийских братств. I – 79

Суфизм на Северном Кавказе: тарикат накшбандийа в Дагестане. IV – 79

Тарикат шазилийа в Дагестане. VII – 79

Олег ДЖУРГАЕВ. Пожавший бурю. I – 86

Леча ГАРСАЕВ. Основные этапы становления русско-нахских связей. II – 65

Леча ГАРСАЕВ, Марем ГАРСАЕВА, Тамара ШАИПОВА. Традиционное оружие чеченцев и ингушей. IV – 74

Андарбек ЯНДАРОВ, Галина ЗАУРБЕКОВА, Индарби БЫЗОВ. Майкопская культура в свете комплекса последних научных данных. III – 70

Татьяна ГВОЗДИКОВА. «Имею честь покорнейше просить...» III – 88

Зулай ИСАКИЕВА. Роль депортированных вайнахов в развитии Карагандинского угольного бассейна. IV – 86

Магомед ДАДУЕВ, Али САЛГИРИЕВ. Чечня в контексте региональной безопасности Северного Кавказа. V – 76

Константин ЧХЕИДЗЕ. Аслан-Бек Шерипов. Глава из книги «Страна Прометей». VII – 84

Малика ГОРТИКОВА. Именитые купцы Мадиевы и их потомки. VIII – 78

Свет деяний меценатов Чечни. XII – 54

Мусейп ВИСЕНГЕРЕЕВ. Антропоморфная пластика Кавказа – удивительные сведения о наших предках. XI – 68

Арби БЕЧУРКАЕВ. Кто такие мелардой? XI – 71

Наше интервью

Алвади ШАЙХИЕВ: «Верю в будущее чеченской литературы». Беседовал Сулиман МУСАЕВ. VII – 89

Магомед ДАДУЕВ: «Прометей» – родимое пятно моей биографии. Беседовал Ибрагим Хизиров. IX – 79

Путевые заметки

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. Пусть каждый сам выбирает, какой энергией заряжаться. VIII – 90

Духовность

Мусейп ВИСЕНГЕРЕЕВ. Ислам о душе и воспитании человека. V – 85

Свидетельства очевидцев

Малика МУСАЕВА, Сулиман МУСАЕВ. «Зачистки» в станице Ассиновской (3–4 июля 2001 г.). III – 41

Рецензия

Муса БАГАЕВ. Место спорта в моральном облике чеченца. IX – 89

Языкознание

Розита ЭСЕНБАЕВА. Особенности глагольной формы в чеченском языке. I – 75

Кати ЧОКАЕВ. Взаимоотношения алан-иранцев и вайнахов по данным

языка и фольклора. IV – 67

Арби ВАГАПОВ. К вопросу о происхождении этнонимов «алан» и «асс». VIII – 66

Хроника культурной жизни

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. Территория понимания, приятия и любви. III – 91

Таиса ТЕРЛОЕВА. Прояви себя. VI – 91

Легенды спорта

Муслим ГАПУЕВ. Панчер. XI – 86

И в шутку, и всерьез

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. Синдром логокинеза. Афоризмы. I – 93

Зодиак беллетристики. Афоризмы. VII – 93

Бенефис для парадоксов. Афоризмы. IX – 93

Ассимиляция гипербола. Афоризмы. XI – 84

Книжные новинки

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. Далекие берега жизни. I – 95

Роза МЕЖИЕВА. Ночной прохожий. II – 95

Ловушки социальной сети. V – 95

Самое большое желание. VII – 95

Чтобы свечу не задуло ветром. IX – 95

Роза БЕРСАНОВА. Юридические термины на чеченском языке. III – 95

История и проблемы формирования чеченского литературного языка. IV – 95

Чеченский фольклор. VI – 95

Абу НАШХО. Признание. X – 95

Сулиман МУСАЕВ. Терек был полноводным. XI – 95

Письмена. XII – 95

К нашим иллюстрациям

Роза БЕРСАНОВА. В поиске себя. I – 95

Роза МЕЖИЕВА. Когда муза требует тишины. II – 95

«Живу жизнью художника!» III – 94

Перманентное состояние души. IV – 95

Когда таланту нужна помощь. VI – 92

Последняя картина. X – 95

Правда красоты в тишине мастерской. XI – 95

Таиса ТЕРЛОЕВА. Постоянство времени. V – 95

Образ Ахмат-хаджи Кадырова в произведениях изобразительного искусства. VIII – 94

Сацита Исраилова. Свободный художник. IX – 95

Искусство через призму времени. XII – 95

Сведения об авторах и переводчиках

I – XII – 96

Содержание журнала «Вайнах» за 2010 год. XII – 89